

МО
С
К
О

БАЗАР

С
К
И
И

БАЗАР

№ 2 (24) 2017

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова

Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора Рязанов был неправ

У природы, конечно, плохая погода бывает. Рязанов был неправ. Вот сидишь ты на веранде, пьешь кофе, смотришь на дождь. Бесконечный дождь. Вода уже повсюду. Нет, это не Венеция. Это какое-то недоразумение. Потоп, о котором так много говорили, произошел. Пора вставать в очередь за билетом на ковчег. А то может не достаться.

Ну как в такую погоду не загрустить?! Как не впасть в депрессию? Хочется тепла и солнца, а в небесной канцелярии постановили: дождь, дождь, дождь. Остаются книги и мысли. А мысли как раз и печальные. Под стать дождю. Он же все окрашивает в серый цвет. Даже мысли.

А ковчег тем временем уже на плаву. Ной вбивает последние гвозди, готовит каюты, набивает трюмы припасами. Не сам, конечно. Вот еще способ спастись – устроиться обслуживающим персоналом. Ведь кто-то должен драить палубу, убирать каюты, чистить туалеты, следить за порядком. Штат сотрудников ограничен, так что поторопитесь.

Думаю, с учетом прежнего опыта, ковчег будет больше и вместительней, оснащен современным оборудованием, средствами связи. Связисты, будьте наготове! Отбор последует жесткий. У капитана непременно будет помощник, коку одному не справиться – с десяток поваров минимум, а еще официанты, медперсонал, инструкторы по аэробике и йоге, певцы и танцоры, организаторы шоу-программ, бухгалтеры, секретари, экскурсоводы, лекторы, библиотекари – почтенную публику нужно развлекать. Особая привилегия у зоологов – кто-то ведь должен ухаживать за каждой тварью, которых по паре.

Так что загляните в свои дипломы, возможно, именно у вас появится шанс оказаться на этом Ноевом «Титанике». Нет, на айсберг он не налетит и ко дну не пойдет. Сюжетом это не предусмотрено. Все будет отлично: однажды он пристанет к берегу, и прекрасное путешествие под джазовую музыку и тихий плеск волн подойдет к финалу. Он же – начало всех начал. А потом все как у классика: «Умрешь – начнешь опять сначала // И повторится все, как встарь: // Ночь, ледяная рябь канала, // Аптека, улица, фонарь».

В общем, поторопитесь. Количество мест ограничено. Принцип отбора на ковчег пока неясен. Возможно, как всегда, решающее значение будут иметь деньги. В конце концов, современный Ной уже немного бизнесмен. Это вовсе не тот праведный и непорочный человек, жизнь и его кое-чему научила за столько веков. Да и строительство ковчега требует немалых вложений, а их надо окупить. Кредиты рано или поздно придется возвращать. Так что удачи, господа.

А я, пожалуй, останусь. Мне не нужно место на этом корабле. Буду жить, пока держусь на плаву. А когда силы иссякнут – пойду на дно. На дне тоже можно существовать. Правда, уже в ином качестве. Да и не может этот дождь длиться вечно! Рано или поздно он кончится. И пойдет снег...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ. Проза

- ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК. Эссе
- С УМА СОШЛА

СЕРГЕЙ АБРАМЕНКО. Стихи

АНАСТАСИЯ РАЧИЛОВА. Стихи

ОЛЬГА ФОМИЧЕВА. Стихи

ВАСИЛИЙ ГРОМОВ

- ПЕРЕХВАТ. Проза
- Поэзия

СЕРГЕЙ КИНЯКИН. Проза

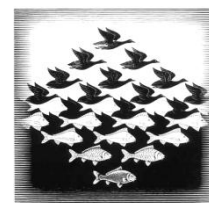
- ВЫСОКО И БЫСТРО

АНДРЕЙ БОЙКО. Стихи

ИРИНА ГРЕХОВА. Стихи

ВАЛЕРИЙ МЯКУШКО. Проза

- ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

5

8

14

17

19

20

25

26

28

30

32

ПРОЗА

МАРИНА ТИШАНСКАЯ (Москва)

- ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ УТЮГА

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Украина)

- ОСОБО ОПАСНЫЙ

ОЛЕГ ЧЕРНЯК (ПЕРМЬ)

- СТРАШНЫЙ СОН

35

40

47

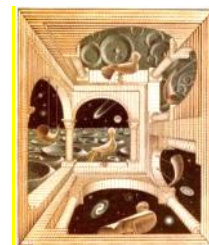
ПОЭЗИЯ

АЛЁНА ВОЛЯ (Таллин)

ВИКТОР ХАТЕНОВСКИЙ (Москва)

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- НА ОСТРИЕ БОРЬБЫ МИРОВ. Поэма. Ч. 3., продолжение

50

54

58

ЗООКОММУНАЛКА

МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ (МОССАЛИТ, Москва)

- СОБАКИ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- Стихи

- ПРОПАЖА

69

74

74

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, Москва). Стихи

78

НАТАЛЬЯ ПУНИНА-ОРЛОВА (МОССАЛИТ, Москва). Стихи

81

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

ЕФИМ АБРАМОВ, ЛЕЙЛА БЕГИМ (Чехия, Прага)

- *У ЛЮБВИ - АППЕТИТ ПИРАНЬИ. Пьеса*

82

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

КОНСТАНТИН ПРОХОРОВ (Омск)

- *ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОСЛЯТКИНЕ*

105

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- *ГОРОД-ДЕТСТВО, или СПАСЕМ НЕЗАБУДКИ*

120

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ХРОНИКИ ШКИПЕРА. Продолжение*

123

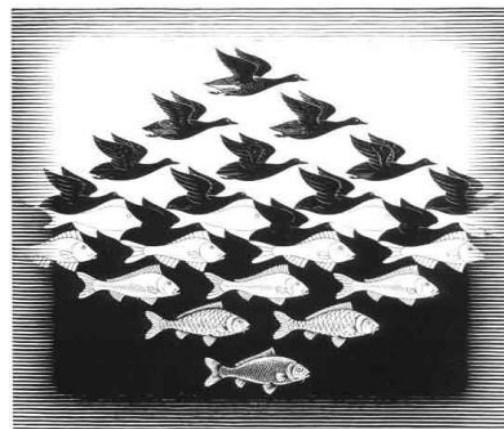
В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, К. Галеевой, И. Бурдонова, М. Панфиловой,
коллаж А. Народицкой,
фотографии из архива Алексея Казарновского.

На обложке репродукция картины
Кадрии Галеевой «Около Старицы (Липовка)», 2002 г., холст, масло

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Вероника Черных

Город Снежинск (Челябинск-70) – один из десяти закрытых городов ядерного щита России. Основан 23 мая 1957 года, статус города получил 8 июля 1993 года. Расположен вблизи озер Силач и Синара в 105 км от Екатеринбурга и 123 км от Челябинска. Особый режим охраны установлен в целях безопасного функционирования градообразующего Федерального государственного унитарного предприятия «Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина» (РФЯЦ-ВНИИТФ).

Датой рождения РФЯЦ-ВНИИТФ считается 5 апреля 1955 года, день выхода по Министерству среднего машиностроения Советского Союза приказа № 252 о задачах, структуре и основных руководителях нового ядерного центра НИИ-1011. Основная цель – дублирование ядерной программы Саровского (Арзамас-16) ядерного центра РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Разработка ядерного оружия началась в США в Лос-Аламосе 17 сентября 1943 года в рамках проекта «Манхэттен». Были созданы три атомные бомбы: плутониевая «Штука» (*Gadget*) – взорвана при первом ядерном испытании 6 июля 1945 года, урановый «Малыш» (*Little Boy*) – сброшена на Хиросиму 6 августа 1945 года и плутониевый «Толстяк» (*Fat Man*) – сброшена на Нагасаки 9 августа 1945 года.

Разработка советского ядерного оружия началась 9 апреля 1946 года со строительства КБ-11 в районе поселка Саров Горьковской области. Первая атомная бомба была испытана 29 августа 1949 года.

В 1952 году США создали запасную национальную лабораторию в городе Ливермор. На случай гибели Сарова в 1955 году началось строительство НИИ-1011 (будущего РФЯЦ-ВНИИТФ) и поселка Касли-2 (будущего Снежинска).

Первыми руководителями нашего предприятия стали Дмитрий Ефимович Васильев (директор) и Кирилл Иванович Щелкин (научный руководитель). Благодаря их работе наряду с коллегами из Сарова к середине семидесятых годов в мире был достигнут примерный ядерный паритет.

В Снежинске было создано больше половины зарядов ядерного арсенала. Это все ядерные авиационные бомбы, все ядерные ракеты для ВМФ, крылатые ракеты, все ядерные артиллерийские снаряды (до 1990-х годов на вооружении стояли самоходные гаубицы, которые стреляли на 20 км миниатюрными, мощностью до 10 кт, то есть в пол-Хиросимы, ядерными снарядами калибра «Авроры»). Вместе с альма-матер в Сарове РФЯЦ-ВНИИТФ создал самую мощную в мире бомбу – «Кузькину мать», а также разделяющуюся головную часть для межконтинентального «Тополя», главный аргумент ядерного щита России. В Снежинске разработан боеприпас для баллистической ракеты нового поколения «Булава».

Именно эти разработки берегут нашу страну от участи Югославии, Ирака, Ливии и других подобных государств. Но эти разработки не спасли нашу страну от «майдана» 1991 года с последующими миллионами жертв алкоголизма, наркомании, бандитизма и проституции. Потому что наряду с «физиками» – бойцами военного фронта, должны существовать еще и «лирики» – бойцы идеологического фронта, как сейчас говорят, информационной войны. Мы в 1991 году потерпели поражение именно в информационной войне и лишь теперь, с большим трудом, выправляем положение. Не зря этот год объявлен годом культуры, а следующий – годом литературы. Никакое оружие не спасет, если в голове не будет ясности, зачем и для чего все это нужно. А нужно это для того, чтобы человек не превращался в зверя и не убивал себе подобных, как в 1932 году в Германии или сейчас на Украине.

Поэзия Снежинска (Челябинска-70) родилась вместе с городом, так как появилась вместе с первыми поселенцами, ставшими первыми сотрудниками нашего института. Предтечей организованной литературной жизни в городе являлись литературные чтения, проводимые в 1962–1963 годах работниками городской библиотеки. Творчество каждого снежинского поэта развивалось без взаимного влияния друг на друга, и каждый проявлял себя самостоятельно, в основном в стенной печати.

Первое городское литературное объединение в Снежинске было создано в октябре 1963 года по инициативе Камиля Мустафина, Вадима Кулиничева, Вадима Агеева и Владимира Лаушкина, поддержанной горкомом комсомола. В него вошли также Виктор Бобылев, Светлана Ершова, Юрий Погодин, Ларина Федотова, Владимир Шапошников, Виктор Шаронов, Герман Шлейтанов, Вячеслав Зенин, Алексей Клочков, Лев Лелеко. Руководителем литобъединения стал журналист Вадим Кулиничев.

В 1967 году увидел свет первый стихотворный сборник под названием «12» (по числу авторов).

Основной формой деятельности литобъединения было проведение вечеров поэзии и поэтических встреч как в масштабах города, так и в отдельных трудовых коллективах. Именно в этот период (1964–1967 годы) сформировалась традиция ежегодного проведения весенних городских вечеров поэзии.

В ноябре 1968 года состоялось возрождение литобъединения на новой организационной основе. Оно получило название «Тропа», а возглавило его оргбюро в составе: Виктор Бобылев, Камиль Мустафин и Игорь Собакин. В это время к сообществу поэтов присоединились Владимир Башуров, Олег Суворов и Владимир Кулибаба. Городские вечера поэзии стали проводиться два раза в год – весной и осенью; снежинцам особенно памятны осенние вечера поэзии, которые носили общее название «Листопад». После 1973 года городские вечера поэзии проводились эпизодически, по особым случаям.

К этому времени в состав «Тропы» вошли Юрий Вантрусев и Владимир Накоскин, а руководство литобъединением взял на себя Камиль Мустафин, член Союза писателей СССР.

Выходят сборник стихов, песен и прозы снежинских авторов под названием «Свет любви» (1980) и альманах поэзии «Тропа» (1982).

К 1986 году, в период затишья в «Тропе», возникла идея создания нового, неформального творческого объединения «Неолит». Учредителями и первыми его членами стали научные работники Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института технической физики (РФЯЦ-ВНИИТФ), поэты В. Лаушкин, Ю. Биянов, В. Шапошников, Н. Кононов и Ю. Вантрусев. Позднее в состав «Неолита» вошли Л. Никитина, С. Ершова, В. Бобылев, М. Шишкина, А. Воронов, а само объединение «Неолит» стало структурным подразделением ДК «Октябрь».

В 1997 году, при организационной и финансовой поддержке администрации Снежинска, в связи с 40-летием города, изданы авторские сборники стихов Ю. Биянова, Ю. Вантурсова, С. Ершовой, В. Лаушкина, В. Шапошникова; чуть позже увидели свет сборники стихов А. Тряпичкина, Л. Никитиной.

По предложению «Неолита», сделанному в городе Заречном на праздновании 35-летия литературного объединения «Радуга», в 1997 году была начата работа над «Антологией поэзии закрытых городов», которая была издана в Железногорске в 1999 году. Главной редакцией был весь состав «Неолита».

С 1998 года «Неолит», помимо авторских вечеров, устных альманахов, презентаций авторских сборников, совместно с ДК «Октябрь» ежегодно проводит конкурсные фестивали «Молодая поэзия Снежинска», имеющие большой успех у молодых авторов.

Члены «Неолита» публикуются в местных, областных и российских изданиях, готовят и издают авторские и коллективные сборники, проводят творческие встречи с поэтами городов ЗТО и Урала, участвуют в региональных, российских и международных фестивалях, становятся их лауреатами и победителями. Так, например, В. Лаушкин победил в конкурсе «Пушкинская лира» (Нью-Йорк), И. Богород – в конкурсе «Всенародная поэзия России» (Москва). В. Бобылев, Ю. Вантурсов, С. Ершова, Л. Никитина, В. Правдухина стали победителями Всероссийского Бажовского фестиваля народного творчества.

Из достижений «Неолита» можно отметить организацию ежегодного конкурса и выпуск первой «Антологии поэзии закрытых городов».

В марте 2011 года Министерством культуры Челябинской области поэтическому объединению «Неолит» ДК «Октябрь» присвоено звание «Народный коллектив самодеятельного народного творчества Челябинской области». Сейчас в поэтическом объединении «Неолит» девятнадцать действующих авторов.

В настоящее время в Снежинске активно работают два литературных объединения, являющиеся общественными структурными подразделениями Дворца культуры «Октябрь»: поэтическое объединение **«Неолит»** и объединение свободного творчества **«ОСТ»**.

Объединение свободного творчества «ОСТ» создано в нашем городе 21 февраля 2003 года. Как явствует из названия, «ОСТ» не замыкается только на поэзии, а ведет работу как в области литературы (поэзия, проза, публицистика, драма и пр.), так и в области искусства вообще (фотография, живопись, авторская песня и пр.), а также на стыках жанров. Как показала практика, это оказалось удобно не только при выпуске литературно-художественной продукции (издано более двух десятков коллективных и авторских сборников), но и при организации регулярных культурно-массовых мероприятий в форме концертов, театрализованных представлений, поэтических дуэлей и т.п.

В своей деятельности «ОСТ» широко кооперируется с другими творческими объединениями как городскими, так и областными. Особенно тесные отношения сложились с Челябинским отделением Союза писателей России. Чуть ли не половина списочного состава «ОСТ» (С. Абраменко, А. Бойков, И. Грехова, С. Москвина, В. Мякушко, А. Тупиков, В. Черных) стали в разное время лауреатами областного литературного конкурса, а Сергей Абраменко, Андрей Бойков, Василий Громов, Валерий Мякушко, Вероника Черных – членами Союза писателей России.

По инициативе С. Абраменко, А. Бойкова и С. Ершовой в нашем городе образована первичная ячейка областной писательской организации. Главные задачи – выпуск городского литературно-художественного альманаха и организация ежегодного городского поэтического конкурса. Совместными усилиями объединений «Неолит» и «ОСТ» с 2008 года выпускается

ежегодный литературный альманах», с 2011 года проводится городской конкурс поэзии «Молодая поэзия Снежинска», а также конкурс для взрослых поэтов «Капель». Таким образом, и «Неолит», и «ОСТ» вносят заметный вклад в культурную жизнь Снежинска, помогая людям в их духовной реализации и благотворно влияя на воспитание молодого поколения.

Источники:

Антология поэзии закрытых городов. – Железногорск: Буква, 1999. – с. 279-324.

Антология поэзии закрытых городов Росатома. – Пенза: ИП Тугушев С. Ю., 2011. – с. 283-316.

Южный Урал: Литературный альманах № 10 (41). – Челябинск, 2014. – с. 32-91.

Вероника Черных С УМА СОШЛА

1.

– Ни за что не скажешь, что у тебя трое детей, Саш! Выглядишь прекрасно.

Покривила душой, конечно: насколько прекрасно может выглядеть мать троих детей из рабочего сословия? Работаешь много, получаешь мало. Закон такой человеческий. Вот Нонне повезло: она чиновница в сфере ЖКХ, а муж начальник там же. Денежки ничего себе, нехилые. И, между прочим, со связями полный порядок. В одном Бильдиным не везет: детей нет. Игорю сорок, Нонне – тридцать семь, и ни-че-го. Несмотря на собственные старания, на заговоры колдуний-знахарок, на пассы экстрасенсов и усилия врачей, чрево Нонны оставалось пустым. Махровое бесплодие вследствие венерического заболевания из-за случайной связи в далекой юности.

У Бильдиных все есть. Квартира в самом Вахрине, в Сочи, в Москве, две машины, своя небольшая яхта на причале местного яхт-клуба, дача с огромным домом по индивидуальному проекту, по мелочи там еще всякое, а... для чего? Вернее, для кого? А еще вернее: кому достанется? Двоюродным-троюродным? Теткам, дядькам, племяншам? Вот глупости! Наследник нужен. Пусть – наследница. Женщины, бывает, пуще имущество и деньги берегут, чем иные мужики...

Нонна с завистью и неприязнью покосилась на впалый живот подруги. Вот ведь: тощая, как смерть, а плодовитая, зараза. А Нонна вон какая фигуристая, а пустая ходит, как бы из кожи ни лезла. Несправедливо! Сашка бы и четвертого выносила, не закачалась бы...

А кстати...

Нонна с новыми мыслями прищурилась на Сашу. Младшей Любке сколько? Помнится, год буквально полмесяца назад справляли. Организм отдохнул и вполне готов к новому вынашиванию. Почему нет? И пусть это будет... ребенок Бильдиных, а не Водовозовых. Почему нет?! Это спасительная идея. Это десять капель валерьянки! Это весь бутылёк разом! Успокоение... Решение проблемы...

Саша рассказывала о достижениях и шалостях малышей, жаловалась на суету и безденежье, а Нонна просчитывала на умственном калькуляторе свою розовую идею. Когда план обрел законченность, она резко оборвала Сашины сетования:

– Сашка, слушай! Спаси меня, и я тебя спасу!

Саша оторопела:

– Чё?

Она выслушала задумку подруги разинув рот, а потом ахнула:

– Суррогатной матерью?! Я?! Для тебя?! С ума сошла. И слушать не хочу. Грех это, и все тут. Без вариантов, поняла?

– Поняла, Сашенька, – с ложным смирением согласилась Нонна.

Они помолчали, одновременно прихлебывая зеленый чай с жасмином из белых фирменных чашек кафе, в котором сидели второй вечерний час. Нонна опустила голову, внимательно разглядывая белую керамику. Деликатно шмыгнула носом. Дотронулась холёным пальчиком до глаза. Саша держалась. Слишком разные весовые категории – слезинка и девять месяцев беременности; причем не своим ребенком! Ни за что!

2.

– Вячеслав Сергеевич Водовозов, подпишите ваше согласие на процедуру.

– Где?

– Возле галочки.

– Хорошо, что хоть не возле Светочки, – огрызнулся супруг.

Не по душе ему странные игры в дочки-матери. Но деньги и вправду позарез нужны. Эх, давало бы государство по пятьдесят тысяч на каждого ребенка, да большой дом с участком, да машины, да еще там кой-чего по социалке, разве бы Слава на троих остановился?! Ну а тут вообще гиблое дело – жена будет чужого ребенка вынашивать, а потом отдай его в другие руки! Это что вам – по-человечески, что ли?

Если б не деньги!

Он подписал.

– Александра Федоровна Водовозова, теперь вы, пожалуйста.

Саша вскинула глаза на мужа. Оказывается, он тоже смотрел на нее. Улыбался... не потому, что ему по душе происходящее, а подбадривал: «Неприятно все это, конечно... однако я с тобой».

Игорь Юрьевич и Нонна Егоровна Бильдины подмахнули бумаги и одновременно потеряли руки, будто близнецы. Сделка удалась!

– А теперь технические детали, – деловито прокрякала нотариус. – Деньги и условия договора...

– Собственно, визит к врачу назначен на послезавтра, в шесть сорок вечера, – сообщила Нонна, розовая от счастья. – Анализы готовы, все здоровы. Процедура, обещают, совершенно безболезненная. И результат положительный на семьдесят девять процентов! Уверена: мы попадем в эти семьдесят девять процентов! Правда, Игорь?

– Естественно, – поддержал ее Бильдин и поднялся. – До скорой встречи в медцентре.

– До скорой, – не глядя, ответила Саша Водовозова и приложила руку к плоскому животу.

3.

Нелли давила на кнопку звонка минуту или две, пока не вспомнила, что Водовозовы выпотрошили внутренности дверного звонка, чтобы не пугать первенца Давида, а потом родился Богдан, а теперь вот Любочка – какие там звонки? Хотите разбудить с трудом

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

уложенную спать малышню?! Жестокие вы были бы люди, граждане, нисколько за это не уважаемые!

Вспомнив об этой особенности Водовозовской двери, Нонна постучалась. Вскоре протопали чьи-то быстрые ножки. Щелкнуло. Скрипнуло. Глянуло на Бильдину яркими серыми глазами – мамиными.

– Богданчик, привет, мама дома, надеюсь? Почему телефон у вас в коротких гудках?

– Не знаю, – легкомысленно открестился средний ребенок Водовозовых. – Мама вообще в телефоне сидит. Уже вообще долго. У нее этот... – он поискал слово, нашел и провозгласил: – Стресс! Ма-ам! К тебе пришли! А я какать!

Младенческий плач, материнские уговоры. Плевать! У Нонны важное дело. Не разуваясь, она ринулась в комнату. Любочка затихла, прижавшись к теплой маминной груди.

– Мне позвонил Колпаков, – без обиняков приступила Нонна. – Сообщил результаты УЗИ, которое провела Галина Назибовна...

– Кто? – переспросила Саша, поморщившись.

– Алхазова.

– А-а...

– Что – «а-а», Сашка? Муж дома?

– Слава на работе, – бесцветно ответила женщина, поглаживая Любочку. – Тебе нужен именно он?

– Именно Ты мне нужна! – взорвалась Нонна.

Старший сын Водовозовых вдруг нахмурился:

– Вы не кричите, тетя Нонна, сестренка испугается. И маме тоже волноваться нельзя.

– Иди вон... куда-нибудь на балкон, – выплонула Бильдина, – не мешай взрослым.

Мать кивнула:

– Давид, возьми Любочку, почитай книжку ей и Богдану, договорились?

– Ну ладно.

Давид неохотно подхватил на руки сестру, позвал брата и закрылся с ними в маленькой комнате. Нонна плюхнулась на диван рядом с подругой – худенькой, с круглым животом – и напала:

– У твоего ребенка генетический порок, мне сказали!

– Не у моего, – возразила Саша. – Все мои здоровы. Это у твоего ребенка проблемы с генетикой. Как ты мне говорила: «Ты, подружка, всего лишь сосуд, а за качество содержимого Я в ответе!».

Все обвинения, которыми пыхала Нонна, когда мчалась к Водовозовым, испепелились в труху, которая медленно остыла под отрезвляющим холодом Сашиной защиты. Но Бильдина тряхнула головой и решительно заявила:

– В общем, нам с Женей инвалид не нужен.

– Что?! – изумилась Саша.

– Мы так решили. Это окончательно. Аванс мы обратно требовать не будем, а уж вторую половину, конечно, не заплатим, сама понимаешь. Жаль, что дефект обнаружился на поздних сроках...

– И что мне делать с вашим ребенком? – ахнула Саша.

Нонна пожала плечами и встала:

– Да что хочешь. Государству сдай – чего проще? Там он быстро сдохнет.

– Она, – поправила Саша и положила руки на живот.

– Что – «она»? – не поняла Бильдина.

– У вас дочь, а не сын. Поэтому – не он, а *она* быстро умрет.

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

– Одна холера, – Нонна снова дернула плечами. – Пока, Саша. Удачи.

– Постой! А Игорь что – тоже хочет убить дочь? – выкрикнула Саша.

Нонна состроила презрительную гримасу:

– Игорь мне ультиматум поставил: или он, или инвалидка эта. Возиться с ней у него нет ни малейшего желания.

– А у тебя?

– И у меня тоже! Или ты что: думаешь, я одна такой груз потащу? Вот еще!

Нонна сдвинула брови на переносице, припоминая. Ах, да!

– Забыла сказать, подруга, что в суд тебе идти бесполезно. В договоре, который вы оба подписали, мелким таким шрифтом указана и такая ситуация, что у нас с тобой получилась. И прописано, что в таком случае вы претензий не имеете. Так что... Пока! Желаю решить все накопившиеся проблемы, дорогая подруженька!

Она послала беременной женщине воздушный поцелуй и с деланой улыбкой выскользнула на лестничную клетку. Сев в машину, Нонна облегченно вздохнула и с настоящей улыбкой включила зажигание. И чего это ей взбрело в голову завести ребенка? Обременить себе жизнь! К тому же инвалидом! Но пронесло, к счастью. Нет, есть все-таки Бог на свете...

4.

– Ты с ума сошла, – убежденно сказал Вячеслав.

– А ты предлагаешь – на помойку ее, что ли, в ведро?! – возмущенно шептала Саша, оглядываясь на дверь в маленькую комнату: не разбудил ли их спор детей.

– Почему в ведро? Государству! – предлагал Вячеслав.

– То есть в то же ведро, – ошетинилась супруга.

Водовозов стиснул зубы. Задвигались желваки. Саша обмерла: сейчас ка-ак закричит! Придется снова детей укладывать. Но Слава только раздраженно дернул головой.

– Ну, и что ты собираешься делать? Трое мал мала меньше, ухода требуют, а эта девчонка вообще... Я тебе как помогать буду? Я же на работе пашу весь день! Нет, Саш, ты спятила. Она даже не твоя. Не наша!

– Она во мне живет, значит, моя, – тихо, но очень решительно уточнила Саша. – Не хочешь со мной – уходи. Я не предатель. Никому не предатель. Я не могу бросить ее в ведро!

Вячеслав продолжительно выдохнул. Вздыхнул волосы.

– Тьфу ты, зеленые пингвины!.. Ладно. Справимся как-нибудь. Что мы с тобой – не люди, что ли?

– Люди, люди...

У Саши не было сил улыбнуться мужу, но зато она приникла к нему и с ласковой нежностью поцеловала в губы. Он бережно обнял ее и с такой же нежной лаской ответил на ее прикосновение.

– Ничего, – повторил Водовозов. – Справимся как-нибудь.

А у самого мысль промелькнула: «Мало ли еще что случиться может».

5.

Саша ходила тяжело. Колпаков, осматривая ее, хмурился и все время отсылал в больницу – полежать на сохранении. Но долго не лежалось: дети одиночества не терпели. Так что после дневного стационара суррогатная мать несла себя – хрупкую тонкостенную чашу с тяжелым содержимым – домой. Переживать у нее не осталось ни сил, ни времени. Даже реагировать на

уговоры и стенания врачей не могла, а просто махала рукой и торопилась исчезнуть из поля их бдительного зрения.

Ей не хватало времени и сил и на церковь. Иногда удавалось съездить всей семьей на причастие или одной постоять на евхаристии, а так все больше просила священника зайти к ней, причастить ее и детей, соборовать, помазать елеем от святых мощей. О нерожденной дочке Бильдиных Саша молилась усердней, чем о своих детях, родителях и о самой себе: она же самая беззащитная! Слабее всех, потому рядом с ней никого нет.

Саша разговаривала с малышкой, улыбаясь ей, представляя ее личико, и почти слышала ее агуканье, ее плач и смех.

– Ничего, мы себя в обиду не дадим, Наденька...

Да, по срокам выходило, что растет в ней мученица Надежда Римская: до 30 сентября оставалось чудь меньше месяца...

Святой покровительнице девочки Саша молилась каждый день. И каждый праздник заказывала ей молебен – пока только о себе; но ведь сейчас она и Наденька – единое целое...

Дети не знали, что их сестренка им не родная. Давид и Богдан частенько прикладывали уши к маминому животу и слушали, затаив дыхание. Конечно, кроха молчала, но братья потом доказывали друг другу, что они уловили попискивание и побряхтывание. Маленькая Любочка, по примеру братьев, тоже слушала, как поживает ее младшая сестренка, а потом обнимала маму за шею.

Вячеслав смотрел на располневшую фигуру жены и вновь и вновь учил себя любить и этого ребенка. Эх... скоро начнется такая суета, бессонные ночи, врачи, лекарства... Хорошо хоть старшие дети здоровы. Это большое счастье...

Роды не за горами. Будем живы, Господи, и примем чужой дар как собственный.

6.

Вот ведь как бывает: и роды прошли успешно, и у Надюшки не обнаружили никаких генетических заболеваний! Саша после получения результатов анализов и обследований расплакалась, не понимая почему. Ждала тяжелый крест, а получила крест, пусть и не легкий – все ж таки четвертый ребенок в небогатой семье! – но как раз по силам. Справимся!

Документ об отказе от ребенка, подписанный Бильдиными, присовокупили к прошениям, паспортам и справкам, и через несколько месяцев мытарств Наденька стала настоящей Водовозовой! И как-то легко зажило: глава города выделил семье целый дом с участком в восемь соток, автомобильная фирма подарила новый «Ларгус» в качестве рекламной акции. В продуктовом магазине «Рябинка» им оформили социальную карту, по которой необходимые продукты они брали бесплатно, а другие покупали со скидкой. Ну и льготы вдруг оказались доступными, действующими... Где все это раньше было?! Сказка, да и только... Потому что бывает так редко, что и не бывает никогда...

7.

Гулять под ручку в теплые летние дни Бильдины стали недавно, когда врачи посоветовали им хоть немного загрузить себя физически, потому что ожирение – риск ранней смерти. Умирать, когда у тебя добротное имущество, не хочется. А хочется пользоваться им достаточно долго. Поэтому долой телевизор, здравствуй, дорожка в парке культуры и отдыха!

Бильдины гуляли ровно час. Иногда разговаривали. Глазели по сторонам. И как-то раз углядели в одной стороне семью, знакомую до боли: Водовозовых. Два взрослых, четверо

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

погодков. Самая младшая крепко держалась за мамин указательный палец и неловко, но бесстрашно топала ножками по дорожке.

– Смотри! – воскликнула Нонна. – У них опять прибавление! И когда только успевают...

Слово «успевают» она произнесла автоматически, не отслеживая смысл слова, потому что в один миг поняла, откуда у Водовозовых прибавление.

Ее дочь! Дочь Бильдиных!

Первым делом Нонна оценила ее одежду, а потом весь облик девочки. А где же обнаруженное генетическое заболевание? Колпаков и Алхазова убеждали, что дочь обречена на инвалидную коляску! А она – пожалуйста: ходит! И смеется! От боли не смеются. Значит, ей не больно, вот так.

Броситься к ней! Прижать к себе кровиночку, расцеловать! Отсудить немедленно, отобрать, раз она здорова! Нонна потащила мужа к Водовозовым, но он уперся и хмуро сказал:

– Ты куда?! С ума сошла? Мы ж на дочь отказную написали! Поздно теперь.

– Ничего не поздно! – прошипела Нона, пожирая глазами девочку.

Как ее, интересно, назвали? Анжеликой надо было. Или Ираидой. Что-нибудь звучное, иностранное.

Она перебирала имена, примеряя их на дочь, будто платица, отметала, снова придумывала, сочетая с именем мужа и фамилией Бильдиных.

Руслана. Азалия. Дальвина. Малена. Лана. Рафаэлина. Илана. Генриетта. Сусанна...

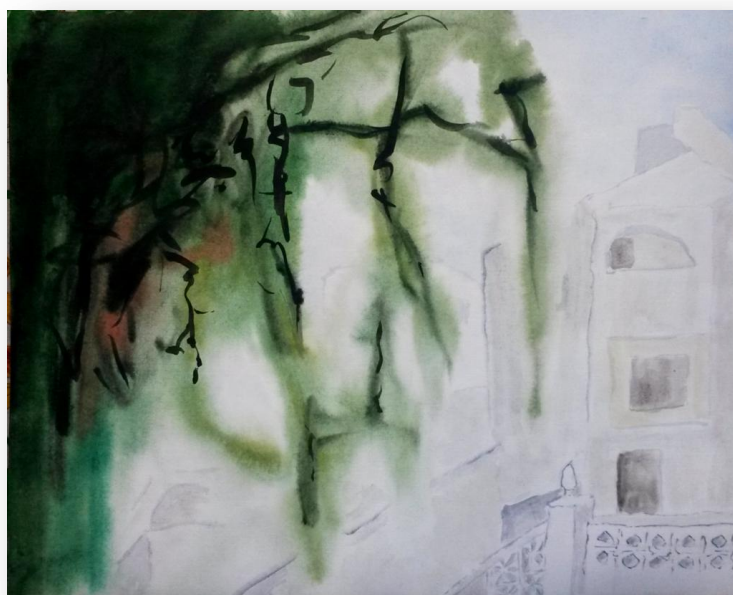
Как же ее назвали? Подойти, спросить? Ведь это ее... ИХ дочь!

Нонна шагнула к Водовозовым и замерла.

Они уходили. Крохотное чудесное существо цеплялось за указательные пальцы мамы и папы.

Нонна Бильдина расплакалась.

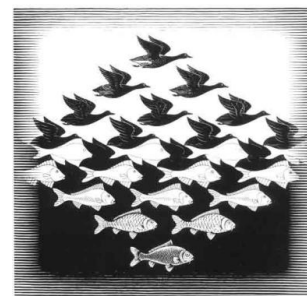
– Ну... зато и забот никаких, – мрачно пробормотал Евгений. – А все ты – с ума сошла, честное слово!

Игорь Бурдонов. Ветви и стены. 2017 г., бумага, акварель

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Сергей Абраменко

Родился в 1953 г. в городе Шебекино Белгородской области. Окончил Харьковский государственный университет им. А. М. Горького, работает в РФЯЦ-ВНИИТФ, старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук. Публиковался в различных сборниках и периодической печати, лауреат областных литературных конкурсов. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Руководитель первичной организации СПР и литературного объединения «Неолит» г. Снежинска, входит в состав правления Челябинского отделения Союза писателей России.

К нам зима, как обычно, подкралась внезапно, неожиданно,
Стало холодно, словно пропала куда-то любовь,
Стало ветрено в парках, пустынно и чуточку странно
Здесь бродить среди черных, усталых, раздетых, замерзших стволов.

Тут недавно еще так бурлили зеленые листья,
Трепетали в руках загулявших, шумливых ветров.
Миг – и лето ушло, да и осень осталась лишь в мыслях,
Лишь мгновение века – и пал белоснежный покров.

Среди парковых лип одиноко пустуют скамейки,
Приобёрнуты в мареве зимних скрипучих снегов,
И сороки на ветке трещат, словно две белошвейки,
Посреди тишины, среди жизни, летящей без слов.

Чуть сутулясь, бежит вдоль аллеи случайный прохожий,
Видно, холод зимы в его душу и в сердце проник,
Состояньем души на меня он до боли похожий,
А вернее сказать, мой нелепый замерзший двойник.

А с небесных высот сыплет пеплом на головы наши –
Это снег надевает на головы наши парик.
Всё летит и летит эта серо-белёная каша
На двоих, двух попавших на снежно-нелепый пикник.

Там, где Дон с Аксаем тихо спорит,
Там, где баржи медленно ползут,
Я почувствовал внезапно запах моря,
У которого найду себе приют,

У которого найду покой и счастье,
И душой немного отдохну,
И волнам скажу тихонько «Здрас-сте!»,
И нырну, рвану на миг ко дну.

Скоро будет видно кромку моря,
Что шумит, шумит себе, шумит...
А пока что Дон с Аксаем спорит
И баржа отрывисто гудит.

Я закрыл в купе тихонько двери.
На подушке спит себе жена.
Ей, наверно, снится берег, море
И крутая, пенная волна.

А за стенкою летящего вагона
Мне прощальный шлет гудок Аксай,
И баржи гудок доносит с Дона...
Мне приветливые
«Здравствуй» и «Прощай».

– Материться надо в меру,–
Так сказал мне старый друг.
– Повод должен быть безмерный,
Мощный повод, а не вдруг
Проявившийся нежданно
Мелкотравчатый сюжет,
На который несказанно
Вдруг окрысился весь свет.

Повод должен стоять мата,
Чтоб души не замарать,
Как, к примеру, мат солдата,
Что рванул умирать,
Что рванул из окопа
Под осколочный поток...
Мат тот слушала Европа,
Получая свой урок.

Повод должен быть огромным,
Чтобы жизнь была не в жизнь!
Ты домой...
А нету дома!
Ты к семье...
А там...
– Крепись!
Повод должен стоять стона,
Чтобы жизнь была не в жизнь!
Повод должен быть огромным,
А иначе – не трепись!

Рушатся ангелы?
Предан вдруг?
Плачут мысли твои о ней?
А под венец с нею бывший друг?..
Это разруха на веки дней,
Прямо на сердце клеймо тату,
Приходишь туда, где раньше был свет,
И вдруг попадаешь, как волк, в пустоту...
Ты все же не падай!

Не твой сюжет!
Вдарь, как вилами по воде!
И посмотри на кругов след.
Это просто ты, друг, в беде.
Но не поверь, что любви нет!
Это просто лишь ты любил!
Это просто спасла судьба!..
Жаль, если ангелов ты убил...
В этом случае всё – труба.

Я еду в трамвае, и едет народ,
А город вокруг в неизвестность течет:
Фигуры, фигуры, фигуры...
Натуры, натуры, натуры...
И я, как художник, а может поэт,
Слагаю поэму, рисую сюжет,
Об этих фигурах, с натуры,
В трамвае с кондуктором хмурым.

Я еду в трамвае, а город идет
Вдоль рельсов, трамваю навстречу,
Кондуктор билеты свои раздает,
Зашедшим - у дома, у речки.
И я, как художник, а может поэт,
Рисую, рифмую всё это:
Фигуры, натуры,- уже много лет,
В трамвае с кондуктором хмурым.

И мчит мой трамвайчик, грохочет вдоль стен,
Грохочет в ответ ему эхо,
И вот уже дрема берет меня в плен...
Кондуктор толкает: « Приехал».
И мне показалось, Что Здесь, Много Лет,
В натуре, в натуре, в натуре -
Художник великий, а может Поэт,
Кружится - Кондуктор мой хмурый.

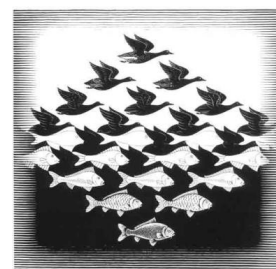
Иначе откуда узнать бы ему
Меня среди сотен и тысяч
Спешащих фигур, типажей и натур
И в памяти, в памяти высечь?
И я, в удивлении, благодарю...
Кондуктор, в ответ, улыбнулась,
И мне показалось, назло ноябрю,
Весна вдруг в трамвайчик вернулась.

**Игорь Бурдонов. Соседи по даче. 2017 г.,
бумага, акварель**

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Анастасия Рачилова

Жизнь не складывается
И не склеивается,
Перемалывается
В грубой мельнице.

Слезы в три ручья
Я не выплакала.
Знать, что я ничья,
Не привыкла я.

Не божественная
И не грешная,
Просто женственная,
Просто нежная...

Рану мне легко
Нанесли, смеясь,
Забелив снежком,
Затоптали в грязь.

Вам отмерится
И отрежется
Лицемерия
И невежества.

Снег метелицей
Заметет следы,
Мне не верится,
Что обидчик – ты!

Юбилей

Мне исполнилось двадцать,
А тебе сорок пять!
Не догнать, не дожидаться,
Не любить, не страдать.
Не простить, не обидеть,
Не уйти навсегда.
Никогда не увидеть,
Как сгорит звезда.

Погибают планеты,
Пламенеет заря,
Ждут попутного ветра
Корабли в якорях!
Лепестки на ромашках,
Подорожник в пыли,
В паутинке – букашка,
Свежий запах земли...

Мне исполнилось двадцать,
А тебе – сорок пять.
Мы решили расстаться,
Не любить, не страдать.
Не забыть, не запомнить
Ни на миг, ни на час,
Лишь слезами заполнить
Юность девичьих глаз!

Старинная французская песня

А Генрих Четвертый был добрый король,
Легенда жива и поныне:
Однажды на бале любовницы роль
Посмел предложить герцогине.
Бутон нераскрывшийся он протянул –
Шиповника дикую спелость,
На даму прекрасную страстно взглянул,
Во взгляде – отвага и смелость.

Красавица вздрогнула, щеки и грудь
Зарделись стыдливым румянцем,
А Генрих Четвертый продолжил свой путь
В галантном и вычурном танце.
Вот ночь опустилась – закончился бал,
Блуждают по залам лишь тени,
Раскрыть поскорее король возжелал
Бутон у цветка наслаждений.

И вот герцогиня предстала пред ним.
Как жаждал король этой встречи!
Друг другом всю ночь наслаждались они,
Пылали желанья, как свечи.
А чувства людские сгорели дотла,
Оставив на сердце пустыню.
И тихо, пока герцогиня спала,
Оставил король герцогиню.

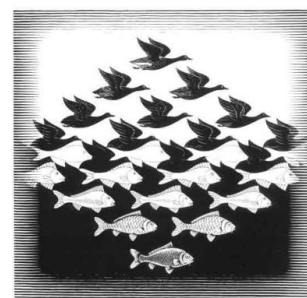
С тех пор никогда не встречались они,
Был Генрих в походе военном,
Но в памяти каждый прилежно хранил
Той ночи восторг вдохновенный.
Шиповник отцвел – возмутитель сердец,
Зима закружила метели...
А муж герцогини – счастливый отец!
И дочь короля в колыбели!

*Кадрия Галеева. Туман (деревня Липовка).
2016 г., холст, акрил*

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Ольга Фомичева

Клубок целующихся змей

На поляне, где валун горбатый
Тряс седою мшистой бородой,
Две змеи в клубке замысловатом
Грели спины пляжною порой.

На телах – узоры, переливы
С головы до кончика хвоста.
И в переплетенье горделивом
Уст касались грешные уста.

Догорало солнце на закате,
Золотилась кожа, как парча.
Но тепла, увы, двоим не хватит
В отсветах последнего луча.

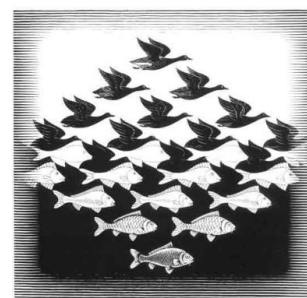
Меж собой гранит не поделили,
Становясь безжалостней и злей;
Жала ядовито обнажили
В хороводе пляшущих теней.

Не разделишь, что веками свято,
Не возьмешь богатства в мир иной.
С укоризной дед-валун горбатый
Тряс седою мшистой бородой...

На укрытой сумраком поляне
Остывал клубок среди камней.
Чудился в густеющем тумане
Танец двух целующихся змей.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Василий Громов

Родился в 1938 г. в Сальских степях на хуторе между станциями Великокняжеской (Пролетарской) и Платовской (Буденновской). После окончания в 1960 году Таганрогского радиотехнического института был направлен на Урал в закрытый город Снежинск. Участник испытаний противоракет, воздушных и подземных испытаний ядерного оружия, кандидат физико-математических наук. Автор двух научных изданий, четырех книг прозы, трех сборников стихов, член Союза писателей России.

ПЕРЕХВАТ

Пройдя бесконечные проверки и контрольные циклы в сборочном цехе, мы наконец прикатили на ракетный полигон Сары-Шаган. Начались испытания особого этапа, который на эзоповском языке, чтобы враг не догадался, назывался «ТБ», то есть тренировочно-боевой. Это означало, что на противоракете есть всё, кроме ядерного заряда. Вместо него стоит осколочная «голова». Кстати, враг, поставив в Турции и Пакистане стратегические радиолокационные станции, прекрасно все видел и не забывал по радио поздравлять нас с успешными пусками или выражать соболезнования в случае неудачных с перечислением имен и фамилий руководителей. Было это всем известно, кроме, безусловно, очень проникательных сотрудников КГБ. Но когда я по молодости изумлялся этому, «аксакалы» меня вразумляли:

– Вася, у них тоже есть дети, их тоже надо кормить.

Так или иначе, но чтобы не разглашать секреты Министерства иностранных дел, мы числились офицерами Н-ской воинской части, что привело к некоторой трагикомической ситуации. Дело в том, что рабочим помещением на охраняемой территории, называемой площадкой МСМ, нам служил громадный ангар из оцинкованного стального листа. Командовал всей площадкой полковник Бисярин. Когда мы, разгружая экспедиционный груз, потащили бронекассеты с детонаторами, то у полковника глаза сделались большими и круглыми, как у Киркорова. Однако, ничего не сказав, он ушел в командирскую комнату.

Быстро управившись с разгрузкой, я предложил лейтенантам до прихода автобуса погонять в ангаре мяч. К несчастью, в один момент мяч так ловко лег на мою ногу, что, взлетев к потолку, выбил двойное стекло оконной рамы. Раздался грохот, сработала сигнализация. Завыла сирена! Караул в ружье! Бежит наряд солдат с автоматами и задыхающимся полковником! Как же! В ангаре МСМ – взрыв! Но когда полковник вместо руин и трупов увидел этого странного лейтенанта в штатском с футбольным мячом в руках, он, скрипнув зубами, простонал:

– Как жаль, что вы – не мой офицер!

Я горестно подумал: «Да, теперь мне с ним кашу не сварить». Ну как накаркал!

Через неделю был назначен день стыковки «головы» с ракетой. И тут ко мне подошел Евгений Иванов, настоящий офицер из военной бригады, и попросил отпустить его домой для сдачи очередных экзаменов в МИФИ-6 – филиале московского МИФИ. Я еще не забыл

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

студенческие страсти перед экзаменами, особенно когда ты стоишь один перед оравой преподавателей, посочувствовал ему, но вначале отправился посоветоваться с народом. Народ дружно заявил:

– Женька – нормальный парень, никогда не отказывался быть первым номером при работе с детонаторами. Пусть едет.

– А справимся без него?

– Да не вопрос. Не первый год замужем!

Дмитрий Филиппович вначале засомневался, но после моего объяснения дал добро. Женя уехал на стартовую позицию, а меня попросил подписать бегунок, что за ним войскового имущества не числится.

Вместе с Константином Бесединым, теоретиком, специалистом по траекторным нагрузкам, я отправился к нашим полковникам – командиру части и его замполиту. Но командир заявил, что он не подпишет бегунок.

– На завтра назначена стыковка, а вы отправляете человека домой.

– Вопрос согласован с сотрудниками и с руководителем экспедиции, – сдержанно ответил я.

– А я не подпишу, – повысил голос полковник.

– А вот это, Иван Михайлович, самодурство! – небрежно заявил мой товарищ. Константин, как теоретик, был у нас человеком белой кости и не очень-то считался с чинами и званиями собеседников, особенно военных. Я полагал, что полковник обидится на такое обращение. Но нет! Бисярин рассмеялся и даже с гордостью ответил:

– Да, я самодур!

Я вспомнил, что во времена Пушкина в титуле шаха Персии стояли почетные слова «железоед» и «кровопроливец». Мне неизвестно, почему первое звание подчеркивает значимость его носителя. Но второе – понятно. «Кровопроливец» означает, что носитель его наделен исключительной властью, не спрашивая никого, казнить и миловать ближних. Вероятно, наш полковник полагал, что титул «самодур» означает возможность, не спрашивая никого, поступать по собственному произволу.

Минут пять, обращаясь к логике, я тщетно пытался уговорить полковника подписать бегунок. Наконец Бисярину надоела дискуссия и он, вспомнив свой титул (самодур), заорал:

– Вон отсюда! Мальчишка, молокосос! Я не позволю, чтобы меня считали дураком!

Я повернулся к нему и... О боже правый! Язык мой – враг мой, спокойно и вежливо ответил:

– Товарищ полковник! Я не считал вас дураком, но теперь я раскаиваюсь в своем заблуждении.

Тут поднялась буря, и грянул гром. Меня обвинили в неслыханном оскорблении двух старших офицеров, объявили офицерский суд чести, отвели в комнату, усадили на табуретку, вызвали шефа Дмитрия Филипповича. Рассказывая о моем грехопадении, требовали в 24 часа удалить меня с полигона. Филиппыч кругами ходил по комнате, лицо его наливалось кровью и багровело. Я сидел, сжавшись на табуретке, и думал: «Пропала моя бедная головушка». Как вдруг шеф, прервав на полуслове гневную речь полковника и ткнув в меня пальцем, заорал во всю ивановскую:

– Вы знаете, кто пред вами сидит?! Вы знаете, кто пред вами сидит?!

Полковники опешили, а Дмитрий Филиппович продолжил:

– Пред вами сидит мой заместитель по научно-технической части, ведущий инженер по испытанию головной части ракеты, руководитель контрольного цикла, ответственный представитель МСМ на старте, утвержденный Главком министерства! Как вы посмели

предложить удалить его с полигона?! А кто будет руководить испытаниями, кто будет отвечать за результаты испытаний?! Что касается офицера Иванова, то он уедет, так как я уже подписал его командировку. И вообще, товарищ полковник, я бы попросил вас воздержаться от вмешательства во внутренние дела экспедиции МСМ!

На этом суд чести кончился. Полковники удалились. Дмитрий Филиппович, схватив меня за грудь и тряся как грушу, закричал:

– Если ты, мать твою... если ты мать твою... еще раз свяжешься с этими солдафонами!..

Услышав такое обращение, я обрадовался, ибо было известно, что если шеф обращается на «ты», то он тобой доволен, а крик – это эмоции, акустика.

И вот первый старт! Грохот. Кажется, он сотрясает небо. Противоракета срывается с пусковой, но после отработки первой ступени клюет носом и плюхается в десяти километрах от столовой. Разобрали осколки, увидели, что автопилот сгорел. Ну, значит, ракета упала потому, что автопилот был бракованный. Уж на следующую ракету поставим самый лучший. Поставили, пульнули и снова попали в ту же точку.

На следующее утро мы сидим на нашей техпозиции, а на душе кошки скребут. Особенно угнетает то, что мы не знаем причины отказов. А ведь остался последний пуск. Если он будет тоже неудачным – последуют «разборы полетов». Дай бог, чтобы они кончились только потерей квартальной премии, а то могут и в трибунал попросить.

Тут появляется газик. Из него выходит заместитель генерального конструктора системы полковник Бондзик, чех по национальности, но наш чех. Наверное, папа его в гражданскую вместе с Колчаком гулял по Сибири да потом и остался у нас. По-русски полковник говорит лучше меня, лишь едва уловимый акцент украшает его речь.

– Дмитрий Филиппович! – сказал он нашему шефу. – Наши теоретики всю ночь считали траектории полетов этих двух ракет и пришли к выводу, что они движутся так, как если бы были на сто килограммов легче.

У нас камень с души свалился. Слава богу, есть причина, и она не наша! Это ракетчики потеряли сто килограммов! Все же приятно, когда не у тебя, а у соседа корова сдохла. У шефа от этой новости случился приступ веселья:

– Ай да молодцы, ай да мудрецы! Потерять сто килограммов!

Дальше шла морская ненормативная лексика. Шеф во время войны служил старшиной на «Гангуте» и этой лексикой владел виртуозно. Мы смеялись до слез, а полковник Бондзик невозмутимо слушал радостные вопли нашего руководителя. Только когда Дмитрий Филиппович выдохся и перестал метать перед ним бисер своего красноречия, он сказал:

– Дмитрий Филиппович! Мы перевесили все свои отсеки. У них веса и центры тяжести в норме. Остался ваш отсек. Пожалуйста, взвесьте его.

Мне стало дурно, а шеф пока что не врубился в ситуацию и заблажил:

– Да зачем? Мы – Минсредмаш. В нашей фирме веников не вяжут!

– Я согласен, действительно у вас такого быть не может, – кротко ответил полковник. – И все же давайте, для очистки совести, взвесим.

– Ну ладно, – недовольно сказал шеф, – тащите «голову» на весы.

Мы плюхнули отсек на какие-то амбарные весы. И что ж вы думаете? Тютелька в тютельку – нет ста килограммов! Если бы перед нами возник Змей Горыныч или Никита Хрущёв, мы поразились бы меньше, чем в этот момент! Полковник не стал слушать извинений шефа, но напомнил:

– Будьте готовы. Завтра с утра – стыковка и пуск. Послезавтра, в связи с осенним перегоном скота, район финиша будет закрыт и надолго.

Бондзик сел в газик и уехал, оставив нас с головной болью: как такое могло случиться, и что нам надо делать.

Срочно по ВЧ (высокочастотная закодированная связь) запросили разъяснений у наших конструкторов. Далее как в песне: «Тут нам истопник и открыл глаза про ужасную историю, про Москву и про Париж...» А история была простой как огурец. Головной отсек ракеты не блин, быстро не печется, разработка его идет не один год. И вот пока она шла, разработчики узлов тоже мух не ловили, так что к концу срока их приборы похудели и потеряли вес. Чтобы не нарушить вес и центровку, конструкторы нарисовали груз из железа, весом в сто килограммов. Почему эти изменения не дошли до завода-изготовителя корпусов, мне и сейчас неизвестно. Делать нечего. Всю ночь инженеры-механики ножовками выпиливали из стальных листов проклятые «блины», набирали вес. Там еще в «блинах» должна быть прорезь. Зачем она, никто не знал, но на всякий случай ее тоже вырезали.

Утром следующего дня на «телеге», транспортно-стыковочном полуприцепе, нам подали полностью заправленную ракету. Оставалось только привинтить нашу «голову» и носовой отсек ракетчиков. Минут за тридцать инженеры-механики прикрутили наш отсек, ракетчики принялись за носовой. Крутят и так, и этак, а он почему-то не становится как надо, где-то что-то заедает. Не лезет? Ну а кувалда, она для чего стоит здесь рядом? Слегка тюкнули, стукнули – влез отсек как миленький. Вот только внутри ракеты что-то хрустнуло. Сняли носовой отсек: а-а-а, мать твою... В отсеке сломан Г-образный разъем. Так вот для чего нужна была прорезь в грузе! В нее должна была входить загогулина разъема. Но для этого разъем должен быть собран так, чтобы загогулина вошла вдоль прорези, а не поперек, как вышло на самом деле.

Перебрать разъем – плевое дело, перепаять четыре «сухих» (без напряжения) контакта и того проще. Да только в ракете – восемь тонн пороха первой ступени, ЖРД второй ступени с горючкой и окислителем да наш отсек со взрывчаткой и кучей детонаторов. По инструкции, прежде чем делать перепайки, все это хозяйство требуется отстыковать. Свой отсек мы тут же, не сходя с места, снимем за полчаса. А вот чтобы отвинтить ступени, ракету нужно возить по двум площадкам. За день с этим не управиться. А ежели еще при этом потребуются слив и перезаправка горючки и окислителя, то это удовольствие растянется на пару суток.

Шеф с суровым видом обращается ко мне:

– Ведущий инженер, что будем делать?

– Дмитрий Филиппович, я понимаю, что ничего страшного нет, и ничего не случится от перепайки четырех «сухих» контактов. Но инструкция – она и в Африке инструкция. Надо ее обойти.

– А как?

– Мы примем «дополнительные меры безопасности, которые позволят провести работу», – отвечаю я для убедительности сугубо канцелярским языком. – Напишем необходимое распоряжение, а три ответственных исполнителя его подпишут: от Минсредмаша – руководитель экспедиции и ведущий инженер, от Минобщмаша – зам. генерального конструктора или по его указанию.

– Какое решение ты предлагаешь? – уже слегка расслабившись, спрашивает шеф.

– Поставить между корпусом ракеты и паяльником дополнительную защиту – тепловой экран.

– А что это такое, и где его взять?

– Да это лист дюралю – вон он валяется в углу.

Шеф и полковник от такого нахальства рассмеялись, но согласились.

Монтажница Таня, юная особа, садится паять, а перед ней стоит парень и держит лист дюралю. Девушка спрашивает:

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

- Юра, а это для чего?
- Юра сдуру решил пошутить:
- Радиация, рожать не будешь.
- Таня бросает паяльник и плачет:
- Не буду паять, я еще рожать хочу.
- Подошел полковник.
- В чем дело?
- Парень объяснил.
- Кто сказал? – рявкнул полковник.
- Я – смущенно сознался Юра.
- Садись и паяй!

Кажется, дальше судьба решила не испытывать нас. Полностью собранную ракету отвезли на стартовую позицию и водрузили на пусковую. Я спустился в стартовый бункер и встал за лодочный перископ, чтобы видеть момент старта. После мучительного ожидания, отрывая разъемы, грохнули пантографы пусковой. Всё! До старта – четыре секунды! Радиолокаторы точной наводки уже поймали в космосе боеголовку и ведут ее. Вспышка, зарево, протяженный по времени гром. Горят восемь тонн пороха первой ступени. Через две секунды – повторный удар грома, звуковой барьер пройден. В синеве неба кувырывается отработанная первая ступень, а ракета уже в стратосфере тянет инверсионный след. Через пару секунд она сделает разворот и ляжет на встречный курс для перехвата боеголовки. И вот кинофототеодолиты фиксируют резкий кумулятивный взрыв. Есть перехват! Есть первый в Союзе, а может и во всем мире перехват в космосе боеголовки баллистической ракеты!

От радости мы прыгаем в пультавой как дети и орем нашу песню, антипод известной, патриотической песни Владимира Трошина: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут»... Но наш гимн, сочиненный безвестным ракетчиком, звучит иначе:

Заправлены ракеты, конечно, не водою,
И кнопку пусковую пора уж нажимать.
Давай-ка, друг, с тобою мы отойдем в сторонку,
Скорей бы улетела, не дай бог вновь сливать.

Я верю, друзья, что пройдет много лет,
И мир позабудет про наши труды,
Но в виде обломков различных ракет
Останутся наши следы.

Пусть завтра с перепоя не слушаются ноги,
Ракета улетела, налей еще стакан.
Мы кончили работу, и нам пора в дорогу,
А завтра пусть охрипнет товарищ Левитан.

Гостиницы с клопами и дальние дороги –
Всё это, друг с тобою, пришлось нам испытать.
И пусть в газетах пишут, что мы живем как боги,
А мы помнем газету и сходим «погулять».

Что было дальше? До Ельцина в Союзе работало 80 тысяч специалистов-ракетчиков. В «ревущие девяностые» уволили 60 тысяч. Радиолокаторы точной наводки на полигоне Сары-Шаган распилили и сдали в металлолом. Я стал «ядерным» (по-нашему – «ядренным») физиком.

Карибский кризис

Пылает солнце, словно на экваторе,
Соленый пот под маскою течет.
Хрипун и скряга, клапан респиратора,
Мне кислород по карточкам дает.

А где-то там, в далеком лунном мире,
Сойдя с ума от запаха весны,
В своей уютной городской квартире
С другим ты видишь розовые сны.

Земля не плачет жаркими слезами,
Она не скачет, словно дикий конь,
И купол неба голубой над вами
Не раздирает яростный огонь.

Под мирным небом и зимой и летом
Ты видишь землю в праздничном венце.
А я иду, как по чужой планете,
В защитной робе с маской на лице.

Зияет раной обнаженной кратер,
Колючей проволокой опутаны поля.
Двадцатый век! Я – римский гладиатор,
Под сапогами мертвая земля.

То был злой рок

То был злой рок или несчастный случай.
Я это понял только лишь сейчас,
Когда в толпе на сборище научном
Случайно глянул в омут твоих глаз.

Я наперед все знал, но – боже правый! –
Ты так умна, красива, холодна,
Что эту чашу сладостной отравы
Я незаметно осушил до дна.

Не в первый раз нога теряет стремя.
Но тихо шепчет мне березонька о том,
Что боль пройдет, ведь добрый лекарь –
время –
Залижет эту рану языком.

А в грустный час последнего свиданья
Скажу тебе всего лишь пару слов:
«Ты – королева северных сияний,
Ты – ведьма наших сумрачных лесов».

Девушке Востока

Солом, моя Шехерезада!
Ты блещешь дивною красой.
Тебе подвластны силы ада
И чары страсти роковой.

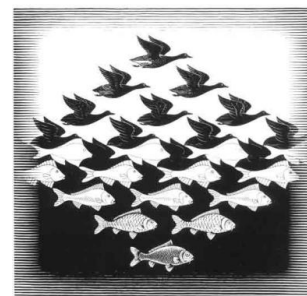
В твои глаза, клянусь Кораном,
Боюсь нечаянно взглянуть,

Чтоб, околдованный дурманом,
В них невзначай не утонуть.

Но если бы по воле рока
Я смог бы стать Али-Бабой,
То стала б ты, о дочь Востока,
Клянусь седидами Пророка,
Моею младшею женой.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Сергей Кинякин

ВЫСОКО И БЫСТРО

*Если стало очень грустно,
Вспомни тех, кому грустней,
Ты в сравненье с ними станешь,
Даже где-то весельчак...*

Хочешь новых ощущений? Хочешь проверить себя на прочность? Хочешь избавиться от скуки и депрессии? Ты можешь это сделать всего за три тысячи рублей, если прыгнешь с парашютом! Для мужчин и женщин, для всех прыжок будет отличным подарком на день рождения и любой другой праздник. Испытай себя! Докажи, что ты мужик! Так звучала реклама прыжков с парашютом.

Последнее время жизнь стала напоминать беговую дорожку в темное время суток.

На день рождения друг подарил билет на прыжок. Чем расстроил полностью. После долгих одиноких размышлений и ругательств в адрес друга билет вместе с именинником угодил не в мусорное ведро, а в клуб парашютного спорта.

В день вылета была ясная погода. В такую погоду можно поваляться на пляже, искупаться, сходить в кино, в кафе, взять бутылочку пива и посмотреть телевизор, в общем, что угодно, лишь бы не прыгать с самолета, летящего на высоте 900 метров над всем тем, куда можно было бы сходить живому человеку.

В 10 утра на полигоне выдали уложенные кем-то парашюты и завели в какой-то самолет. Он сдвинулся с места, разогнался и взлетел. Все мрачно молчали. Инструктор был с бородой. На земле он был веселый, а сейчас нет. На земле он был похож на доброго Деда Мороза, а сейчас на злого Санту. Он встал со скамьи и сказал: «Приготовились». Все приготовились. Приготовление заключалось в том, что все просто услышали его и морально обделались. Инструктор открыл дверь. Загорелась красная лампочка, и раздался гудок.

– Пошел, – сказал инструктор, и один из нас исчез за дверью самолета. Его парашют самопроизвольно раскрылся.

– Пошел, – выпрыгнул следующий.

– Пошел, – Серега вылетел из самолета с криком по...

Парашют не раскрылся. Сзади был слышен крик инструктора. Серега летел, растопырив руки и ноги. Он напоминал падающую звезду. В этот момент шедшая внизу девочка увидела летящего Серегу и загадала желание, чтобы ей на Новый год подарили щеночка.

– А-а-а-а-а-а! – сказал Серега.

Холодный воздух обжигал его лицо. Сердце колотилось, в животе взорвался вулкан. Он кричал всеми отверстиями своего тела: «А-а-а-а-а-а!» Радовало только одно: что он разобьется о Родину. Депрессия действительно исчезла, скука тоже. Терапевтический эффект превзошел все ожидания. Какое-то необыкновенное просветление посетило Серегу. Голова

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

освободилась от глупых мыслей, чувства от терзаний, а тело от шлаков. Всё прояснилось. Всё задышало. Зрение восстановилось. Все пути и все дороги к душе распрямились. Все черти оставили безнадежное тело. Все двери к золотому ключику отворились. И за торжеством открытия настало тихое безмолвие. И только открытый рот по инерции кричал:

– А-а-а-а-а-а!

Мимо пролетела удивленная птица. От начала прыжка прошло три секунды. Раскрылся запасной парашют.

Р. С. Приземлившись, Серега освободился от парашюта, дошел до базы, помылся, сменил штаны и закурил. Потом позвонил другу.

– Спасибо, друг, я приземлился, у тебя когда день рождения?..

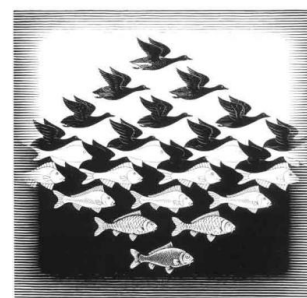
Потом он положил трубку, налил чаю и достал коробку конфет «Родные просторы».

Кадрия Галеева. Сад (Лианозово). 1986 г., оргалит, масло

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Андрей Бойков

Мы жили

Мы жили с матерью вдвоем.
А за окном – цвела природа.
Рассталась мать моя с отцом,
Когда мне не было и года.
Мне говорили про отца,
Что был он гнусным тунеядцем,
Что мать будила подлеца,
А он – не мог никак подняться.
Так без работы и сидел.
А за окном – цвела природа!
А дома... дома мало ль дел,
Когда мальчонке нет и года?
Но ждали за окном друзья,
Отец бежал из душных комнат...
А впрочем, Бог ему судья,
Его я, к счастью, не запомнил.
Мы жили с матерью вдвоем.
Мать вскоре снова замуж вышла...
Шумела вишня за окном,
Горели ягоды на вишне.
Мать говорила мне потом,
Что был мой отчим... алкоголик:
Сидим, бывало, кофе пьем –
А он уже упал под столик...
Не то чтоб не работал – нет! –
С досугом не справлялся малость...
И вот, мне не было двух лет,
Когда с ним мать моя рассталась.
Я слышал, лет пять-шесть спустя,
Что он повесился, похоже...
А впрочем, Бог ему судья,
Его я не запомнил тоже.
Мы жили с матерью вдвоем –
Вот это я запомнил крепко...
Двенадцать лет мне. За окном

Листочки желтые на ветках.
Но вот пришла с работы мать,
Сказала, бросив сумки на пол:
«А ты не станешь возражать,
Коль у тебя всё ж будет папа?»
Лица ее волшебный свет,
Блеск глаз под сенью модной шляпы...
А мне уже двенадцать лет...
А мне уже не надо папы!
Я уж привык все делать сам –
Чиня розетки, ножки стула...
Взглянула мамка мне в глаза –
И только горестно вздохнула...
Мы! жили! с матерью!! вдвоем!!!
А ведь могли бы жить иначе...
Гляжу я на могильный холм,
Где мать лежит, и горько плачу.
И все твержу, себя казня:
Что ж ты наделала, родная!
Зачем ты слушала меня –
Меня – судьбу свою решая?
Зачем несчастлива была
Еще двенадцать долгих весен,
Зачем, прозрачна и светла,
В глазах твоих застыла осень?
Зачем с начала всех начал,
Тревожа спящую планету,
Ко мне ты ходишь по ночам
И, плача, требуешь ответа?
Я был неправ – по всем статьям...
Я был неправ – прости мне, мама!
А Бог – простит... хоть он Судья –
Но он Судья, нам близкий самый!
Мы ЖИЛИ с матерью вдвоем...
Хотя о чем я? Мы – ЖИВЕМ!

*Мария Панфилова. Кузьминский пруд". 2000 г.,
картон, масло*

Бывало в детстве

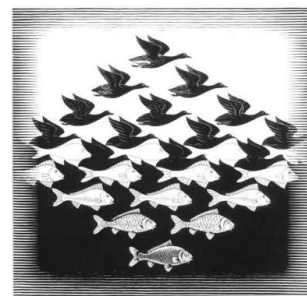
Бывало в детстве не однажды,
Когда я падал где-нибудь,
Мать говорила мне: «Не страшно!
Тут просто надобно – подуть!»
И дула на мою коленку,
И мне казалось волшебством,
Что боль уходит помаленьку –
И дальше мы гулять идем.
Шли годы... Бед несли немало,
И мать ушла в последний путь...
А жизнь все была и ломала,
И было некому подуть.
И всё ж сквозь боль я шел упрямо,
Сквозь дней шальной круговорот...
И вот уж сын кричит мой: «Мама!»,
Когда коленку об пол бьет.
Беру его больную лапу
И дую, от беды храня.
Сын говорит: «Спасибо, папа!»
И боль уходит из меня...

Утро раннее

Утро раннее, светом полное,
Утро сильное, как река,
Что-то давнее мне напомнило –
Детства дальние берега.
Будто снова глазами чистыми
Ты глядишь в меня, синева,
Снова живы родные-близкие,
Снова мамка моя жива.
Будто снова зарей высокою
Надо мною склонилась мать,
Улыбнулась, моя далекая,
И сказала: «Пора вставать!..»
Просто верьте и просто помните
И дождитесь того утра...
Там, где солнце, пройдясь по комнате,
Скажет вам, что вставать пора!

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Ирина Грехова

Я тобой переболею...

Римма Казакова

Я тобой переболею,
Занавешу сквозняки,
Брошу глупую затею
Веселиться от тоски.
Я покрашу ставни в алый,
Зная, – мимо ты пройдешь,
Веря, что другой, усталый,
Будет на тебя похож.
Скажут мне: «Похорошела,
Словно всполохи зари!»
Просто я переболела,
Осложнения – внутри.

Дева

О звезд полночная отрада!
Печальна дева у окна.
Стекла прозрачная прохлада,
Да хмеля-вечера Луна.

Что ждешь, влюбленная в ненастье,
В далекий облачный простор,
Вплетая молодость и счастье
В небесный сказочный узор?

О чем по звездам ты гадаешь,
О чем в глазах твоих тоска?
Зачем ты с грустью провожаешь
Безликий диск за облака?

Гляди, тропинками-ручьями
К резному красному крыльцу
Жених – певучими речами –
Идет позвать тебя к венцу!

Но дева ставни затворяет,
Не слышит песен о любви.
И, как к Спасителю, взывает
К небесной страннице: «Прими!

Спаси от хвори и печали
На светлом облике твоём,
Где перламутровые дали,
Где в Деву Водолей влюблен!

Возьми скорей к себе на небо,
Моя прекрасная Луна!
Не надо мне с немилым хлеба,
Не надо песен и вина!»

О звезд полночная безбрежность!
Пропали девы той следы.
С тех пор глядит на Землю нежно
Лик юной девушки-Луны.

Теплый очаг и любви
прибой,
Счастье, как хлеб, я делю
с тобой.
Стала походка моя
иной,
Плавит меня твой сердечный
зной.
Видишь, как ночь ускоряет
бег,
Видишь, как тает весенний
снег.
Ты – вдохновенье, ты – ввысь
разбег,
В небо глядеть нам с тобою
век.

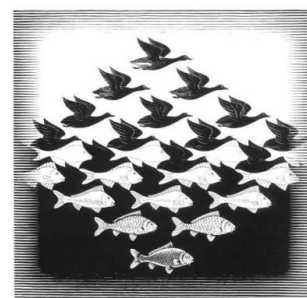
Белый песок, на нем –
валуны,
Люди кочуют, как
плавуны.
День прибывает с красной
строки,
Не отпускай же моей
Руки!
Дождь замедляет времени
ход,
Кажется, вечность смотрим
восход.
Ты – мой очаг в пустоте
земной,
Жизнь и любовь разделю
с тобой.

Игорь Бурдонов. Деревья стоят. 2017 г., бумага, акварель

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОРОД СНЕЖИНСК

Валерий Мякушко

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Бабка Дарья Ивановна проснулась среди ночи от какого-то тревожного внутреннего толчка: показалось, что кто-то ходит по ее двору. Прислушалась с замиранием, чувствуя, как тревожно забилось сердце, – не мерещится, точно кто-то ходит. Поднявшись, она осторожно приблизилась к окну и выглянула – во тьме как будто мелькала какая-то неясная тень, но звуки шагов и шум от попадавших на пути кого-то предметов слышались весьма явственно. Она стала вспоминать, всё ли убрала вечером со двора и закрыла в сарай. Хотя бог со всем тем, что во дворе, главное, чтоб вор в хату не полез.

Вскоре во дворе все затихло, но Дарья Ивановна уже не могла уснуть, едва дождалась рассвета, в окно осмотрела двор, убедившись, что никого там нет, вышла, осмотрелась. Точно кто-то ночью был – вот опрокинутая скамеечка, вот сдвинутое корытце, и... нет ни одной алюминиевой кастрюли, в которых готовила и затем кормила кур.

Дарья Ивановна отправилась к своей давней подруге, Марье Петровне.

– На металлолом уперли, – выслушав ее, сделала заключение Марья Петровна. – Надо звонить в милицию! – И взялась за трубку.

– Стоит ли с ними связываться? – усомнилась было Дарья Ивановна. – Мафия, может, какая...

– Стоит! – набирала номер Марья Петровна. – Если их вовремя не остановить, то до смертоубийства дойдут. Милиция? Тут вот какое дело... Что? У вас людей убивают, а мы со своими мелочами? Молодой человек, с мелочей надо начинать, чтоб на большее не замахивались... Ну, знаете, я буду в областное управление на вас жаловаться!

Вызванный милиционер, старший сержант Покрывало, на место происшествия прибыл не сразу.

– Что у вас тут стряслось? – наклоняясь, чтоб не зацепить головой за дверной косяк, прошел он в комнату, где давно уже в ожидании его сидели бабушки. – Здравствуйте!

– А, Антон? – узнала бывшего ученика своей школы Марья Петровна. – Здравствуй! Входи, входи! Рады видеть.

– Проходи, садись! – кивнула на стул и хозяйка.

– Здравствуйте! – поздоровался сержант еще раз, присаживаясь к столу и раскрывая портфель. – Так что у вас тут случилось?

– Ночное ограбление.

– Так! И что украли?

- Алюминиевые кастрюли утащили, окаянные.
- Кастрюли? – переспросил сержант, начиная писать протокол. – Так... И сколько?
- Все что были.
- Так! Нанесен материальный ущерб в размере... Сколько стоило это все?
- Откуда ж мне знать? – пожала плечами Дарья Ивановна. – Еще в советское время покупала, за копейки.
- Так! – перестал писать сержант. – И что же я должен в протокол занести?
- Да не надо ничего заносить! – сказала Марья Петровна. – Надо найти вора и заставить его вернуть украденное.
- Гм! – потупился сержант. – Где же я вам его найду? Примет его вы не знаете...
- Так он же алюминий не съест, в металлолом сдавать пойдет, – возразила Марья Петровна. – Там и скажут, кто сдавал, что. Сегодня утром. По горячим следам!
- Так и скажут! Неделю назад провода с высоковольтной линии сняли, до сих пор найти злоумышленников не можем. А тут новый висяк, – отодвинул начатый протокол сержант. – Нет, нас по головке за это не погладят! Может, он черт знает куда сдавать те кастрюли поехал – не один у нас в районе пункт сдачи металлолома.
- Да, не один. Все кругом переломали да посдавали!
- Весь колхоз сплавил туда, – добавила Дарья Ивановна. – Тандем создали – одни крадут, другие принимают.
- В другой район, может, даже поехал сдавать, – рассуждал сержант.
- Как в другой район? – перебила Марья Петровна. – Да ему надо быстрее сдать эти кастрюли да выпить. Если в другой район поедет, то ему и выпить не на что будет!
- Ну, не знаю...
- А ты подумай, Антон! Вас чему в милиции учили, на курсах каких-нибудь – вычислять преступника. Или ты там тоже, как в школе, на тройки одни учился?
- Нет, отлично тоже было.
- Ну вот! По какой дисциплине?
- По физподготовке.
- Это уже хорошо! Так вот, – продолжала Марья Петровна. – Подумай, кто здесь мог безобразничать? Мужик только. А сколько их у нас в поселке осталось? Супрунов, Мохин и Усманов. И все трое нигде не работают.
- А выпить каждому хочется, – добавила Дарья Ивановна.
- Вот именно!
- Мохина мы позавчера по другому делу взяли, – сказал сержант.
- Вот, остаются двое.
- А Супрунов, насколько я знаю, с женой к теще ехать на днях собирался.
- Вот, остается кто? – спросила Марья Петровна.
- Может, он и не поехал к теще, алиби себе обеспечивал, – возразил сержант.

Мария Панфилова. Климентовский переулоч. 2002 г., картон, масло

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

– Может! – согласилась Марья Петровна. – Но Супрунов и Усманов – мужики разного калибра, сам их знаешь. А там, я видела, следы какие-то остались, – кивнула она в окно на двор и поднялась: – Пойдемте посмотрим.

– Пойдемте! – нехотя надел фуражку и последовал за ней сержант.

– А вот и следы, – показала Дарья Ивановна на истоптанную землю.

– И окурок, – добавила Марья Петровна.

– Может, мужик какой-то залетный был, – высказал сомнение сержант.

– Кто же из заезжих будет по незнакомому двору ночью шастать? А Усманов рядом живет, мимо всё время проходит, всё видит...

– Мало ли кто здесь ходит?

– Мало! У нас же никого почти здесь уже не осталось. Это когда ты к Дуське сюда заходил, народ еще был. А сейчас и она куда-то съехала. Уж не замуж ли ты ее взял?

– Не...

– А вот и он, Усманов, идет.

– Преступника всегда тянет на место преступления!

– Опохмеляться, скорее всего, отправился.

Все они увидели, что мимо ворот идет, слегка согнувшись и дымя папиросой, небритый мужик в помятой одежде.

– Усманов! – окликнула его Марья Петровна. – Ну-ка зайди сюда на минуту!

– Чё мне у вас делать? – остановился и недовольно отозвался тот.

– Заходи, когда представитель власти требует! – вмешался сержант.

Мужик подумал, открыл калитку и, озираясь, нехотя вошел во двор:

– Чё надо?

– Ты, Усманов, где сегодня ночью был? – строго спросил его сержант.

– Где-где... У жены под боком!

– Не ври! – перебила его Марья Петровна. – Она тебя давно уже выставила с хаты. В сарае, что ли, прозябал?

– Ну в сарае! А вам что?

– Дай закурить! – вдруг попросила Марья Петровна.

– Вам? – заморгал от удивления Усманов, но полез в карман, вытащил мятую пачку, заглянул в нее. – Нету!

– Твой окурок лежит? – показала на пачку и лежащий на земле окурок Марья Петровна.

– Ну... – понял тот, в чем дело, и нашелся: – Шел вчера рядом и выбросил. Ветром сюда задуло...

– Ветром? А следы твои каким ветром сюда занесло? – показала Марья Петровна. – Ну-ка, приставь свою ногу.

– Чё вы!..

– Вот что, гражданин Усманов, – поправляя фуражку, подчеркнуто официально обратился к нему сержант. – Чистосердечное признание и содействие следствию облегчают вину... Короче, Усманов, – снял он фуражку и протер лоб, – дуй со всех ног в приемный пункт и моли бога, чтоб эти кастрюли еще там были. И через десять минут чтоб были здесь! Понял?

– Я счас! Я мигом!

ПРОЗА

Марина Тишанская

(Москва)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ УТЮГА

Дженнифер Грин прекрасно понимала, что свою работу она получила чудом. В мирное время человека с ее биографией и на пушечный выстрел не подпустили бы к такой закрытой организации, как Центр исследования темпоральных вариаций. Несмотря на то что Дженнифер была прекрасным специалистом, личные обстоятельства не позволили бы ей претендовать на такую работу. Однако во время боевых действий контролирующие органы больше интересовали заграничные контакты сотрудников, чем их жизненные неурядицы.

Дженнифер родилась и выросла в городке, где жили три поколения ее предков, никогда не покидала страну и с этой точки зрения выглядела безупречно.

Людей, хорошо знавших миссис Грин, насторожило бы ее настойчивое желание получить работу в Центре. Но это мало трогало Дженнифер – она обладала редким упорством и всегда добивалась того, чего хотела.

После трагедии она, молодой дизайнер верхней одежды, закончила колледж св. Агнессы, получила степень бакалавра, специальность историка костюма и поступила в Театр драмы младшим костюмером. В Центр исследования темпоральных вариаций Дженнифер пришла известным в определенных кругах специалистом, мастером по воссозданию средневекового платья. Несмотря на войну, исследования эпохи средневековья не прекратились.

Дела на фронте обстояли неважно. Один ловкий маневр в прошлом мог изменить ход военных действий. Надо было только все хорошенько рассчитать. Дженнифер всем сердцем желала скорейшего окончания войны, но в Центре у нее был и личный интерес.

К тому же здесь работал Говард. Говард Грин, бывший муж Дженнифер, с которым они расстались вскоре после трагедии.

Казалось бы, Средневековье представляло для исследователей чисто академический интерес. Но Дженнифер подозревала, что щедрое финансирование и немалый объем работ имеют огромное практическое значение.

Чем дальше отстоит от настоящего варьируемый период, тем меньшее воздействие требуется для максимального результата.

Впрочем, своими догадками миссис Грин ни с кем не делилась. Работа ее хорошо оплачивалась, хотя и требовала полной отдачи. Ведь малейшее отклонение в стиле одежды, манере поведения ставило под угрозу жизнь наблюдателя или вариатора.

Дженнифер не только самым тщательным образом изучила разрабатываемую эпоху, но и познакомилась с устройством темпоральных капсул. Следовало не допустить повреждения платья, прически, макияжа, а кроме того, уходящий в прошлое должен был сохранять свободу передвижений в непривычной одежде.

На работе Дженнифер была сосредоточенна и деловита, она очень дорожила с большим трудом заслуженной репутацией.

Джил побежала вниз по улице, и Дженнифер бросилась вдогонку. Она передвигалась огромными прыжками, но медленно и плавно. Так бывает во сне.

Вообще сны бывают двух родов. В одних ты знаешь, что спишь – и можешь влиять на происходящее. Этот сон был именно таким. Дженнифер сверху увидела, куда ведет улица, догадалась, что Джил остановится у витрины магазина игрушек – нет, она сама усилием воли заставила девочку остановиться. Пока Джил стояла, прижавшись носом к стеклу, Дженнифер успела снизиться и схватить ее.

И тут зазвонил будильник.

Такие сны, как сегодня, бывали редко. Чаще приходили другие, те, в которых все происходящее кажется реальным. Джил убегала, а Дженнифер просыпалась в холодном поту, благословляя будильник, вырвавший ее из липкого кошмара.

В тот день, когда все случилось, Дженнифер с Джил отправились по магазинам, получили массу удовольствия от покупок и друг от друга и уже собирались домой.

Джил в одной руке держала пирожок с повидлом, а в другой – воздушный шарик-акулу. С набитым ртом малышка объясняла Дженнифер, как ее «летучая рыбка» купается в облаках и хочет съесть птичку. Но птичка хитрая и не дается.

Дженнифер несла кучу пакетов. Она старалась держаться поближе к дочери, так как взять Джил за руку не было никакой возможности. И тут они встретили Энн. Энн Стоунер, школьную подругу Дженнифер.

Дженнифер надела желтое платье. Она не доставала его из шкафа с того самого дня. За десять лет она не прибавила ни грамма – первое время просто не могла есть, а позже ни разу не позволила себе пирожное или еще что-нибудь сладкое.

Бывало, они с Джил устраивали себе праздник. Дженнифер покупала огромную, похожую на хрустальный дворец коробку, полную крошечных разноцветных пирожных. Для каждого вида у них были свои названия. Там встречались «Синий муравейник», «Принцесское платье», «Карамельная бабочка». Было даже «Невкусное лекарство» – пропитанное ромом и посыпанное горьким шоколадом. Названия придумывала Джил, и Дженнифер обязательно рассказывала о них Гарольду.

Гарольд буквально молился на дочь. Поэтому они и не смогли жить вместе, когда Джил пропала.

Дженнифер заколола волосы, как делала когда-то. Сейчас такие прически не носят, но сегодня она хотела выглядеть так же, как в тот злополучный день. Пальцы у нее немного дрожали, и одна непокорная прядь, все время выскальзывая, щекотала шею. Дженнифер несколько раз глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки. Чтобы не привлекать внимания к старому платью, ни разу не надетому за прошедшие годы, она накинула легкий кардиган, завершив наряд модной в этом сезоне крошечной панамкой. Десять лет она готовилась к этому дню и не даст расшалившимся нервам сорвать ее планы.

Директор Центра, Алан Рейли, любил традиции. Каждый год, несмотря на войну, день открытия Центра отмечался так, словно это национальный праздник. Конечно, в последнее время фуршеты стали скромнее, но по-прежнему все сотрудники неукоснительно должны были являться на праздник. И горе нарушителю!

Можно ли изменить прошлое? С тех пор как Дженнифер узнала, что это возможно, она твердо решила вернуться назад и все исправить.

День выдался ясный, солнечный, но дома, выкрашенные серо-серебристой теплоотражающей краской, окна, заклеенные металлизированной, защищающей от снарядов с инфракрасным наведением пленкой, гасили голубизну неба, создавали ощущение сырости и липкого тумана. Суетливо-испуганные лица прохожих, лишенные рекламы улицы, темные

витрины стали привычными, хотя по-прежнему заставляли что-то внутри сжиматься в тугий комок. Дженнифер быстро шла по бульвару, не замечая первой зелени, кое-где уже опаленной войной.

Имеет ли она право вторгаться в прошлое? Ведь любое, даже самое мелкое событие там, в синей дали прежних лет, непременно отзовется в будущем.

Но Дженнифер надеялась, что маленькая девочка, которой тогда было всего четыре, не имеет для Вечности большого значения. Если бы к своим нынешним четырнадцати годам Джил обнаружила необыкновенные способности, совершила переворот в науке, информация об этом наверняка появилась бы в Сети. Но ничего не было. Дженнифер, все эти годы старавшаяся отыскать дочь, не пропустила бы подобное сообщение. В глубине души она не сомневалась, что Джил жива. Но если ребенку и предстоит совершить нечто, поступок Дженнифер просто передвинет великое событие на десять лет вперед. Пусть маленькая девочка перешагнет эти годы и растет себе дальше здесь и сейчас. А Вечность немного подождет.

В вестибюле дежурили два охранника. Дженнифер знала их по именам. Долговязый худой Гарри, глупо ухмыляясь, обшарил ее сальным взглядом. Другой, полноватый пожилой мужчина с добрыми глазами, приветливо сказал:

- Добрый день, миссис Грин. Вы как раз вовремя, церемония вот-вот начнется.
- Спасибо, Крис. Я только на минутку забегу к себе.
- Сегодня не положено, миссис Грин, сегодня праздник.
- Послушайте, Крис, я только туда и обратно. Я приготовила шефу сюрприз.
- Ну, если сюрприз... Только поторопитесь, не подводите меня.
- Я мигом.

Такой обычный в рабочие дни коридор казался пустым и опасным. По стенам скользили тени шевелящихся за окном ветвей, скрипели жалюзи, металлизированная пленка гасила солнечные лучи, создавала ощущение сумерек. Дженнифер казалось, что вот-вот из-за двери или шкафа вытянется длинная рука, схватит ее за платье и начнет притягивать – скручивать в тугой узел. Райли помешан на безопасности. Недаром по Центру ходят слухи о секретной защитной системе, стоившей военному ведомству бешеных денег и включаемой каждый раз, когда директор не хотел полагаться на внимательность и ответственность охраны. А тут такой день!

«Все это нервы, – успокаивала себя Дженнифер, – кому нужна глупая женщина, забывшая свой подарок на рабочем месте?»

Но страх не отступал. В какой-то момент за спиной явственно послышались шаги, стук чего-то металлического, тихий скрежет.

Дженнифер застыла от ужаса, а потом бросилась бежать. Но не назад, а туда, где в спасительной близости виднелась уже дверь пускового зала. На ходу доставая из сумочки макет ладони, стоивший ей месячной зарплаты, она выронила пудреницу, расческу, еще какие-то мелочи, но не стала возвращаться. Если ее поймут, то это уже не будет иметь никакого значения, а если все пройдет гладко, то тем более. Дверь открылась не сразу, долгих пять секунд заставив женщину дрожать от страха и лихорадочного возбуждения.

Как трудно было достать этот макет! В последнее время так и не женившийся второй раз Гарольд снова начал обращать на нее внимание. Дженнифер не держала на него зла и не хотела ему неприятностей, но такой случай нельзя было упустить. Как работник службы охраны, Гарольд имел доступ к идентификационным копиям всех сотрудников. Раньше он иногда приносил домой кристалл памяти, если работал допоздна и не хотел связываться с администрацией хранилища. Однако теперь между ними не было той простоты, что позволяла прежде трогать чужие вещи. Не было и доверия, так необходимого, чтобы открыть ему свой

план и попросить помощи. Выбрать момент, чтобы скопировать информацию, было очень сложно. Пожалуй, это была самая рискованная часть операции. Но, как ни крути, все получилось, а знакомый модельщик сделал макет, не задав ни одного вопроса. Так что теперь рука самого Райли открыла перед Дженнифер заветную дверь.

Как только щелкнул замок и стальная плита медленно поползла в сторону, Дженнифер рванулась вперед. Но потом оглянулась, закрыла за собой проход – если сзади кто-то есть, надо задержать его возможно дольше. Даже несколько секунд могут играть решающую роль.

Длинный зал, уставленный аппаратурой и столами, заканчивался полукруглой нишей, в которой располагалась темпоральная камера, закрепленная в пусковой установке.

Дженнифер приложила руку – на этот раз свою, а не макет – к зеркальной панели распознавателя. Кабина открылась, приветливо засветилась потолочная поверхность, ожили экраны, и она перевела дух. Осталось только набрать код перемещения и задать точные координаты пункта назначения. Не торопясь она закрыла за собой проход, села в кресло, закрепила фиксаторы и по памяти набрала заветные цифры. У нее не было необходимости записывать время происшествия, а код места она выучила наизусть несколько лет назад, когда получила доступ к географическому сектору библиотеки. Глубоко вздохнув и еще не веря в свою удачу, Дженнифер нажала клавишу пуска и закрыла глаза. По внутреннему времени кабины переход занимал около десяти минут.

Не успела Дженнифер скрыться из виду, как Крис мгновенно взялся за стереофон. Не включая изображение, он быстро набрал номер и перевел звук в приватный режим. Гарри с любопытством смотрел на напарника. Крису ответили.

– Одну минутку, сэр. Гарри, присмотри тут, я отойду ненадолго. Важный разговор по поводу кредита. Не хочу здесь светиться. И постарайся ничего не упустить, а то мистер Райли шкуру с нас спустит, – с этими словами Крис скрылся в дежурке и плотно закрыл за собой дверь.

– Сэр, я оставил на посту Гарри, с вашего позволения. Миссис Грин прошла в лабораторию.

– Отлично, Кристофер. Теперь главное – не спускать глаз с Грина. Найдите Макмилана и передайте, что я приказал посадить Гарольда Грина под домашний арест. Пусть решает сканворды, смотрит стерео, спит, пусть напьется, как свинья – за наш счет, мне все равно. Но если попытается выйти из комнаты – приказываю стрелять. Он наверняка захочет ее подстраховать и все испортит.

– Ясно, сэр. Все будет в порядке.

– Смотрите, за него отвечаете головой.

Дженнифер рассчитала точно: из сквера, полного людей, смеха, первой зелени, она могла наблюдать за происходящим, не привлекая внимания. Напротив сиял огнями супермаркет, из которого недавно вышли – кто? – она сама с кучей пакетов в руках и Джил с шариком и пирожком. Дженнифер видела их отражение в оконном стекле. Тогда, как и сейчас, она была в том же желтом платье, с такой же прической. Но кардиган и шляпку придется оставить. Она бросила вещи на скамью и решительно направилась к магазину игрушек. Джил должна прийти сюда, больше ей деться некуда. Долгие годы Дженнифер перебирала в уме все возможности, старалась предусмотреть все нелепые случайности, чтобы понять, куда делась ее дочь. Магазин игрушек. Это единственное, что могло привлечь внимание ребенка. Если девочка придет сюда рассматривать кукол, план сработает и даже прошлое не будет нарушено. Джил пропадет для той Дженнифер, что болтает сейчас с Энн Стоунер, но вернется к Дженнифер сегодняшней. Будущее изменится, девочка вырастет в нем, станет его частью, а будущее можно менять, сколько хочешь. В конце концов, именно этим мы и занимаемся каждый день.

Джил доела пирожок, вытерла пальчики о собственное платье, подергала мать за руку. Но та была так увлечена разговором, что ничего не замечала. Тогда малышка принялась кружиться, заставляя акулу взлетать все выше и выше, – и вдруг заметила игрушки за стеклом. Медленно, все время оглядываясь на мать, она мелкими шажками направилась к заветной витрине. Дженнифер стала так, чтобы девочка не могла увидеть одновременно и ее, и мать. Она думала о себе прежней именно так: мать, мать девочки, как будто о какой-то посторонней женщине, у которой она готовилась похитить ребенка.

Малышка подошла уже так близко, что Дженнифер хватило бы минуты. Но та, другая Дженнифер могла бы заметить ее сейчас. Еще немножко, совсем чуть-чуть. Девочка приблизилась на расстояние вытянутой руки. Дженнифер выскочила из-за куста, схватила девочку... Но тут кто-то с силой ухватил ее за плечи, не давая сделать последний шаг. Женщина обернулась. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять: ее последняя надежда рухнула. Эта защитная серебристая форма принадлежала охраннику Центра. Значит, за ней следили с самого начала. Но почему не схватили сразу? Зачем было играть с ней как кошка с мышью? Чтобы потом предъявить обвинение? Нечего ломать голову, все пропало. Неужели все?! И тут в голову пришла шальная мысль. Что, если?..

Дженнифер размахнулась и больно шлепнула Джил по мягкому месту. Девочка зарыдала и бросилась к матери, а охранник защелкнул на Дженнифер наручники и нажал на браслете кнопку экстренного возврата.

Город встретил Дженнифер солнцем и запахом сирени. В сквере играли дети, гремела музыка. Хрустальные граненые окна домов пускали на землю и на свежую зелень сотни солнечных зайчиков. Казалось, это капли росы переливаются всеми цветами радуги.

Райли принял успокоительное и откинулся в кресле, стараясь расслабиться. Звонок стереофона вонзился в мозг раскаленной иглой.

– Мистер Райли! Все получилось, правда! Посмотрите в окно!

– Прекрасно, Кристофер. Я очень рад. Вы заслужили повышение. Но незачем орать об операции на всех углах. Да, и выпустите Грина.

По дороге Дженнифер забежала в кондитерскую – ей вдруг нестерпимо захотелось сладкого. Гарольд был дома один. Он крепко обнял ее за плечи, прижал к себе.

– Ты у меня умница, девочка. Я изо всех сил старался тебе помочь, но все самое главное сделала ты.

– Так ты знал? Но ведь это преступление – менять прошлое, менять мир.

– Если уж хочешь менять мир, меняй его к лучшему. Какая теперь разница? Главное – все кончилось, как ночной кошмар.

– Тогда почему мы все помним?

– Видишь ли, малыш, мы с тобой те самые гвоздики, за которые зацепилась ткань пространства – времени, поэтому в нашей памяти сохранился отпечаток прежней реальности. А обычные люди ничего не заметили. Но нам это не мешает, верно?

Хлопнула дверь, в комнату вбежала раскрасневшаяся Джил.

– Мама, по какому случаю такой огромный торт?

– Мне что-то захотелось вас побаловать. Знаешь что, ровно месяц назад я купила чудесный уют. Он прекрасно справляется и ни разу меня не подвел. Поэтому мы, пожалуй, отпразднуем сейчас его день рождения.

– Здорово! Только ты могла такое придумать!

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Украина)

ОСОБО ОПАСНЫЙ

Poszukiwany groźny przestępca...

В Варшаву я приехал поздней осенью, когда уже начались морозы и выпал первый снег. Позади год мытарств и злоключений, позади Силезия, Поморье, Балтика и Татры. Самое страшное было позади. Впереди была полная неизвестность.

Прямо с вокзала я направился к Олегу. Он снимал комнату в двух шагах от центра, на Иерусалимских аллеях. Олег разрешил пожить у него первое время, пока не устроюсь, и обещал помочь с жильем и работой. По дороге я зашел в *Carrefour* и купил бутылку виски.

Олег обрадовался встрече. Мы поужинали. Потом еще недолго поболтали, выпили виски и легли спать. Рюкзак с деньгами и пистолетом я положил под подушку. Виски сделало свое дело, освободив мозг от постоянного нервного напряжения, и я уснул с надеждой, что, может быть, этой ночью мне все-таки удастся выспаться и отдохнуть.

Но выспаться снова не удалось. Мне снова приснился опиумный притон. Валерка в окровавленных бинтах. И Марлена с перекошенным от ужаса лицом. Я проснулся в холодном поту и до утра уже больше не уснул.

Сквозь зашторенное окно в комнату пробивался бледно-желтый свет уличных фонарей. Тошнотворной волной нахлынули воспоминания. Олег тихонько посапывал во сне. Я лежал, таращился в темноту и старался не думать о Марлене и Валерке. Но дурные мысли сами лезли в голову, воспаляя и без того воспАлённое сознание.

Утром Олег ушел на работу, и я остался один. Начинало светать. Я открыл шторы, и какое-то время смотрел в окно на серый, погруженный в утреннюю полудрему город. Совсем рядом в окружении ультрасовременных красавцев небоскребов угрюмо возвышался сорокадвухэтажный сталинский Дворец культуры. Город незаметно просыпался и оживал.

Ужасно болела голова. Я принял три таблетки этопирина и запил их виски прямо из бутылки, сделав несколько больших глотков. Спиртное приятно обожгло горло и весь пищевод, огненным потоком устремляясь в желудок. Я тут же опьянел. Боль ушла куда-то в сторону, на второй план, а со временем и вовсе исчезла.

Не расставаясь с бутылкой виски, я принял душ, позавтракал и завалился перед телевизором на диван. Когда с виски было покончено, я ненадолго уснул, соскользнув в черную бездну забытья. Проснувшись, некоторое время я еще лежал на диване и смотрел телек. Голова больше не болела, и чувствовал я себя намного лучше. Это меня радовало. Появилось желание прогуляться по свежему воздуху.

Я прошелся по комнате, надел брюки и свитер и вспомнил, что собирался позвонить Алёне. Длинные гудки раздражающе резали ухо. Трубку никто не взял. Тогда я вынул из рюкзака планшет и написал ей очередное безответное письмо о том, как люблю ее и детей и скучаю по ним.

Потом меня вдруг посетила мысль, что если бы в Голливуде сняли обо мне фильм, то получился бы крутой зрелищный увлекательный остросюжетный блокбастер. И тут же я решил, что это была дурацкая мысль, что ничего крутого и увлекательного в моей жизни нет.

А вот если бы написать книгу, было бы намного интересней и увлекательней. Пусть даже не книгу. Пусть даже небольшой рассказ на несколько листов. И я подумал о том, что вот уже больше года ничего не писал. И что нужно как-то заставить себя сесть и что-нибудь написать. Например, о горах, или о море, или даже хотя бы просто о Кракове или Варшаве. Моя голова начала работать, и вдруг как-то неожиданно появилась первая мысль.

Я быстро достал из рюкзака блокнот и ручку, открыл блокнот на чистой странице, оставил пустое место для названия и написал первое предложение: «В Варшаву я приехал поздней осенью, когда уже начались морозы и выпал первый снег». Несколько раз перечитал написанное предложение. Посидел немного, подумал, погружаясь в воспоминания, внутренне настраиваясь и сосредоточиваясь на написанном. Уцепившись за мысль, добавил: «Позади год мытарств и злоключений, позади Силезия, Поморье, Балтика и Татры. Самое страшное было позади. Впереди была полная неизвестность». Еще раз перечитал написанное и остался доволен. Мой взгляд упал на пустое место вверху страницы, оставленное для названия. Я снова погрузился в размышления и спустя несколько минут написал там: «Особо опасный».

После этого я еще несколько раз перечитал написанное, внутренне сосредоточиваясь и концентрируясь на тексте, пропуская через себя каждое слово, стараясь прочувствовать и ощутить каждой своей нервной клеточкой интонацию и звучание отрывка. Мысль больше не работала, но для начала и этого было достаточно.

Появилось настроение и желание перекусить и выпить чего-то крепкого. Я обулся, надел куртку, взял рюкзак (пистолет на всякий случай переложил в карман куртки) и вышел на улицу. Было около десяти утра. Город уже проснулся. На Иерусалимских аллеях царили оживление и хаос. Проезжая часть запружена транспортом. Оглядевшись по сторонам, я не спеша двинулся в направлении центра. На пути мне попала *Biedronka*. Там я купил бутылку джина, маленькую бутылку минералки и колу. На стоянке возле супермаркета я вылил минералку на асфальт, перелил джин в бутылку из-под минералки, сделал несколько глотков джина, положил джин и колу в рюкзак и пошел дальше.

На улице было холодно и пасмурно. Серую унылую зимнюю картину города оживлял беспрестанно сыпавший снег. Настроение было хорошее. Сквозь призму легкого опьянения все вокруг казалось не таким уж серым и унылым.

На перекрестке Иерусалимских аллей и Маршалковской, возле станции метро, я купил кебаб и с удовольствием съел его. Утолив голод, зашел, в первое попавшееся отделение какого уже не помню банка и сделал Алёне денежный перевод через *Western Union* на сумму 500 долларов. Выйдя из банка, без особой надежды набрал Алёну по телефону и после того, как она не ответила, отправил ей эсэмэску с номером перевода.

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

Потом пару часиков поштался по *Złoty ch Tarasach*, позаглядывал по магазинам и бутикам, в *Cropper* купил себе новые перчатки и шарф, еще раз перекусил в каком-то кафе на четвертом этаже *Złoty ch Tarasów* под огромным стеклянным куполом, на который с разверзшихся небес падал снег, и пошел гулять дальше.

Проходя мимо Дворца культуры, по площади Дефилад, я остановился возле афиш Драматического театра. Внимание привлёк вечерний спектакль. Это был спектакль по мотивам комедии Карло Гольдони «*Sługa dwóch panów*» в постановке знаменитейшего польского актера и театрального режиссера Тадеуша Брадецкого, которого я очень хорошо знал и чьи спектакли с удовольствием посещал в театре *Śląski*, когда жил в Катовице. Я зашел в кассы и купил билет на «*Sługę dwóch panów*» в бельэтаже. Начало спектакля в девятнадцать ноль ноль. До спектакля оставалось еще много времени.

После поражения Варшавского восстания в тысяча девятьсот сорок четвертом году все здания и сооружения на Иерусалимских аллеях были взорваны фашистами и превращены в руины. И только лишь спустя десять лет, в пятидесятых годах прошлого века, конечно же, не без помощи Советского Союза, были отстроены заново и восстановлены с учетом исторических архитектурных особенностей. И теперь, в наше время, Иерусалимские аллеи стали одной из наиболее представительных и дорогих частей города с фешенебельными отелями, огромными торговыми центрами и престижными современными офисными зданиями.

Возле пальмы Иоанны Райковской я свернул на улицу Новый Свет, ведущую к Замковой площади и площади Рынок. По мере приближения к Старому городу стало появляться все больше и больше туристов. Они ходили большими группами, с экскурсоводами, рассматривая и фотографируя достопримечательности города.

Появилось желание выпить кофе с каким-нибудь изысканным десертом. Глотнув джина, я зашел в кафе *Blikle*, славящееся на всю Варшаву своими блинами, мороженым и пончиками. Внутри было по-домашнему уютно и комфортно. Я сел за столик возле окна, так, чтобы было видно улицу и прохожих, и заказал кофе с *tartaletką żurawinową*.

Пришло банковское sms-сообщение, что Алёна забрала перевод. Я сам себе улыбнулся и подумал о ней и о детях. И так захотелось к ним, домой, прямо сейчас, в этот момент. И глаза тут же стали влажными, и сердце сжалось в груди от обиды и бессилия что-либо сделать.

Я набрал Яцека, и, когда тот ответил, поинтересовался, что у него нового по моему вопросу.

– *Falszywy paszport z wizą ja ci jutro zrobię. (Фальшивый паспорт с визой я тебе хоть завтра сделаю (польск.))*, – словно оправдываясь, ответил Яцек. – *Ale skąd pewność, że twoja gęba nie wydaje im się podejrzana, i oni nie zaczną dokładnie sprawdzać? (Но откуда уверенность, что твоя рожа не покажется им подозрительной и они не начнут тебя тщательно проверять (польск.))?*

– *Trzeba ryzykować. (Нужно рискнуть (польск.))*, – резко сказал я.

– *Nie chciałbym ryzykować. Jeśli cię aresztują, ani woli, ani rodziny ci długo nie widać. (Не хотел бы рисковать, если тебя арестуют, ни воли, ни семьи тебе долго не видать (польск.))*.

– Nie mogę już dłużej czekać. I nerwy mam już na granicy. No i znudziło mi się już biegać i chować się. **(Не могу больше ждать, и нервы у меня уже на пределе, да и надоело мне бегать и прятаться (польск.))**.

– Proszę cię, poczekaj jeszcze trochę. **(Прошу тебя, подожди еще немного (польск.))**.

– Trochę, to ile? **(Немного, это сколько (польск.))?**.

– No od siły miesiąc, nie więcej. **(Ну от силы месяц, не больше (польск.))**.

– A co będzie za miesiąc? **(А что будет через месяц (польск.))?**.

– Mam jednego zaufanego człowieka. On poprowadzi cię przez granicę i przekaże cię tam innemu człowiekowi, który zabierze cię tam, gdzie trzeba. **(У меня есть один надежный человек, он проведет тебя через границу и передаст там другому человеку, который отвезет тебя туда, куда тебе надо (польск.))**.

– A dlaczego przez miesiąc, a nie teraz? **(А почему через месяц, а не сейчас (польск.))?**.

– Teraz nie można. **(Сейчас нельзя (польск.))**, – категорично отрезал Яцек.

– Ile to będzie kosztować? **(Сколько это будет стоить (польск.))?**.

– O szczegółach nie przez telefon. **(О подробностях не по телефону (польск.))**.

– Kiedy lepiej zadzwonić następnym razem? **(Когда тебе лучше позвонить в следующий раз (польск.))?**.

– Zadzwoń do mnie za kilka tygodni. Na pewno, że to już będzie jasne. **(Козвони через пару неделек, наверняка, что-то уже будет понятно (польск.))**.

– Dobra, na razie. **(Ладно, пока (польск.))**.

– Na razie. Tylko z tego numeru telefonu więcej do mnie nie dzwoń. Swój nowy numer telefonu ja ci wyślę na maila. **(Пока, только с этого номера больше мне не звони, свой новый номер я тебе вышлю по емейлу (польск.))**.

После этого разговора я позвонил Олегу и предупредил его, что вернусь поздно, потому что решил сходить в театр на вечерний спектакль. Принесли кофе с пирожным. Ароматный кофе приятно взбодрил и согрел.

Я еще долго сидел в кафе, бездумно наблюдая за падающим снегом и прохожими, рассматривая фасады зданий на противоположной стороне улицы и проезжающие мимо автомобили.

Расплатившись, вышел из кафе на улицу и меня словно током шарахнуло. Показалось, что в толпе прохожих, я увидел Марлен. Я бросился вслед за ней. Но, когда догнал ее, оказалось, что это незнакомая девушка.

– Przepraszam. Ja pomyliłem się. **(Прошу прощения, я обознался (польск.))**, – сконфуженно пробормотал я себе под нос, потом еще раз принес свои извинения и быстро ретировался.

Мне было не по себе. Воспоминания снова нахлынули сокрушительной волной, и я ничего не мог с собой сделать. Я шел по улице и думал о Марлен. Я вспоминал ее огромные небесно-голубые глаза, глубокий пронзительный взгляд, ласковые и нежные руки и пухлые, одуряюще головокружительные губы.

Я вспомнил, как мы познакомились с ней, когда плыли на прогулочном катере из Гданьска в Сопот. И как встречались потом тайком от ее мужа на набережной в Гданьске. Вспомнил наши свидания в Кракове, прогулки по Вавельскому замку и Плашуву, встречи на

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

улице Рекавки, возле аптеки *Pod Orłem* Тадеуша Панкевича на площади Героев Гетто и около Грюнвальдского моста. Вспомнил, как мы занимались с ней любовью в ее автомобиле на набережной Вислы, вспомнил ее роскошное обнаженное тело, и возбуждение легким электрическим разрядом содрогнуло меня. Потом вспомнил, как мы ограбили ее мужа и вместе сбежали во Вроцлав. И как роскошествовали там полгода, не отказывая себе ни в чем. Это было незабываемое время.

Я думал о Марлен и понимал, что такой женщины, как она, у меня никогда больше не будет. Я понимал, что только с ней мне было по-настоящему хорошо и комфортно, только с ней я чувствовал себя по-настоящему уверенно и твердо. Я не знал, где она. Это меня сильно мучило и терзало все последнее время. Мне очень не хватало Марлен.

Так, думая о Марлен, я дошел до улицы Краковское Предмесье. Посидел немного на скамейке Фредерика Шопена возле Дворца Сташица и памятника Николаю Копернику, послушал Траурный марш из его Сонаты *b-moll*, рассматривая окна здания на противоположной стороне улицы, в котором в позапрошлом веке жила сестра Шопена, пытался угадать, из какого окна казаки вышвырнули на мостовую рояль Шопена.

Сидеть было холодно, и я пошел дальше. Мимо базилики Святого Креста, где в одной из колонн замурована урна с сердцем Шопена, тайно привезенным из Парижа в Варшаву в банке с формалином после его смерти и, прежде чем попасть в базилику, пролежавшим тридцать лет в шкафу в квартире его сестры. Мимо Дворца Чапских-Красинских, в котором сейчас находится Академия художеств. Мимо ворот университетского двора. Мимо неоклассического Дворца Тышкевичей-Потоцких, балкон над главным входом в который держат четыре античных атланта. Мимо костела Визиток, костела святого Юзефа и костела посещения пресвятой Девы Марии. Мимо памятников Болеславу Прусу и Адаму Мицкевичу. Мимо несуразного Дома без углов. Мимо отеля «Бристоль». Мимо Дворца Радзивиллов, где располагается резиденция президента Польши, во дворе которого стоит памятник князю Юзефу Понятовскому, сделанный по образу статуи императора Марка Аврелия в римском Капитолии.

Когда я дошел до Замковой площади, начало смеркаться. Зажглось уличное освещение. Вдалеке ярким огненным факелом вспыхнул *Stadion Narodowy*. Я прошел через площадь и по улице Святоянской направился к площади Рынок. Там, возле памятника *Warszawską Syrenkę*, были установлены искусственный каток и киоски, где продавали спиртное и закуску. Я взял себе дымящейся *gulašovą polevkę*, бутерброд со смальцем и соленым огурцом и чашку горячего *grzanego wina*.

Ярко освещенный каток был битком набит катающимися на коньках людьми. Играла музыка. На катке было много детей. Сердце снова болезненно сжалось в груди от тоски и обиды. И я подумал о Бодике с Русей. Все на свете отдал бы за то, чтобы сейчас быть с ними. А потом я подумал о том, что если бы можно было вычеркнуть из жизни несколько последних лет, стереть память об этом времени, отмотать жизнь назад и перезапустить по новой, не задумываясь, сделал бы это. И чтобы все стало по-прежнему. И чтобы не было никакой Польши, и чтобы не было ничего. Только я, Алёна и дети.

Я доел суп, выпил вино, допил джин и пошел в театр по улице Королевской, которая вела прямым от Старого города до Маршалковской и Дворца культуры. По дороге, в *Żabce*, купил бутылку темного рома и перелил ром в бутылку из-под колы, чтобы было что пить в театре.

В театральном гардеробе подошел к зеркалу и с ужасом заметил, что за последний год сильно сдал и постарел. Лицо стало одутловатым и серым от постоянного пьянства, нервов и усталости, появились глубокие морщины на лбу и мешки под глазами, волосы на голове поседели.

Я подумал о том, что мне уже сороковник и что в свои сорок я ничего не имею, ни кола, ни двора, а то, что имел, все растрывал по-глупому, по-дурацки, бездумно. И ничего не добился, если не считать публикаций в литературных журналах. Зато умудрился натворить такого, что теперь самому страшно за свои поступки. А скольким людям я жизнь перевернул и испортил. Алёна меня до конца дней моих ненавидеть будет и никогда уже не простит. Марлена... Очень хотелось бы знать, где она, и верить, что с ней все в порядке. О Валерке я и думать боялся. Во всем я винил одного лишь себя и понимал, насколько далеко всё зашло и насколько всё безнадежно плохо.

Из театра вышел с хорошим настроением. Спектакль доставил неопишное удовольствие и на время отвлек от гнетущих проблем. Отличная постановка, безупречная игра актеров, красивые декорации и яркие костюмы – в спектакле всё было очень цельно и гармонично. На два с половиной часа я с головой окунулся в яркий чарующий мир красочного искусства, которое всегда привлекало меня и притягивало, и забыл обо всем на свете.

Возле станции метро на минуту остановился у столба с объявлениями. Среди прочих объявлений на пожелтевшем листе под надписью «Poszukiwany groźny przestępca (**Разыскивается особо опасный преступник (польск.)**)» я увидел свой портрет, ужасный неузнаваемый фоторобот, под фотороботом:

Władysław Luty (**Владислав Февраль (польск.)**)

Płeć: mężczyzna (**Пол: мужской (польск.)**)

Miejsce urodzenia: Kijów (**Место рождения: Киев (польск.)**)

Data urodzenia (**Дата рождения (польск.)**): 10.07.1974

Pseudonim: Wilk (**Кличка: Волк (польск.)**)

Ostatnie miejsce zameldowania (**Последнее место прописки (польск.)**): Gliwice, ul. Niedbalskiego 10/6

Obywatelstwo: Ukraina (**Гражданство: Украина (польск.)**)

Podstawy poszukiwań (**Основание для розыска (польск.)**):

Art. 217a Uderzanie człowieka (**Покушение на жизнь человека (польск.)**)

Art. 258 § 1 Branie udziału w zorganizowanej grupie przestępczej (**Участие в организованной преступной группе (польск.)**)

Art. 279 § 1 Kradzież z włamaniem (**Кража со взломом (польск.)**)

Art. 280 § 2 Rozbój (**Ограбление (польск.)**)

Art. 282 Wymuszenie rozbójnicze (**Разбойное вымогательство (польск.)**)

Art. 286 § 1 Oszustwo (**Мошенничество (польск.)**)

Poszukujące jednostki policji (**Розыск проводит (польск.)**):

Московский BAZAR № 2 (24) 2017 г.

BK KMP Gliwice Wydział Kryminalny, 44–100 Gliwice, ul. Powstańców Warszawy 10–12, telefon: (032) 3369255, email: komendant@gliwice.ka.policja.gov.pl

Cechy rysopisowe (**Особые приметы (польск.)**)

Wzrost: 184 cm (**Рост: 184 см (польск.)**)

Sylwetka: krępa, muskularna (**Фигура: крепкая, мускулистая (польск.)**)

Ramiona: mocne, tatuaż (**Плечи: крепкие, татуировка (польск.)**)

Nogi: długie (**Ноги: длинные (польск.)**)

Twarz: owalna (**Лицо: овальное (польск.)**)

Włosy: proste, krótkie, uczesanie z przedziałkiem, ciemnoblond (**Волосы: прямые, короткие, прическа с пробором, шатен (польск.)**)

Czoło: średnie (**Лоб: средний (польск.)**)

Uszy: normalne (**Уши: нормальные (польск.)**)

Szyja: krępa (**Шея: крепкая (польск.)**)

Wargi: średnie (**Губы: средние (польск.)**)

Nos: średni, prostolinijszy (**Нос: средний, прямолинейный (польск.)**)

Kolor oczu: jasne (**Цвет глаз: светлые (польск.)**)

Я внимательно все прочитал, потом постоял еще какое-то время у столба, почитал другие объявления, потом достал из рюкзака бутылку с ромом и сделал несколько глотков. Рома оставалось на дне. Я подумал, что нужно зайти в какой-нибудь ночник и пополнить запасы спиртного.

Непонятно откуда появились полицейские. Их было двое. Поверх темно-синих форменных курток на них были яркие едко-светло-салатные жилеты со светоотражательными полосами и надписями «Policja». Они подошли ко мне и попросили предъявить документы. Я весь сжался и протянул свой паспорт одному из них, стараясь не выдавать внутреннего напряжения. Пока они рассматривали мой фальшивый паспорт с поддельной визой, я сосредоточенно исподлобья изучал их, и отметил для себя, что у каждого на боку кобура с боевым пистолетом.

– Proszę z nami (**Прошу пройти с нами (польск.)**),– сказал тот, что держал в руке мой паспорт.

Повисла секундная пауза. Времени на раздумья не было. Сознание само отключилось, уступая место инстинктам и интуиции, которые никогда меня еще не подводили. Напряжение тут же ушло. Дыхание выровнялось и стало глубоким.

Не поворачивая головы, периферийным взглядом я изучил обстановку вокруг: сквер, подземный переход, дома на противоположной стороне улицы, и сунул руку в карман с пистолетом. Холодная сталь приятно обожгла ладонь и слилась с рукой в одно единое целое. Указательный палец лег на спусковой крючок, большой привычным движением плавно опустил флажок предохранителя вниз.

ПРОЗА

Олег Черняк

(Пермь)

СТРАШНЫЙ СОН

Яркий свет ламп, растекаясь по подвескам хрустальной люстры, залил радужными бликами огромную гостиную. Коричневое кресло из крокодиловой кожи нежно поскрипывало, любовно обхватив сидящего в нем Сяву. Он выглядел, как всегда, великолепно, но именно сегодня для подчеркивания важности события по рекомендации жены Зинаиды добавил несколько дорогих аксессуаров. Надел часы «Chopard» в бриллиантовом корпусе, общим весом 67 карат; манжеты голубой шелковой рубашки украшали запонки из сапфира, закрепленного тонкими лапками в платиновом обрамлении. И очки! Шикарные очки, выполненные по его заказу. Дымчатые фотохромные итальянские линзы, менявшие окраску в зависимости от температуры и освещенности, были прочно вмонтированы в массивную оправу из панциря черепахи, которую он сам поймал в Мозамбике.

Не веря в приметы и в очередной раз наплевав на предрассудки, решил праздновать сороковой день рождения. Сервировка стола подходила к концу. Две темнокожие служанки, грациозно покачиваясь на длинных ногах, заносили в комнату наполненные едой большущие расписные тарелки из китайского фарфора времен правления императора Канси.

Наблюдая за происходящим, Сява пребывал на вершине блаженства. Взглянув на прислугу, он вспомнил, как два года назад летал в ЮАР охотиться на антилоп, но что-то не заладилось, и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, в качестве трофея пришлось привезти в Россию чудесных молодых близняшек. Девушки были признательны новому хозяину за то, что он не только вытащил их из нищеты и обучил русскому языку, но выдал замуж за садовника и водителя. Служанки с радостью потакали всем причудам хозяина. Сегодня он нарядил их в новую униформу. По сути, не одел, а раздел – они ходили по дому в туфлях на высоких каблуках, в белых коротких фартуках, ажурных чулках и малюсеньких трусиках-стрингах. Босс жадно пиялся на их упругие ягодицы, а девчонки, перехватывая его взгляд и улыбаясь, придавали своей походке изящество поступи молодых черных пантер.

Сява взял с журнального стола, стоящего рядом с креслом, небольшую коробку из желтой слоновой кости ручной работы. Открыл крышку и, зажмурившись, с наслаждением втянул запах сигар «Gurkha Black Dragon», лежавших внутри. Вытащив одну, аккуратно обрезал стальной гильотиной закругленную шляпку и начал с упоением втягивать аромат. Этот ритуал приносил такое же удовольствие, как и сам процесс курения.

«По-другому нельзя, – подумал он. – Сигара стоимостью более тысячи долларов за штуку требует индивидуального подхода».

Нежный огонек спички лизнул табачный лист, и воздух гостиной наполнился благоуханием терпкого ореха, смешанного с мускусом.

Хозяин тихонько присвистнул. На знакомый звук веселым тьяканьем откликнулась собака, дремавшая в углу. Роскошная афганская борзая встрепенулась, подбежала и положила острую

морду на его светло-коричневые туфли, украшенные золотыми пряжками в виде голов дракона.

«Как прекрасна жизнь! – думал хозяин, посасывая сигару. – Мне сорок лет, и у меня есть все, о чем можно мечтать. Здоровье, деньги, жена. Что еще нужно для счастья?»

Сява никогда не разделял мнение друзей о том, что для настоящего счастья нужна любовь, как говорится, с милым рай в шалаше. Зачем? Он взял и просто купил себе жену, зная, что никаких чувств она к нему не испытывает и кроме денег ей ничего не надо. Он окружил Зинаиду такой роскошью, что она готова, как этот песик, лежать у него на туфлях и делать всё, что он пожелает. В случае развода ей не останется ничего, а что будет после его смерти, уже не важно. Виртуозно составленный лучшими юристами брачный контракт тридцатью страницами текста связал Зинаиду и стер из ее головы даже мысли о мыслях о том, чтобы какими-нибудь методами ускорить уход мужа в мир иной.

«Хозяин! Мы закончили, – сказала, широко улыбаясь, африканская красотка. – Когда гости рассядутся, вынесем еще несколько блюд. Пойдете проверять?»

«Конечно!» – ответил Сява, осторожно вытаскивая ногу из-под морды спящей собаки. Он бросил докуренную сигару в хрустальную пепельницу с серебряным ободком и пошел за девушкой, поглаживая ее по спине.

На разделочном столе блестящей нержавеющей кухни стояли серебряные блюда. На одном – румяный фаршированный поросенок с коричневой корочкой и красными вишенками на ушах дразнил, нагло высунув язычок. На другом – замаринованный в красном вине и овощах копченый кабаний бок, украшенный зеленью и рубиновыми зернами граната. На третьем разместились запеченные целиком куропатки, окруженные пенёчками из теста, кедровыми орехами и корзинками с перепелиными яйцами.

Утвердительно покачивая головой, хозяин цокнул языком и воскликнул, повернувшись к вытянувшимся по струнке поварам в высоких колпаках: «Превосходно! Молодцы! Пойду посмотрю, как накрыли в зале».

Он вернулся в гостиную и стал обходить накрытый бледно-розовой скатертью дубовый стол. Чего тут только не было! Нарезки из красной и белой рыбы, камчатские крабы, красная и черная икра, тарелки с французскими и греческими сырами, салаты из свежих овощей. Небольшие пирожки с мясом. Мармелад из баклажанов, сладкого перца и кабачков, оленина с апельсинами. Мясное ассорти манило чесночным запахом заливки. Рядом на стеклянном столике с бронзовой отделкой стояли редкие спиртные напитки, доставленные хозяину с разных концов света.

Сява посмотрел на часы. «А где же Зинаида? – подумал он. – Через пятнадцать-двадцать минут начнут гости подъезжать, а ее нет. Ушла переодеться и уже часа три не выходит. Может, заснула? Пойду посмотрю». Опираясь на массивные перила из карельской березы, он быстро поднялся по гранитным ступеням лестницы на второй этаж и, пройдя по коридору, тихонько приоткрыл дверь спальни. Раздетая Зинаида лежала на черной шелковой простыне и спала. Одна рука прикрывала грудь, другая лежала на животе, казалось, что женщина защищается от чужого взгляда. При тусклом свете желтой луны, пробивающимся через тюль, она была похожа на ожившую статуэтку из прекрасного мрамора, высеченную острым резцом великого Микеланджело.

Сява открыл дверь шире и застыл. Рядом с женой, уткнувшись лицом в подушку, тихо посапывая, лежал голый мужчина.

Мысли громко застучали в висках. «Как такое может быть? – кружилось в голове. – Ну не любишь, черт с ним! Но устроить такое в моем доме!» Он взглянул на коллекцию холодного оружия, развешанную на персидском ковре. Неожиданно ногу охватил сильный жар.

Превозмогая боль, он выхватил из висящих на стене ножен стальной клинок и, хромая, подошел к жене. Зинаида проснулась и, увидев мужа, закричала: «Приди в себя! Приди в себя!» Сквозь туман, заполнивший голову, он понимал, что жена трясет его за ворот рубашки и откуда-то издалека до него доносился ее голос: «Приди в себя! Приди в себя!»

Сердце билось со страшной силой, его удары как кувалдой разбивали тело изнутри, ступня ныла мучительной болью. Он открыл глаза. Перед ним стояла Зина. «Наконец-то! – выдохнула она. – Чуть сам не сгорел и картошку не сжег, чертяка! Взгляни на подошву».

Сява огляделся, смахнул примерзшие к бороде снежинки и посмотрел на ногу. Подошва, примотанная медной проволокой к старому рабочему ботинку, полностью обуглилась.

Он задумчиво замотал головой и вдруг неожиданно для себя вспомнил, как десять лет назад похоронил жену и начал пить. Потом выгнали с работы. В пьяном угаре за бесценок продал квартиру и стал бомжем. Хотел броситься под машину, но спасла незнакомая женщина Зина, такая же бездомная, как он. С тех пор стали бродяжничать вместе. Суэта улицы засосала по полной, и к нормальной жизни возвращаться не хотелось.

– В чем ходить-то будешь, зима только началась? – спросила Зина.

Он посмотрел на свою подругу. Замерзшая, она стояла перед ним в изношенной нутриевой шубе с поднятым воротником, обвязанным мохеровым шарфом, ее лоб и уши закрывала мужская кроличья шапка.

– Найду что-нибудь, не волнуйся, – ответил он.

– Давай мой руки, – сказала Зина широко улыбаясь. – Пока ты тут воздушные ванны принимал, я на стол накрыла. Будем твой день рождения праздновать, хотя говорят, что нельзя сорок отмечать. Но мы на это дело плюнем. У меня и подарок есть.

Сява поднялся с деревянного поддона, подтянул вверх рукава засаленного пуховика и начал оттирать руки обжигающе холодным снегом.

Он спустился по расколотым кирпичным ступеням. Отогнув грубую полиэтиленовую пленку, защищавшую разбитую дверь подвала от зимних ветров, зашел в жилище. При тусклом свете одинокой лампочки он увидел Зину. В красном свитере с заштопанными дырками она была очень привлекательна.

– Ну, давай, садись, – сказала подруга и плюхнулась на старый скрипучий диван без ножек.

Сява по-хозяйски оглядел стол, сделанный из сдвинутых вместе деревянных ящиков. На расстеленной свежей газете стояла бутылка водки и два пластиковых стакана. Одноразовые тарелки были наполнены разной едой. Чего тут только не было! И печеная картошка, и аккуратные, слегка пожелтевшие, кусочки селедки. Нарезанный крупными кольцами лук блестел выступившим промерзлым соком. Свежие, но очень мятые овощи, осыпанные капельками растаявшего снега. Копченая покрытая белым налетом колбаса манила острым запахом пищевых добавок.

– Ну, вот мой подарок, поздравляю! – сказала Зина и протянула ему новые теплые шерстяные носки ручной работы.

Сява присел на край дивана и пробормотал:

– Спасибо, моя заботливая. Ну что, начнем!

Он взял бутылку, посмотрел на Зину и спросил:

– Скажи! А ты меня любишь?

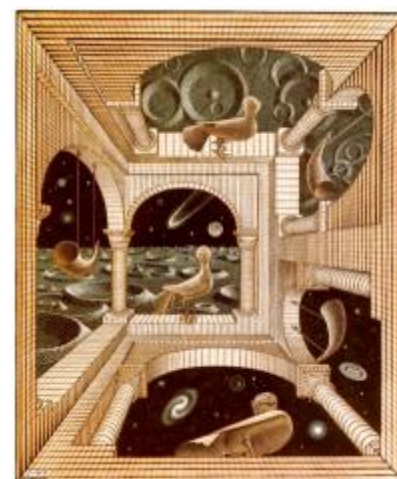
– Конечно, люблю! Я даже не представляю, как жила без тебя раньше, – нежно ответила она и поцеловала его в седую бороду.

Сява улыбнулся. Ему очень хотелось поскорее забыть приснившийся только что страшный сон.

ПОЭЗИЯ

Алёна Воля

(Таллин)

Служивый

В купе жарища, каждый пятый – Вишну,
не связан и свободен от оков.
Стоим.

Белеет станция в окно.
Служивый входит быстро и неслышно.
– Собачка! –

С полки выдохнет малыш.
Услышишь, даже если крепко спишь,
считая хмурые границы лишней
формальностью и битым часом лишь.

Покажется,
он вовсе беспородный,
имеющий по штату чуткий нос –
веселый вислоухий черный пес,
пределы охраняющий свободной
Республики, бегущей через мост.

Животный век ни короток, ни длинен –
двенадцать, ну – тринадцать полных лет
и это, если чумка не отнимет,
и если есть хозяин и обед, –

да мало ли на свете что бывает
в короткую «взаправдашнюю» жизнь...
Ведь не всегда «свезёт», и если дали,
то ты держи ее, дружок,
держишь.

– Граница!
Ранним утром хрипнут звонко
вагонного пространства этажи,
обнюхивая сумки и котомки,
хвостатый пограничник прибежит,
учует разных запахов миазмы –
тягуче-вязких и притворно-тонких,
обнюхав все живое, раз за разом,
пропустит, так и быть, сосисок тазик;
разведав, где вкуснятина лежит,
узнает мирно спящего котенка,
засунет нос во все углы, и только,
у смерти отбирая падежи,
за право жизни каждого ребенка,
он вправе умирать
и вправе
жить.

Видение

Упала ложка...
Зима, быть может.
В краю из множества чайных ложек
и дух – коричный, и воздух – пряный,
в мажоре – утро, в миноре – пряник.
Упала резко и зазвенела...
По камертоновым переделам
шумели волны, бросались прямо
на берег в камни, дробясь упрямо.

Пока молчала – протяжно, долго,
по стенам зябкость сползала, волгла,
из чашки пар поднимался стаяй,
минуты мирно часами стали,
знакомым – профиль под мезонином.
Ночник, оплавленный стеарином,
дрожал за стеклами – обтекаем,
и таял мерно, безмерно таял.

Карминный столик в полосках света
от языковых – огня и лета,
берег в коробке слова и ленты,
подчас – ненужные сантименты.
Тепло вбирали металл и камни.
Надежно срубленные руками
поленья, веру камину дали,
потом обуглились, пеплом стали.

Она молчала. Поэмой Листа
летели звуки на берег мгlistый,
на лица тех, кто просил пощады –
они прощались, но не прощали,
спускаясь, медленно возносились.
Сухие русла воды просили.
Истошным скрипом струна звучала.
На волны падали крики чаек.

Догма

Оглядись, теплокровный, – другие тож,
на полушку посеешь, пожнешь на грош,
травы выше и гуще – богат покос,
где девицы ступали по глади рос –
стерегущих красавиц иная статья,
кинут гребень, не трогай, считай до ста,
отдохнешь от заботы в краю стогов,
солнце высушит омуты берегов.

По русалочьим пяткам – вода, вода,
вдоль дорог не побегать и взять – не дать,
коромыслами ведер не донести,
на покатых плечах – реки нежности,
ты ее не согреешь, хвостом вильнет –
по чешуйчатой коже кусками лед,
уплывет за другими, пойдешь ко дну...
Только Кристиан любит ее – одну.

Всё суета

Всё суета сует – бежим, несемся
сначала взять, потом отдать долги,
над постоянным временно смеемся,
годами некогда взглянуть на солнце,
а все туда же, где не то что зги,
лица не увидеть в толпе прохожих,
несущихся тебе наперерез,
где день грядущий емкость только множит
количеством присутствующих ложек
и молча ест.

Так хочется уютного покоя.
Мир без войны – отечество без бед.
Другая жизнь в изгнании на кой им –
там пригодится каждый, где раскрыт
и где ветла заплачет снова, где
лучится тень и воздух томно мятен,
на форточке зевает белый кот,
асфальта перламутровая мякоть
сползает на обочину под мятлик –
ершистый и зеленый круглый год.

Василёк

С эстонцами жить можно,
они работающие.
Вот у вас настоящее солнце, а у них
ненастоящее – редко выходящее и мало
греющее,
и ласточки на бреющем
чирикают о чем-то своем, хлопочут –
тоже тепла хотят, солнышка чуть-чуть.

Палку в каменистую землю воткнешь, не
растет,
дождь, град ее сечет,
муравей бежит и грызет, червь
сочную мякоть ствола точит,
парша съедает –
трудная доля на плечи эстонцев выпадает.

Грызуны плодятся – падаль по земле
бежит,

серые, юркие то здесь, то там, а то и тут –
зубы острые, лапки цепкие, глазки
во-о-острые,
их утопишь, а они спасут-
ся на острове
Саарема или Аэгвиду,
или том,
который ты имеешь в виду.

А эстонцы песни поют,
хороводы водят,
как раз тогда и там, где солнце заходит.

Подумает эстонец немного, наехав на
камень,
и скажет:
– Василёк, словно небо, хорош.
Да и Бог со всеми ними и нами.

Кадрия Галеева. Остров на озере (Лианозово). 1987 г., холст на картоне, масло

а снаружи меня метель замела все подходы в дом
днем зевая уходит в тень ночью снова приходит сном
учит гаммы долбит бит тащит в мысли металлолом
хлам и в браузер площадей добавляет problem com

только дом не ее мой
мне не страшен сирен вой
добавляю в строку рой
выпускаю пчелу пой
выбегаю на луг в степь
про себя напишу рэп
мне бы солнца воды мне б
сарафана цветной креп

а снаружи меня метель – льдистый остов сухих вьюг
ты однажды мне был тем, кем не станешь уже вдруг.

Зима в волосах нашептала в тебя расстояния
и реки свела к водопадам замерзших имен.

Щедро было небо ко мне и в своих подаяниях
меня отмечало биением сердца вдвоем,
заботилось – внешне прощало любые ошибки,
и знало наврное: время придет налегке,

я вдруг поменяю свой смех на сличение зыбкого –
тебя с этим миром, следами на мокром песке.

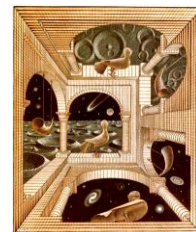
Ветра солнечный бес,
что не знает часов,
в миллиграммах отмеряет счастье.
Мы останки из врозь разошедшихся снов,
мы осколки – от целого части.
Мы одной сигареты упавшая пыль,
мы кометы, сгоревшие в небе,
запах хлеба – один, и испарина слов
в том романе, которого не было.

**Мария Панфилова. Гурзуф. Старые крыши".
2005 г., картон, масло**

ПОЭЗИЯ

Виктор Хатеновский
(Москва)

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мяготь
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тетке,
В прохладный сумрак, в синеву –
Чтоб где то там без слез, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так – было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует – растолстеть,
А он – состариться от скуки.

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбодрил судьбу хлыстом,
Твердой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем осветлив версту,
Батяка в платье черно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью «Трогай!»,
Ради нас – в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином – сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздрогнув, пробует подправить
Сволочной оскал – дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошकारа...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

Передернув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов
Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив кверху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.

Голос, взгляд, походка, жесты –
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнет к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая «Все мы смертны!»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком «Горько!».
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным – страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь – скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

Мгла простерлась над табло,
Подтверждая многократно –
Здесь, бесспорно, не тепло,
Здесь по-взрослому прохладно
В межсезонье. Здесь с утра,
В борозду вгрызаясь просом,
Смерть впускает медсестра
К пехотинцам и к матросам.

Сегодня вновь, как тридцать лет назад,
Мы будем петь дурными голосами
Про черствый хлеб и про вишневый сад,
Про заскорузлый быт в смердящем храме;
Про то, как сброд зажавшихся господ
Златым тельцом раздавлен и разрушен;
Про то, что русский коренной народ
Своей стране давно уже не нужен.

Благодарю Тя, Господи!
Господь, благодарю –
Ее по Красной площади
Не вел я к алтарю,
И радостью, обещанной
В начале всех начал,
Ты с этой дерзкой женщиной
Меня не обвенчал.
Благодарю Тя, Отче наш –
В стране грехов и грез
Все пройдено, все кончено
Без крови и без слез.
Доверившись сну вещему –
Слов попусту не трать...
Пролей на эту женщину
Любовь и благодать!

Маме, Нине Павловне

Сколько непритворных слез,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнес,
Будучи, во-первых –
Хворым, хрупким, щипцевым,
Вздорным... С колыбели –
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!»...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

Сентябрьским днем иль сентябрьской ночью
Не встретившись с дерзкой вакханкой воочью
В бесхозных, в разросшихся зарослях вишен,
Ты сломлен; ты, как террорист, обездвижен.
Ты – жертва, мишень для спецназовской пули...
А впрочем, в Москве, в Катманду, в Ливерпуле
Всем тем, кто безвременьем на кол подсажен,
Восторженный скрежет бессонниц не страшен.

С разнузданной страстью к погромам – не споря,
Жизнь растормошив, ты бросаешься в море
Подследственных чувств. Твои бедра, твой взгляд
С бесстыдством – о ласках земных говорят.

Медведь, впавший в спячку, и тот был разбужен
Твоим восхитительным возгласом: «Нужен
Мне ты!» В Дюссельдорфе, в Атепцево, в Минске
В честь – вздорной любви – расцветутobeliski.

Вдохнув разнузданность бедлама
В кумирню сплетен, склок, интриг,
Премьерша, фея, сволочь, дама
С листа сыграет – Лилю Брик.
Взорвется текст, прогнутся доски;
Вздохматив рифмой канитель,
С разбега вздорный Маяковский
Нырнет в проклятую постель.
Жизнь будет, сдвинув занавески,
Как поезд, мчаться под откос...
Всегда найдется повод веский –
Чтоб в муках корчился Христос.
Спектакль закончится. В буфете
Смыв коньяком подкожный зуд,
Волчицей вскормленные дети
Премьершу – курвой назовут.

Диалог со Смертью

«Эй, юродивый!» – «О! Безносая?
Ты пошто стоишь в стужу босая?
Али ждешь кого? Не меня ли? Ой,
Ты ошиблась, Смерть! Щас черед не мой!

Что ты ластишься, рвань заборная?
Уж давно не лил водку в горло я.
Не пою, не пью – мясо кушаю,
Да из форточки Бога слушаю».

А за стеклами – копоть, смрад и грязь.
Я кричу, задрав морду кверху: «Слазь!
Погляди – с вином, с песней, с плясками
Твой народ, как встарь, кормят сказками.

Погляди, услышь – как на площади
Люд простой орет в небо: "Господи!"
Как в церквах с колен на распятия
Смотрят матери, сестры, братия...

Сколько горечи в тех глазах больных!
Сколько муки там, сколько веры в них!
И под стоны те с четырех сторон
В унисон – шальной колокольный звон.

Но, как встарь, на клич в небо, Господи,
Помоги хоть ты жизнь не скомкати!»
Тишина в ответ, копоть, смрад и грязь,
И плевать Ему что кричу я: «Слазь!»

И с проклятьями да с молитвами
Спим мы сутками, пьем мы литрами,
Век на привязи ходим, бродим мы...
Эй, безносая!..»

– «Что, юродивый?»

В декабре, в одном исподнем,
Мрачным утром – невзначай
Выпорхнув из преисподней –
Вместо спирта в крепкий чай
Ткнула мордой: «Недоносок,
Пей! Расплещешь... Побратим,
Станет гроб из жестких досок
Вечным лежбищем твоим».

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманный страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

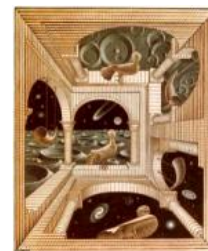

**Кадрия Галеева. Цветущие яблони (Лианозово).
1986 г., картон, темпера**

ПОЭЗИЯ

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

НА ОСТРИЕ БОРЬБЫ МИРОВ

Поэма о единстве граней видимого и невидимого и немного о России

Глава двенадцатая ¹

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Курс на антирай

На этот раз Светоний
членов экспедиции собрал
и новое задание
победителям давал:

– Вас надо срочно
перебросить на Алтай:
с теперешних небес –
в подземный антирай,
где до сих пор живут
жестокие дебилы,
слегка похожие
на рыжих гамадрилов,
с рассудком крохотным,
неизлечимо хилым.
И вашей гильдии
отважной
их злые происки
не страшны.

Теперь перехожу
к моментам
самым важным.

¹ Часть 3. Окончание. Начало: часть 1 – МВ № 3 (21), 2016, часть 2 – МВ № 4 (22), 2016.

После изгнания темных
за предел Земли,
мы наконец-то выйти
на контакт с Люци смогли.
С побегом адских сил
ушло влиянье «фера»,
а имя, избранное
Богом, уцелело.

Для блага Ангела,
попавшего в аферу,
что перво-наперво
вам надо сделать?
Найти утерянный
им в схватке чароит.
Он где-то в подземелье
в чреве идола укрыт.

Еще одно задание
я чуть позже передам,
об узнице, томящейся
в застенках там.

Белая гора. Алтай

Едва прибыв
на нужное им место,
отряды принялись
за план совместный.

К утру разведчики нашли
двух древних дедов,
уж и не чаявших,
что кто-то к ним приедет.

От первого дедка
бойцы узнали,
что в прошлом веке
люди под горой бывали.
Дед долго мысли
по сусекам собирал,
пока с табачной хрипотцой
продребезжал:
— Однажды трое
звероловов смелых
отправились на поиск

счастья к Белой.
Но в подземельях
праведной горы
они нарвались
на двуногих тварей,
как говорят,
живущих там
до сей поры.

Другой весьма
степенный старожил
за так делиться
знаньем не спешил,
и только получив
все, что хотел,
сметливый дедушка
заметно подобрел:
— Слыхал,
была там узница
в какой-то в клетке,
а рядом с нею статуя
из камня, с деткой.
А боле ничего
я не слыхал.

Цель найдена

Когда нашли
забытых сатаной зверюг,
взялись их уморить,
как морит химик мух:
чтоб разом, навсегда
и не марая рук.

— Едва наука сплющит их
двухмерностью,
мы «антизлом»
их обдадим для верности, —
озвучил Виктор действия бойцов,
усиленных отрядами спецов.

А перед тем бригада
умников — Лобастых,
на быстрые решенья,
как никто, гораздых,
прорезав лазерным лучом

все бугорки горы,
расшифровала
скрытый смысл
сигналов из норы.

Затем их командир,
известный всем как Прог,
из-за того, что он
прогнозов – царь и бог,
на четких снимках
с разрешением высоким
легко развязывал узлы
чужой мороки:

– Здесь очевиден
общий замысел врагов.
Вот все двенадцать
симметричных очагов,
укрывшие всеобщей
сетью шар земной,
разбросанных
от каждой вредной
базы – до другой,
на удивление
равномерно,
с расчетом
градус в градус верным.

Глава тринадцатая

ПОРЯДОК ИЛИ ХАОС

**Наука – это вам не фунт изюма.
Наука – власть страстей разумных.**

Раскинув сеть злодейских
центров *энтропии*,²
чертяки верили,
что жизнь землян
сгубили.

Тут я должна в технические
дебри отступить
и худо ль бедно
где-то, что-то, как-то прояснить.

Для обывателя скорее
прозвучат как каламбур,
ну, скажем,
вот такие утвержденья:

«Устойчивый Порядок атомов
ячеистых структур»
еще и «с кодом матрицы
к самовосстановленью».

² Энтропия – здесь: мера неупорядоченности, хаотичности.

Понять все это вот –
не хватит мне терпенья.
И чтоб умом гуманитария
не повредиться,
я лучше академику
дам слово объясниться.

А Герман на вопросы
отвечать всегда был рад,
собрав коллег – ученых
и бойцов отряд.

Он выбрал одноклеточных
в пример для пояснения,
легко доступный
всякому уму для усвоения:
– Порядок четкого
восстановления
живой структуры
мы можем видеть,
размешав
хламид-монад культуру
вот в этой старой ванночке
для проявления фото.
Смотрите! Как хламидам
тут же позарез охота
вновь перестроиться
в ячеистую сеть,
чтоб свой рисунок
древовидный
вновь иметь!

– Какая-то фитюлька,
клеточка, заметь,
прекрасно знает, как ей
и куда сместиться,
чтоб всей ватагой
в строй Порядка
возвратиться, –
заметил молодой
помощник Германа Вадим, –
и кварк, и атом прост,
когда пример так зрим.

В конце опять
поднялся с места Виктор,

умевший говорить
свободно, словно диктор:
– Мы с вами здесь,
чтоб у народов был
покой и мир.
Перерубив узлы
подземных неполадок,
к утру мы возвратим
природе власть Порядка.

Дела закончены, пора домой

Пока одни вносили
опыт наблюдений
в нутро планшетов
для грядущих поколений,
другие паковали багажи
и всеми фибрами души
мечтали поскорей
отправиться
в обратный путь
и с близкими
в тепле домашнем
отдохнуть.

Акулы пера

На фоне славных
настроений чемоданных
хозяевам пришлось
встречать гостей незваных,
а именно: двух
репортеров-папарацци.
Пройти меж гор,
что проскочить
в игольное ушко,
настолько
в самом деле нелегко
обычным людям
было к ним пробраться.
Однако ради
сногшибательных
сенсаций,
акулы журналистского пера
готовы даже

в брюхе черта оказаться,
чтоб заявить:

«Мы первые, ура!»

**«Сёрпрайз»
всемирного масштаба**

Прорвавшиеся в лагерь
папарацци
внесли с собой потоки
информации.
Про то, что все
агентства новостей,
используя
любой контакт сетей,
настойчиво трезвонили
по всей земле о чуде:
как некогда пропавшие
с концами люди
вернулись, и притом
все как один живехоньки
и в том же возрасте,
бодры и здоровехоньки.

Вначале человечество
обрадовалось очень.
И эту новость обсуждали
днем и ночью.
Народ муссировал
любой курьезный случай:
то про юнца – дедулю,
лысых внуков круче,
то про столетнюю
девчонку хохотушку,
на деле – семилетнюю
резвушку.

Они явились, как мальки,
огромным косяком
во всех земных широтах,
будто снежный ком,
из самых разных лет,
столетий и эпох,
в конце концов вогнав
весь мир в переполох.

К примеру, целый полк
пришел толпою,
прожив незнамо где
почти столетний век, –
ужели там не шел
ни дождь, ни град, ни снег? –
а вот теперь идут себе гурьбою,
в мундирах прошлого,
с бравадой молодую.
А в том полку –
четыре тысячи бойцов,
любимых кем-то
братьев, внуков и отцов,
из новобранцев иль героев,
изъятых с фронта
первой мировой
какой-то волей неземной,
в ...15-м году, в разгаре боя.

Газетчики, окончив быль,
похожую на басни,
просили разъяснить
природу катавасий,
желая выдать интервью
на несколько полос.
И оттого их просьба
походила на допрос,
как говорят у оперов,
с пристрастием.

Глава четырнадцатая

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Итак: куда и отчего?

У академика ответ был,
как всегда, готов
и для любого члена
экспедиции не нов:
– Суть сложности
столь важного предмета
как минимум
предполагает два ответа
на два первейшей
важности вопроса,
которые раскроют
все курьезы.

1. Куда все то,
что вдруг исчезло,
попадало?
2. И отчего лик человека
не меняло
и даже цвет одежды
сохраняло?

Итак: куда и отчего?
Тут мое мнение таково:
Пропавших уносило
в Абсолютное Ничто,
в котором измениться
не способен
в принципе никто.
Поскольку, продолжая
там существовать,
*прибывший обречен
не жить, не умирать.*
Застывшими навек
константами владея,
он сохраняется,
не старясь и не молодея,
идет ли речь о русском,
немце, негре иль еврее,
страна и нация
значенья не имеет.

– Похоже на консервы
долгого хранения, –
промолвил младший
папарацци с одобрением.

Его товарищ,
перебив восторги первого,
усиленно наморщив лоб,
спросил у Германа:
– Скажите, академик,
вам известно, что за сила
людей отправила в Ничто,
а после отпустила?
Ведь тем, кто не нашел родни,
не до курьезов,
для них порядок жизни
нынешний земной,
без новых знаний
и без крыш над головой,
явился, без привычки,
испытанием серьезным.
И что для этой силы грозной
служило точкой отправной?

– А просто после
поражения в Астрале,
когда магистры
сатанинские сбежали,
и под горою Белой
был Порядок наведен,
исчез и механизм
влиянья вредных зон.
И сразу перестала
действовать та сила,
которая в Ничто
попавших в эти зоны
уносила.
Теперь представь,
как эта сила,
все унесенное
в одну дыру вместила
давлением пружины
крепкой очень,
к тому же сжатой
этой силой мощно.
Когда же сила

непомерная исчезла,
став для пружины
бесполезной,
она тотчас же
распрямилась
что есть мочи
и выплюнула из Ничто
людей, суда и прочее,
по траектории
уже известной,
точнехонько вернув их
в то же место,
туда, где были они до –
до попадания в Ничто.
И так же лодка с рыбаком,
как некогда, плыла,
и полная свежайшей
рыбы сеть его была...

– Так вот в чем состоял
ваш опыт действий смелый! –
воскликнул острослов пера,
постигнув дело. –
Рыбак вернулся,
как огурчик с грядки,
целым!

– Не просто опыт, тут расчет
Ньютоновых наук, –
припомнив краткий
школьный курс,
заметил старший друг.
– Я думаю, в ответ
на равное по силе
злое действие, –
явилась сила
доброго противодействия.

Глава пятнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поверь, и сбудутся прогнозы

Когда из экспедиции
муж прибыл наконец,
испив до дна отраду
первой бурной встречи,
он, пробездельничав
весь следующий вечер,
сказал жене Татьяне,
словно любящий отец
(так повелось у них
с тех пор, как свел венец):
– Ведь даже если б
на губах твоих была печать,
твой любопытный нос
ничем мне не сдержать.
Давай свои вопросы,
буду отвечать.
Но только спрашивай
короче и по делу.
Благое время
всем все знать
не подоспело.

– Да брось, ведь я задам
вполне конкретные вопросы,
мне многое известно,
но хотелось бы прогнозов.
Но прежде мне ответь,
что с камнем чароитом?
Вам удалось его
из Гуань-инь достать,
зачем-то под горой укрытой?

– Конечно. Мы его уже
успели передать.
Светоний переслал,
как обещал, заранее
координаты передачи
тайны каменной.

В пустыне Каракумы
под покровом ночи
с небес на землю
плавню опустил ковш
в огранке звезд,
от коих глаз не отведешь.

– И значит, чароит
был возвращен Люци?!

– Когда в ту ночь,
черневшую, как антрацит,
мы меж барханов
положили в ковш
заветный камень,
довольный лик Светония
на миг проплыл над нами.

– Витюш, какие же
вы с Герой молодцы!
Не спорь!
Вы – самые
достойные бойцы!
А что с той
скованной цепями
пленной девой,
со слов парней,
неописуемой красы?
Куда доставили
вы чью-то королеву,
похожую
на первоцвет Весны?

– Мы сразу отпустили
пленницу земную,
как оказалось,
каждому из нас –
родную.

– Вот это да! Так
кем она для нас была?
И для чего в застенках
боль страдания несла?
Понятно, коль родня,
так уж не чужестранка.
Спустилась к нам с Луны?

А может, марсианка?

– Душой России
в самом деле
пленница была.

– Однако, Вить,
ну извини,
ведь это ерунда!
Душа России злою силой
в клетке заперта?!
Для светлых душ
открыты все врата!

– Бывает, в мире духов
происходит и такое.
Не раз сражалась
с нечистью Святая рать,
и мы не в праве битв
небесных забывать.
Задолго до победного
в Астрале боя
народ Земли был
одурманен Сатаной.

И только Русь Святая
веру предков берегла
и под пята поклонников
мамона не легла.
Русь отличала дар любви
от обещаний шатких,
к тому ж она сильнее других
была в кровавых схватках.

Тогда коварные враги
решили Русь осилить
пленением самой
Души России.
Лишь этот путь способен
русских победить –
без вольницы Души
народ не сможет жить.
В силках
невидимого зла
Душа России
терпеливо боль несла.

– Витюш, мне кажется,
я что-то поняла.
Душа народа
боль его страданий
на себя взяла,
как это сделал для людей
Иисус Христос.
Но отчего-то
мир духовный не возрос?

– Ты, как всегда,
торопишь мысль,
впав в стиль
высокопарный.
А я ведь даже не успел
сказать двух слов о главном,
а о деталях
бесконечно важных
и подавно.

Эра Водолея

Как только злые сети
одеяний с Нее спали,
Душа России
к Демиургу русских
поднялась.
А перед Русью
новые задачи встали,
поскольку эра Водолея
началась.
И русским по душе
его взрывная власть.
Уран – реактор Водолея,
по всем канонам
он к прорывам
мысли тяготеет,

а также ключик
к подсознанию имеет,
где в сундуках скопилась
творческая страсть.

– Витюш, ужели времена
для процветания
Руси настали?
И мы не зря –
всем непонятный –
русский путь искали?

– Коль русские –
горнисты эры Водолея,
то и обязаны
нести Его прогресс.
Народ Руси всегда
имел к загадкам интерес
и, в поиске ответов к ним,
добрался до небес.
Однако творчески
достойную идею
не воплотит сидящий
на печи балбес.
Окончилась пора
«авосевых» чудес.
С эпохой Рыб ушла
и рыбка золотая,
и щучьего веления
услуга дармовая.
Россию ждет
натуга трудовая
в саду идей –
от края и до края,
которыми снабдит
Россию Водолей.
И станет щедрым
урожай с его полей.

Эпилог

Уйдут в небытие
Геракл, Одиссей и Троя,
и будет новый эпос,
и иных побед герои.
Они скользнут за грани
неба голубого,
раскрыв наукой
тайны мира огневого.
И победит
в конце концов
ПРОГРЕСС –
технический, духовный
и ментальный,
притом минуя уровень
астральный.
А там недалеко
и до иных чудес,
укрытых тонкою
невидимой материей,
что бьется в нас
с надеждой и доверием.

Игорь Бурдонов. Синяя деревня. 2015 г., бумага, акварель

ЗООКОМУНАЛКА

Микаел Абаджянц

(МОССАЛИТ, Москва)

СОБАКИ

Щенки Маруш родились в лютую зимнюю стужу.

Было что-то почти человеческое в том, как она ткнулась в плотную щель между обледелым косяком и дверью. Дверь не поддавалась. Маруш потянула воздух, чистый, морозный, но все-таки чуть более теплый, чем тот, что за углом дома, где нещадно задувало, где даже снег не удерживался на мерзлой земле. Она чуяла мальчика, прижавшегося к двери. Мальчик был с той стороны, где уютно потрескивала старыми досками и сухим кизяком железная печка, где на стенах дрожали теплые красные блики, где пахло близким хлебом и овечьими полушубками, где в воздухе была разлита нега, а по стеклу оконному, сочащемуся бледным серым светом, крупными прозрачными слезами катился стынувший пар. Была бы воля мальчика, он распахнул бы эту обитую войлоком дверь и вместе с седыми морозными струями впустил Маруш. Сухой колючий снег от жара печурки растопился бы в густой собачьей шерсти, свалывшейся в колтуны, с застрявшим в ней еще с осени репейником, и к прочим запахам примешался бы крепкий родной запах мокрой псины. Но отец не позволял: негоже, мол, собаке ночевать с хозяевами, пускай дом охраняет. И мальчику дом их стал казаться маленькой точкой, затерянной среди пустынных гор и снежного неба, крошечным бледным огоньком в необитаемой белой пустыне. Не было там никого. Сухой стебель чертополоха гнулся к обледелой земле и почему-то не ломался, да змеилась, завиваясь в кольца, позёмка. Там осталась только Маруш.

Весной, когда у всякой дикой твари начинался гон и открывался сезон охоты, тело Маруш было глухо к могучему зову природы. Оно было немо, как бесплодная скала среди зеленеющих склонов. И только поздней хмурой осенью живущее в непостижимом ритме тело ее просыпалось: Маруш делалась беспокойной и, когда подходил срок, трусила, ведомая непреодолимой силой, к соседнему подворью.

Гело – хозяином его был Або – огромный, серый с тигровинами, почти всю свою жизнь просидел в конуре, выставив из квадратной полутьмы морду, всю испещренную шрамами – следами прежних жестоких битв. На теле у него, наверное, тоже были шрамы, но они не были видны под косматой шерстью. Он тоскливыми собачьими глазами смотрел в беспредельную синюю даль, выходил из своей конуры редко, а когда к дому неуверенно приближался незнакомец, он, звеня цепью, взлаивал, как-то редко, словно через раз, и щерился, показывая желтые стершиеся клыки. Бессильный голос его замирал шагах в десяти, и ему не вторило эхо. То ли дело, когда гроыхало ружье его хозяина – эхо, точно хлопанье крыльев вспугнутой птицы, плутало среди диких скал, возвращалось и вновь удалялось. Еще Гело выходил из своей конуры, когда в его некогда эмалированную, а теперь облупленную миску, прохудившуюся на самом дне, наливали чуть теплую похлебку, сваренную на муке пшеничной вперемешку с ячменной. Гело быстро съедал то, что было в миске, вылизывал прохудившееся дно, опрокидывал миску и пытался слизать с земли ту малость, что успела вытечь из крохотной дырки. Иногда к нему

прибегала Маруш, тогда он тоже вылезал из конуры, всматривался, радостно повизгивая, в пеструю, быстро увеличивавшуюся точку. Маруш он чуял издалека. Она подбегала к частой изгороди, пролезала под ней и оказывалась рядом с Гело. Тут-то и происходило недолгое и неистовое неприкрытое собачье бесстыдство.

Маруш должна была щениться ночью. Ветер усилился. Она все еще сидела у запертой двери, тихонько поскуливая. Дверь была некрашеной, темной, с низкой притолокой, точно ставил ее под свой рост пигмей. Там, где должна была быть дверная ручка, на двух звеньях цепи висело ржавое, покрытое изморозью кольцо. Место это на двери, захватанное тысячью грязных рук, выделялось огромным черным сальным пятном, а ниже видны были глубокие светлые борозды от собачьих когтей. Маруш весь день отказывалась от еды, ей сейчас нужно было только тепло, но дверь оставалась немой и глухой к бессловесной собачьей жалобе. В воздухе параллельно земле летела колкая снежная крупа, точно на близком белесом небе пилили ледяные бревна. Начиналась метель. Наконец какой-то полузабытый древний волчий инстинкт заставил Маруш подняться и бежать от человеческого жилья навстречу метели, навстречу гаснущей белой полумгле.

Это был старый пустующий хлев. Ветер сюда не проникал. Почти стемнело. Маруш двинулась вдоль выщербленной стены, минуя старые разбитые ясли, дырявые ржавые корыта, уткнулась в холодный бетонный угол. Повернувшись, побежала назад – под лапами зашуршал старый, высохший, спрессованный тяжелыми копытами навоз. Здесь было тепло и уютно. Маруш начала рыть. Навоз под натиском крепких когтей рассыпался. Наконец показалась земля. Она легла в вырытую яму и стала ждать.

Ветер набрал мощь. С неживой слепой яростью он полировал мертвые ледяные склоны гор, срывался в долину, с какой-то особой злобой бился в каменную стену старого хлева, громыхал на его крыше рваной жестью и протяжно, обиженно стонал, запутавшись в оборванных проводах. Вдруг в вой ветра вплелось звучание новое, точно тонкая серебряная струна зазвенела в его объятиях. Первый щенок родился. Он не слышал, как громыхает ржавое железо на чердаке, не видел, как растет за стеной сугроб. Он был еще глух и слеп. Для него существовала пока только его старая мать. Он чувствовал только ее горячие сморщенные живительные сосцы и язык, влажный и шершавый.

Маруш поднял на ноги голод. В черное обширное нутро ее логова проник яркий, полный жизни луч, и вместе с ним явился голод, острый и беспощадный.

Небо было высоким, синим и холодным. Где-то в недостижимой высоте угадывались облачка, редкие, легкие как перышки. Дали были голубыми и широкими, и даже горы, сиявшие бледным огнем, не могли заполнить бесконечного пространства. Слышно и видно было далеко. От человеческого жилья поднимались толстые белые столбы дыма. Было безветренно, но безупречное собачье чутье выхватывало из морозного воздуха еле слышные запахи свежесчищенного хлева, парного молока и только что испеченного лаваша. Голод подтолкнул собаку, и она затрусила навстречу запахам.

Маруш чуяла неладное. Слепящая снежная гладь была порушена. Следы, глубокие, тяжелые, пахнущие кирзой и теплым навозом, с застрявшей в них темной, словно бы нечистой тенью вели к старому хлеву. Но и самый сумрак его, казалось, был потревожен чьим-то недавним кратковременным присутствием. Тишина наводнялась не таким многоголосым, как раньше, бессильным младенческим стоном, и даже движение в теплом сумрачном углу казалось не таким густым, как прежде.

Маруш чувствовала, что произошло что-то, она обнюхала щенков. Пахли они не так. Здесь был Хозяин. Они пахли хозяином и дымом вонючей сигареты. Наконец сочетание знакомых запахов успокоило ее. Она улеглась, и щенки замолчали, насыщаясь.

Ах, Маруш! Хорошо, что ты не стала свидетелем человеческой предусмотрительности и безразличной неразборчивости. Хорошо, что в твоих темных глазах не отразился огонек куцего

окурка, воткнутого в середину изборожденного морщинами землистого лица. Хорошо, что ты не видела, как заскорузлая сила с толстыми ногтями и загнанной под эти ногти на невероятную глубину грязью подносила твоих щенков к изучающе разгорающемуся окурку, к морщинам, которые начинали шевелиться, приводимые в движение мыслями медлительными и тяжелыми. А толстые обветренные губы облекали их в слова, понятные только такой же заскорузлой душе, и огонек сигареты начинал плясать во тьме. Губы все шептали и шептали о том, что столько собак в доме не нужно, что нужно оставить лишь самых больших и крепких, потому что молока у матери на всех не хватит, да и все это – едоки в будущем, а чем их меньше, тем лучше... Щенки твои летели в холодное жестяное ведро с водой, только что зачерпнутой из речки, стон их гас в ледяной воде, тельца содрогались, отдавая ей жизнь, и окурок, разбрасывая искры, тоже отправился в ведро, возмущенно и коротко зашипев. Вода же, чуть теплая, прозрачная, выплеснута стыть в сугроб за старым хлевом, и тельца щенков твоих к вечеру растащат лисы и одичалые кошки.

Мир казался Арчо только черным и белым. Казалось, все на свете соткано из света и тени. Тень была холодной на ощупь и рождалась от непреодолимого, замкнутого и мертвого, а свет был теплым, живым и струился из дали, влекущей и бесконечной. Именно оттуда, где было большое, светлое до ослепительной яркости пятно, появлялась мать. Пахло от нее теплом и молоком. С ней приходило ощущение силы, уверенности и защищенности. Но так было недолго. То ли младенческая память Арчо не могла удержать однообразной бесконечности зимних дней и ночей, то ли действительно зима кончилась скоро, но мир распахнулся вдруг, огромный и радостный, светлый и бездонный.

Все вокруг оттаивало, начинало дымиться, пригретое солнцем, и вместе с тем источать запахи разнообразные и яркие. А мир был вовсе не черный и не слепяще белый. Он был мягкий, ласковый, искрящийся в талой воде, веселый и смеющийся. Казалось, его братья чувствовали то же, что и он. И они радовались вместе, проводя время в бесконечных щенячьих играх. С каждым новым днем мир загорался все более яркими и разнообразными красками, и впервые мать, жмурившаяся от яркого света, истощенная, с выпавшей на тощих ребрах от весенней линьки шерстью, со сморщенными пустыми сосцами, болтающимися безобразно от каждого движения, показалась Арчо жалкой и старой. Она больше не помахивала благодушно хвостом, когда Арчо пытался ткнуться в сухие сосцы, рычала, обнажая стертые желтые клыки, и дыхание ее было тяжелым, зловонным.

В жизнь Арчо теперь уверенно входил человек, предлагая ему, как и всем тысячам собак до того, чуть теплую мучную похлебку. Арчо ее принимал безоговорочно, не ропща и не раздумывая. Он безраздельно отдавался скудной человеческой ласке и возвращал ее сторицей. А могло бы все быть иначе, когда человек, повстречав собаку, не дикую и не ручную, поднял бы камень и, выбив ребро в ее боку, заставил бы бежать прочь от своего жилища. Думается, так лучше было бы для обоих. И тогда, встречая человека, собака бы пряталась, как и всякий зверь, полыхнув, исчезая в траве, зеленым огнем пары ненавидящих глаз. И вольная и гордая жизнь парии оборвалась бы между горами и бесконечным голубым небом, а не у человеческого порога, на цепи, близ смрадного темного лаза в конуру. Прости, Арчо, что в похлебку твою пресную я роняю слезу тяжелую и, как отраву, горькую, прости...

Более всего Арчо привязался к мальчику. Утром рано, когда рассвет еще только брезжил, Арчо сидел у невысокой темной двери и поджидал его. Наконец дверь открывалась, выпустив из дома мальчика с толикой сонного человеческого тепла, которое тут же исчезало, как облачко пара, в холодном утреннем воздухе. После короткого, но бурного приветствия они двигались вместе к хлеву, где скотина, уже почуяв человека, призывно мычала и била копытом в деревянные перегородки. Арчо любил утреннюю суматоху хлева. Ему нравился лязг ведра под коровьим выменем, нравился звон тонких струй об эмалированную поверхность, нравился даже скрежет о бетон лопаты, сгребавшей навоз. Нравился Арчо и дух хлева, в котором были

понамешаны терпкие запахи свежего навоза, сена и соломы, ароматы парного молока и летнего холодного горного утра. Вместе с мальчиком он выгонял скот на водопой к речке, ждал, вслушиваясь в журчание воды, когда коровы напьются, а потом гнал с мальчиком маленькое стадо наверх, где первые розовые лучи уже касались каменистых вершин. Они все поднимались и поднимались, солнце их встречало теплом и негой, сверкавшая в траве роса быстро испарялась, воздух насыщался щебетом и стрекотом согревшейся живности, а внизу, во все еще густой тени, подернутой светлой туманной полудымкой, лежали хлев, дом, а дальше были видны сонные домики их деревеньки.

В полдень желтый и знойный, когда в траве унимались кузнечики и певчие пташки в небе, а скотина ложилась передохнуть в тень под скалою, мальчик разворачивал на горячем камне белое полотенце и делился с Арчо куском сыра, завернутого в тонкий лаваш. Арчо принимал свою долю благодарно, с достоинством, как равный. А кругом, кроме гор, никого и ничего не было. И казалось, что не горы это были вовсе, а какая-то ужасная неодушевленная сила, помогавшая земной тверди достичь высокого неба. Но даже ей задача эта была не по силам, и она застыла в изнеможении в прекрасном порыве, на полпути к холодной синеве, покрытая каменным потом. И когда на нее падали с неба быстро бегущие тени, чудилось, что по напряженному лику земли ходят могучие желваки. Наверное, именно от близости этой чудовищной неживой силы души мальчика и собаки тянулись друг к другу с особой настойчивостью и жадностью, алкая общения и находя его.

Вечер подкрадывался тихий и нежный. Синева неба меркла, насыщаясь предзакатным золотом. Стадо, лениво мычащее, сытое, спускалось во мрак долины, и вскоре там, где было солнце, оставались лишь тени, вязкие и черные. Еще один день кончался, ласковый и безмятежный, чтобы завтра повториться снова. А лето тянулось долгое, и казалось, конца ему не будет.

Лето кончилось внезапно. В зарядивших дождях, в собранных под навесы стогах сена, в холодных до дрожи ночах чувствовалось дыхание осени. Единственную грунтовую дорогу безнадежно размывало, но именно по ней, расплескав по обочинам жидкую грязь, в деревню въехал серый от налипшей грязи «запорожец». Протарахтел по короткой улице и остановился на отшибе, у дома, в котором жил с семьей Або. Хозяин принял гостей радушно, их было трое: два молодых парня и бородатый мужик. Из багажника они достали и внесли в дом объемистые рюкзаки и зачехленные ружья. Охотники, стало быть. А на цепи надрывался, против обыкновения, Гело. Або зарезал барана, и за мутно-желтыми окнами началась самая обыкновенная, зауряднейшая попойка, ничем не примечательная, разве что только тем, что кончилась она плохо.

Тот, бородатый, хвастуном, наверное, был или тщеславным не в меру. Рассказывая о своих охотничьих подвигах, врал безбожно. Фантазия его, пьяная, воспаленная, снабжала истории, произошедшие, наверное, и не с ним даже, подробностями совершенно невероятными. Ну и Або злился. Это отец мальчика потом рассказывал. Бородатый, видимо, чувствовал, что Або злится, и привирал пуще прежнего: мол, лет эдак пять назад в здешних горах барса убил. Убил не как-нибудь там из ружья, а ножом в схватке с ним. Конечно, врал бородатый, не было здесь никогда барсов. Волки и те лет двадцать как перевелись. Последнего еще в колхозные времена пристрелили. Есть, конечно, дичь – зайцы, лисы, а барсов нет и не было никогда. Не смог Або стерпеть, как юнцы эти, что с бородатым были, рты поразевали. Ну и сказал ему, мол, врет он все, и с барсом ему не справиться, да где там с барсом, с псом его цепным и то не сладить. Бородатый от злости побагровел, глаза его от выпитого кровью налились. Веди, говорит, меня во двор к псу своему. Все перепугались, что случится что-нибудь ужасное, и принялись уговаривать и уламливать его, жена Або – в крик, детьми заклинала, не надо, мол. Но Або тоже уперся: говорит, проучить его надо.

Ночь оказалась звездной, ясной, первый морозец лужи ледком затянул. Пьяная толпа, разгоряченная, вывалила во двор. Кто-то все еще увещевал обоих. Спросонья Гело лаял как-то

совсем тихо и хрипло. Вспыхнул яркий, злобный свет от двух круглых фар. Это бородатый их включил, чтобы всем видно было. Або долго возился с ошейником – карабин на нем от старости заржавел. В руке бородатый держал нож, широкий, блестящий. Наконец Або снял с Гело ошейник, и мальчику в неверном свете показалось, что на том месте, где к шее прилегала жесткая, почерневшая от времени кожа, шерсть совершенно стерлась, и шея Гело оттого была тонкой-тонкой. Тут отец заметил его. Мальчик спать не ложился, ждал его и, слышав пьяную возню, выбежал из дома. Отец зол был, сказал, чтоб забирал щенка своего и ступал домой спать. Но мальчик спать не лег и стоял у двери и слушал, ведь окно выходило на другую сторону. Он слышал хриплый лай Гело, слышал, как Або его науськивал на бородатого. Потом все как-то возбужденно загалдели. Послышался треск раздираемой ткани и собачий визг. А еще позже – выстрел, короткий и хлесткий. И впервые за последние годы голос Гело достиг, смешавшись с ружейным грохотом, гор, самых тайных их уголков, и вернулся к людям протяжным стоном, гласом самой поруганной верности, отданной чужакам на потеху. Все равно бы он до утра не дожил, – это отец мальчику потом сказал...

Погода установилась ясная, холодная, звонкая. С восходом в лужах начинал потрескивать лед, чертополох и репейник загорались алмазным огнем от тающей изморози, а в светлом небе утренняя, словно бы заснеженная, медленно растворялась луна.

Выходить мальчику не хотелось. Ему было холодно. Холодно от своей неустроенности, оттого, что каждый мог войти в его жизнь с ружьем, ножом или даже просто с пачкой грязных и засаленных купюр, все в ней перевернуть и надо всем надругаться. Маруш выла за окном горестно и тяжко, низко и всепроникающе. Отец, обычно угрюмый, был сегодня ласковый и даже немного виноватый. Он говорил много, пытаясь заполнить пропасть, разверзшуюся между ними, и, когда слова его кончались, в темноте вновь звучал жуткий голос Маруш. Они оба прекрасно знали, отчего она воет. Но отец делал вид, что не понимал этого, будто не видел, что она сидит у пустой конуры, возле ржавой, вмерзшей в землю цепи. Он говорил и говорил, точно чего-то боялся. Он говорил, что собака воет к беде, что десять лет назад их прежняя собака выла так же, как и эта. Жена его, мать мальчика, была больна тогда. А дед, ныне покойный, пошел пристрелить собаку. Но дрожала уже тогда рука его. Он стрелял, а собака все выла, выла, выла...

Умерла мать его. Даже врачи не знали от чего. Вот и теперь то же. Но, видимо, плохо зарубцевавшаяся, кровоточащая совесть все-таки была в нем сильнее предрассудков. Он сидел, протянув руки к железной печке, не глядя на сына, и, когда вновь начинал говорить, окурок плясал в его губах. Морщины на лбу его то разглаживались, то вновь собирались в глубокие складки от ходивших под ним мыслей. А он все говорил и говорил что-то бессвязное, стараясь то ли затупить свои мысли, то ли обмануть самого себя. Он повторял, что боится, как бы собака не накликала на дом беду. Но он обманывал себя и знал это. Беда уже пришла. Она уже давно сидела у горячей печки, протягивала свои костлявые руки к огню и не могла согреться. Она пришла к ним вместе с тем бородатым, уверенным и грубым, предложившим за щенка деньги. И отец отказать не смог. Мальчик презирал его, презирал тот алчный огонь в его глазах, который затмил даже злой блеск ножа, что вертел в руке бородатый. Отец продал Арчо. Продал, ведь за те деньги, что бородатый давал, годовалую телку купить можно было...

ЗООКОМУНАЛКА

Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)

КОШКА НА ОКОШКЕ

Дремлет кошка на окошке.
Кошке холодно немножко,
Стынют ножки, зябнут ушки,
Мерзнет носик на подушке.

Не спасает шубка кошку,
Если дует из окошка.
Мы потрудимся немножко,
Чтоб согреть у кошки ножки.

Щель заткнем мы старой майкой.
Все обклеим теплой байкой.
Кофтой обернем подушку,
Чтоб согреть кошачьи ушки.

Вот теперь приятно кошке
Спать, свернувшись на окошке!

КОШКИ

А у кошки есть ладошки!
Это ручки, а не ножки!
Есть животик, спинка, ушки,
Носик, спящий на подушке.

А еще пушистый хвост,
Несмотря на малый рост, –
Помогает прыгать кошке
На высокие окошки.

Язычком шершавым, жестким
Кошка счесывает шерстку.
О порожек когти точит,
И все время кушать хочет!

Кошек рыжих, полосатых,
Черных, гладких и усатых,
Любим, словно малых деток.
Держим их совсем без клеток.

Озорно играют в прятки
Эти милые котятки.
Словно дочки и сыночки,
Наши теплые комочки!

ПРОПАЖА

В одной двухкомнатной московской квартире жила обычная семья. Состояла семья из пяти душ. Папа, мама, девочка Настя, ее младшая сестренка Ксюша и кот Веник.

Насте было семь лет, и она успешно оканчивала первый класс. Девочка ощущала себя взрослой и поэтому свою трехлетнюю сестру Ксюшу по праву считала малявкой. Хотя это не мешало первокласснице играть с куклами и мягкими игрушками в свободное от уроков время.

Кот Веник получил свое имя благодаря пушистой, как облако, дымчатой шерстке, постоянно собирающей пыль по всей квартире. Даже на усах у кота висели комочки чего-то

серого. Нет, вы не подумайте, что мама девочек была неряхой и плохо делала уборку! Она очень хорошо следила за домом. Просто Веник, а полное имя кота было Вениамин, ухитрялся находить в квартире такие потаенные и непролазные местечки, в которые сам непонятно каким чудом пролезал. И именно там, как настоящий пылесос, он сметал своими боками всё накопившееся безобразие. Так что вполне можно было сказать, что Венька помогал маме с уборкой.

Кот был Настиним ровесником. В тот месяц, когда она родилась, друзья родителей принесли в дом маленького пушистого котенка – на счастье. Оба ребенка росли вместе, но в семь лет Анастасия была первоклассницей, а Вениамин взрослым кото-дядей. Семь лет для кота солидный возраст. Это лет сорок пять по человеческим меркам. Теперь вам будет понятно, почему котяра считал себя старшим и опекал Настю. А вообще-то неизвестно, кем он себя возомнил. Может, этот пушистик принимал девочку за своего котенка? Во всяком случае, Веник очень любил ее и везде ходил за Настеной самым настоящим хвостиком. Куда она – туда и кот.

А что же вторая сестра, спросите вы. А вот что: Ксюшу Венька не воспринимал всерьез, так, мышь какая-то. Поэтому гонял малышку, цепляя когтями за пятки, и все Ксюшины носки были в дырках. Мама замучилась покупать ей новые. А добрая девочка не обижалась на кота-проказника. Она громко хохотала, убегая от цапучих лап преследователя. А спустя минуту они оба уже бежали в другом направлении. Ксюха сломя голову гналась за Веником, чтобы схватить, запеленать, покормить из игрушечной бутылочки, а потом уложить спать в кукольную кровать. Кот с таким планом никогда не соглашался, поэтому носился по всему дому и прятался от приставучей малявки в тех самых, укромно-пыльных уголках.

Вечером всё в доме стихало, девочки отправлялись спать. Между кроватками стояло мягкое кресло, служившее коту уютным гнездышком. Настя много раз пыталась затащить любимого зверя в кровать, но Венька упрямо упирался и возвращался на свое излюбленное место. Он, видимо, считал, что только там ему будут сниться хорошие сны. Ксюша же никогда не пыталась уложить к себе Веника, потому что у нее было с кем обниматься. Малышка каждый вечер затаскивала в постель кого-нибудь из плюшевых друзей. То медведя, то зайку, а иногда даже большую куклу, которая к утру обычно падала на пол.

Однажды в теплое и солнечное субботнее утро Настя проснулась в предвкушении праздника. В этот день ей исполнялось восемь лет. Смолотив вкусный завтрак, девочка услышала звонок и помчалась открывать дверь.

– Бабушка приехала! – обрадовалась Настя.

После того как все наобнимались и нацеловались, имениннице вручили подарки. Подарки были лучшие на свете! Папа подарил дочке музыкальный центр и набор дисков с любимой Настиной музыкой. Мама – нарядное платье и туфельки. Ксюша нарисовала сестре яркую картинку. А бабушка подарила внучке большого плюшевого медведя.

– Ну Настя ведь у нас взрослая, – засмеялся папа, – какие уж теперь игрушки?

– Ничего, пусть девочка еще немного поиграет, – улыбнулась бабушка.

А Настя была счастлива. Она немедленно отнесла мишку в комнату и усадила на подушку. Веник на нового жильца отреагировал настороженно. Невероятно медленно подобравшись к игрушке, на всякий случай обгудел, обшипел и даже плюнул в медведя, после чего быстро налупил плюшевую мордочку лапой. Медведь не обиделся, и Веник с торжественным видом победителя удалился в свое кресло, посчитав себя вполне отомщенным, но на всякий случай весь день поглядывал на врага с презрением и брезгливостью.

Младшая сестренка, наоборот, пришла в восторг от Настиного медведя, ведь он был почти одного роста с Ксюшей. Девочка тихонько попыталась утащить игрушку к себе, но мама строгим взглядом остановила дочь.

– Ксюша, так нехорошо. Это же Настин подарок. Вон сколько у тебя своих игрушек.

Ксюха надула губы, но удержалась и не заплакала: поняла, что слезы не подействуют, сегодня всё внимание будет отдано старшей сестре. Это же ее день.

Суббота прошла весело и интересно. Ходили все вместе в кино, потом в парк с каруселями. Ели мороженое в кафе. А вечером пришли Настины подружки, и мама позвала всех пить чай с большим кремовым тортом. Девочки восхищались новым платьем именинницы, болтали, смеялись и танцевали. Настена, как заправский диджей, меняла диски.

Позже, когда гости разошлись и уехала бабушка, уставшая и счастливая девочка отправилась в кровать. Обняв мягкого медведя, Настя засыпала улыбаясь.

Утро воскресенья началось с вопля:

– Где мой медведь?!

– Настя, ты что так кричишь? – удивилась мама.

– Кто взял моего медведя? – возмутилась взлохмаченная Настя.

– Ну не убежал же он, – улыбнулась мама, – сейчас поищем.

На шум и возню в детской выполз сонный папа.

– Вы чего спать не даете? – возмутился он.

– Да вот у Настюши медведь пропал, – растерянно всплеснула руками мама, – не пойму, где он, под кроватью нет, где искать?

– Да вот же он, у Ксюшки под одеялом, – засмеялся отец.

– Ксюшка-хрюшка! Ты зачем моего медведя стащила? – возмутилась Настя. – У тебя своих игрушек полно! Больше не смей!

И Настя сердито погрозила сестре пальцем. Ксюша сидела в кровати, удивленно хлопая широко раскрытыми глазами. Казалось, она вообще не поняла, что произошло. Уголки рта малышки угрожающе поползли вниз.

– Ксюша, девочка моя, не расстраивайся, – мама подхватила дочь на руки. – Настя, ну может она сонная взяла и не помнит. Нельзя так с сестрой, она же еще малышка.

– А зачем взяла без спросу? – вредным голосом проворчала Настя и пошла умываться.

В понедельник утром прозвенел будильник, но сборы в школу были омрачены точно таким же скандалом, как накануне. Опять пропал медведь. На этот раз плюшевый непоседа сбежал под Настину кровать, папа доставал его оттуда пылесосом. Кот, зевая, с безразличием наблюдал за всей этой суетой из своего кресла. Наконец беглец был возвращен и день продолжился.

Вечером, засыпая, Настя строго настрого наказала медведю больше не убегать. Но во вторник всё повторилось. Всю неделю Настя сердилась на сестренку, и каждое утро семья искала пропавшую игрушку. Анастасия кипела праведным гневом, обиженная Ксюша громко рыдала, папа бегал по квартире с пылесосом, а мама их всех успокаивала. Плюшевый медвежонок оказывался в самых разных местах: под столом на кухне, под ванной, среди обуви в прихожей, за шкафом и даже под креслом Веника. Как всё это объяснить, не знал никто. Но всем было уже интересно узнать, что происходит. И только кот не участвовал в этой беготне. Он, безмятежно развалясь, возлежал на своем кресле и наблюдал за поисками. Казалось, он был рад, что так неполюбившийся ему медведь исчезал.

Наступила пятница. Вечером вся семья собралась за столом. Мама испекла кекс, и можно было спокойно посидеть всем вместе накануне выходного дня. После мирного ужина и чаепития домочадцы разошлись по кроватям.

Ночью Насте плохо спалось, мешали три кружки чая, выпитые за ужином. Переборов лень, сонная девочка встала и поплелась в туалет. Свет зажигать не стала, чтобы не перебить сон. На обратном пути в детскую Настя услышала какой-то подозрительный шорох. Немного испугавшись, девочка окончательно проснулась. На цыпочках с сильно бьющимся сердцем она подкралась к открытой двери. То, что Настя увидела, было настолько необычным и в тоже время смешным, что, боясь захихикать, она прикрыла рот ладошкой, дабы не выдать свое присутствие.

Мария Панфилова. "Летний день. Алтуфьево". 2001 г., картон, масло

В слабом свете уличного фонаря был виден Веник, странно передвигающийся по Настиной кровати. Лапы кота были неестественно широко расставлены, а между ног волочился плюшевый мишка. Голову игрушки Венька крепко зажал зубами. Непонятно, кто кого тащил: то ли кот волочил игрушку, то ли ехал на ней. Доползя враскоряку до края кровати, котейко, не разжимая челюстей, неуклюже плюхнулся на пол. Медведь смягчил падение Веника, и ворюга поковылял с добычей из комнаты. Игрушка так мешала коту идти, что лапы едва касались пола. На цыпочках, даже почти на когтях, Веник, переваливаясь с боку на бок, добрался до прихожей.

Увидев застывшую в темноте девочку, кот от неожиданности неподвижно замер. Затем, осознав, что его застукали на месте преступления, выпустил медведя из пасти и решил бежать. Но собрать сразу все четыре ноги не сумел.

Скользя по паркету когтями, Веник плюхнулся всем пузом на медведя и забуксовал на месте, как автомобиль на льду. От смущения кот так разозлился – не то на медведя, не то на себя, –

что, зашипев, оплевал игрушку. Собравшись наконец всеми ногами в кучу и высоко отпрыгнув от ненавистного врага, Вениамин унесся в неизвестном направлении, сопровождаемый громким Настиним хохотом.

Конечно, все тут же проснулись и, вывалившись в прихожую, зажгли свет. Настя, в пижаме стоявшая посредине, умирала от смеха, сложившись пополам. Только спустя несколько минут, успокоившись, девочка смогла всё объяснить. Отсмеявшись, все дружно пошли искать неудачливого грабителя. Вконец расстроенный, Венька сидел под своим креслом. Поджав хвост, кот ожидал наказания за проделку, но был приятно удивлен, когда его достали из-под кресла и приласкали. Никто на него не сердился, и даже незаслуженно обиженная, но уже оправданная Ксюша, весело смеялась и чесала Веньку за ухом.

– Ну, раз уж все проснулись, пойдете-ка чаю выпьем, там еще кекс остался, – предложила мама.

– А давайте коту молока с валерьянкой нальем, а то он сильно перенервничал, – пошутил папа.

Все снова рассмеялись и отправились на кухню доедать кекс.

ЗООКОМУНАЛКА

Александр Сухих

(МОССАЛИТ, Москва)

В собачьей шкуре

Забелило инеем траву.
Зов осенних псов, их гон-грызня,
дополняет ночи тишину
и накат смиренного дня.

Победит недремлющий кобель –
и не сильный, может, и хромой.
И нутра зовущая капель
утолится низменной волной.

Будет день по-летнему живуч,
и увидит пес людские сны,
и стряхнет их, в луже выпьет луч,
восхвалив, что мир его уныл.

Вдогонку

Меня находят трудные пути,
слова и люди,
хромые мысли...
И знаю – не укрыться, не сойти, –
всесильны судьи,
всеядны числа.
Котенок брошенный бежит за мной,
грудной ребенок
глядит, как взрослый.
Чей опыт я – запутанно земной?..
Ручной волчонок
в глубь жизни сослан...

Заморозки

Пес бездомный
лижет лужу –
гладкий лед;

дом огромный
(свет наружу)
не нальет...

Все – для чрева,
без просчета.
Реет флаг.

Дева слева –
нет заботы! –
звонкий шаг.

Куст в бетоне,
волей стрижки –
ветви врозь.

Пес бездомный
мчит вприпрыжку,
тащит кость...

Попрыгунчики

Ушла поверхностная прыть,
и поселилась прыть иная:
смеяться хочется, острить;
стихов внутри – что зайцев стая.
Хоть каждый смыться норовит,
но, накрутив петель, – обратно,
усядется на самый вид,
косит очами непонятно;

Другой, что кошка у ноги,
доверчиво прижмется боком,
и уши, будто из фольги, –
дрожит под животворным током.

Иной – на лежке, в тальнике,
застыл комком, дорога рядом,
сопит, невидимый никем, –
ни криком не спугнешь, ни взглядом.

Легко летишь за ними всласть,
а иногда они – гурьбою...
Играючи, взаимна власть –
живет в глуби сама собою.

И нет цены игре такой –
закрыт от суетного тела...
И чистотканно золотой
строкой отсвечиваешь – белой...

Декабрьская весна

Запутана природа:
из сонной темноты
древесная утроба
просунула листья.

И белые фиалки
явились у окна.
Орут ночами галки –
куда лететь?

Без сна
медведь – громада жира –
никчемно смотрит в лес.
И небо – цвета сыра.
И облако, как крест.
И распушились ветлы
на южной стороне.

И лезут злые пчелы
из ульев.

И во мне резиною – досада,
разброд, что будто – грех
здесь мой. Теплу не рада
душа и смотрит вверх.

В обрез концовки года
соседка под окном
фиалки от ухода –
выкапывает в дом.

Старушка у подъезда

Дичка цветок
в глуби ветвей.
Июльский вечер.

По тени ног
в провал дверей
мой путь намечен.

Устала спать...
Возня в траве
котят бездомных,

их кошка-мать
зеваает мне
беззвучно томно.

Жильцы прошли...
Со светом вниз
сочится запах.

...Из недр земли
крадется лис
на мягких лапах.

Кормилица

японский сонет-рэнга

вот и коровки,
наша – легонько толкнет
рогом в ворота

без остановки:
поле – пригон и – вздохнет
будто с работы

ждет облегчения – пей –
полное вымя
травы нисходят в людей

Ласточка – имя.

С крыльями

японский сонет-рэнга

Голуби в парке...
бродят – не в силах взлететь –
перекормили.

Делят вороны
власть за верхушки берез.
Солнце – в зените.

Росчерки вольных стрижей
не угадаешь.
Коршун вблизи облаков
кружит неспешно.

Отпрыск

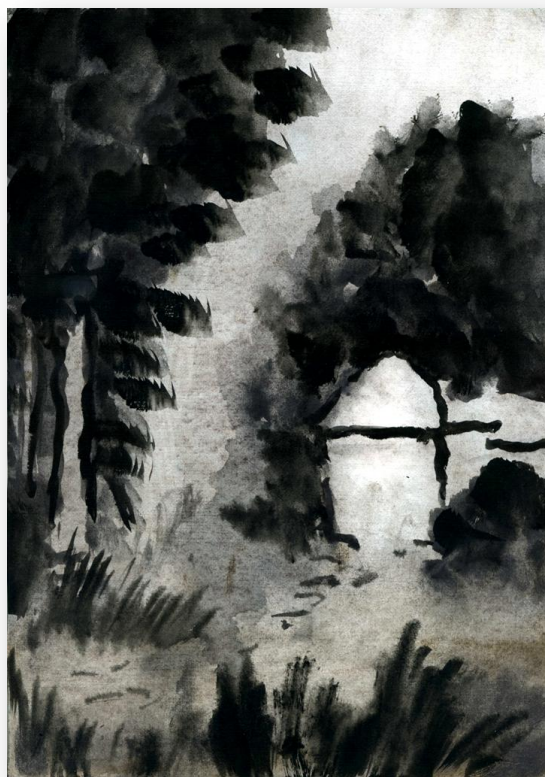
японский сонет-рэнга

Нега апреля...
Зимний прибудыш-щенок
спит возле рынка.

Отдых минутный.
Теплой периной – асфальт.
Доля собачья...

Хлеб наострится просить
взглядом и телом.

Каждый из нас обречен
быть сердобольным.

Игорь Бурдонов. Белый дом.
2016 г., бумага, акварель

ЗООКОМУНАЛКА

Наталья Пунина-Орлова
(МОССАЛИТ, Москва)

Самому Верному Другу

У собаки век недолог,
На вопрос же, отчего,
В мире ни один кинолог
Не ответит на него.

Верю только, что в награду
Людам ангелы даны,
Ведь такая в том улада,
Когда так тебе верны!

Только им за что такая
Незавидная судьба?
Ведь собака не любая
С нами счастлива всегда...

Видно, ангел бессловесный
Сам решил к тебе слететь,
И за это в свод небесный
Навсегда тебе глядеть,

Со слезами искупая,
Что при жизни недодал,
Что любил, не обнимая,
И не часто целовал,

На весь день его оставив,
На работу уходя...
Он заранее прощает
И прощается, любя!

То бескрылое создание,
Что со мной мотало срок,
Разделяя все терзанья,
Преподавало мне урок:

Так любить не могут люди,
Оттого они, скорбя,
Уходя, частичку сердца
Забирают у тебя.

Исход

Больше жить она так не смогла
Или попросту не захотела...
В ожидании долго жила,
Но потом, черт возьми, надоело!

Надоело одной день-деньской
Ждать его возвращения с работы,
Надоел ей убогий покой,
И обузой стала забота.

Надоело уют создавать,
Утешать, когда он беспокоен,
С лаской нежной прилечь на кровать,
Но уйти, если вдруг недоволен.

Надоело дремать в тишине
У открытого настежь окошка.
И спустилась по гладкой стене.

Так ушла в неизвестное... кошка.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Ефим Абрамов

Лейла Бегим

(Чехия, Прага)

У ЛЮБВИ – АППЕТИТ ПИРАНЫ

(из цикла пьес «Аромат сновидений»)

пьеса для двух актеров

Место действия – СТУДИЯ.

Студия режиссера, в которой он живет и творит более сорока лет.

Эта студия для него – святилище, его храм и его исповедальня, место его творческих взлетов и падений, громких успехов и неудач.

Эта студия была свидетелем признаний в любви, свидетелем горьких разочарований, чувства ревности и безысходности.

Действующие лица:

Он – МАРК.

Она – ЭЛЕН.

Действие первое

На экране, вмонтированном в одну из стен студии, мелькают черно-белые кадры: лица актеров и режиссеров, толпы восторженных зрителей, вручение наград, счастливые лица лауреатов. Среди знаменитостей мы видим ЭЛЕН и МАРКА. На ней красивое вечернее платье, он в смокинге. Они в окружении коллег, о чем-то говорят, смеются...

Рядом с экраном висит картина «Выход из круга» – обнаженная женщина пытается вырваться из яркого круга, в котором она находится.

За большим окном то и дело возникают всполохи осенней непогоды – гремит гром, сверкает молния и слышен упругий шум дождя.

МАРК сидит в кресле рядом с журнальным столиком, на котором несколько бутылок спиртного, несколько бокалов, несколько пачек сигарет и несколько зажигалок. У него в одной руке стакан, в другой – пульт. Не глядя он нажимает кнопку пульта, и изображение на экране меняется. На экране ЭЛЕН. Она у микрофона на сцене большого киноконцертного зала.

ЭЛЕН стоит у рампы. В ногах раскрытый мокрый зонт.

ЭЛЕН НА ЭКРАНЕ (дождавшись, когда стихнут аплодисменты). Спасибо, друзья. Однажды моя мама сказала мне: никогда не верь критикам. Критики – это неудавшиеся

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

актеры. Они завистники! (*В зале смех, аплодисменты.*) Верь зрителям. Только настоящий зритель может понять и почувствовать магию слова, театра, магию настоящего искусства:

Когда души струящийся поток,
Несет тебя к гармонии и тайне,
Когда ты слышишь шепот между строк
Поэзии – ей внемлешь неустанно,
Когда на сцене проживаешь жизнь,
Приняв успехи равно, как провалы,
Тогда искусство – властелин души,
У времени срывающее «Браво!».

ЭЛЕН входит в студию, осматривается, не обращая внимания на МАРКА, неторопливо прохаживается, прикасается к вещам и предметам и, напевая песенку, улыбается собственным мыслям. Некоторое время она рассматривает картину, едва касается ее кончиками пальцев, затем подходит к старинному комоду со столешницей и, бросив взгляд в сторону МАРКА, который не обращает на нее внимания, открывает верхний ящик. Быстро пошарив рукой в ящике, она достает легкий женский шейный платок, улыбается.

ЭЛЕН. Ты хранишь мой шейный платок? Да?

Марк молчит.

Зачем? Господи, ему больше тридцати лет... Удивительно, как он еще сохранился... Почему ты молчишь, дорогой? (*Прижимает платок к лицу.*) А-а! Понимаю. Он хранит мой запах. Неужели ты... Господи, Марк, как это трогательно. Правда!

Ах, этот шелковый платок,
Благоухающий любовью...
Его изящный узелок,
Связал и нас – одной судьбою...
О, сколько чувства он впитал:
И страсть, и ревность, гнев и нежность...
В нем жизни прошлой аромат –
В платочке, целовавшем шею.....

Ты помнишь?

Марк молчит.

Ты помнишь, чьи это стихи? Конечно, помнишь. Я знаю. У тебя хорошая память на имена и фамилии. А я не помню. Знаю, только, что стихи женские. То есть писала женщина. Как же ее фамилия?..

Марк наливает себе виски, делает глоток, достает сигарету, закуривает.

ЭЛЕН. Ты это делаешь специально, да? Скажи!.. Специально?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Марк делает еще один глоток, затягивается сигаретой.

ЭЛЕН. Ты же знаешь, что я терпеть не могу запах твоих сигарет. Тем более *Benson & Hedges*. Сколько раз я просила тебя курить другие сигареты. А, понимаю. Наверное, эти сигареты нравятся другой...

Марк допивает виски, наливает еще.

ЭЛЕН. Ты хочешь напиться?

Марк продолжает молчать.

Тебе так неприятно меня видеть, что ты решил алкоголем заглушить эту неприязнь? *(Элен продолжает рассматривать в ящике вещи и достает пистолет. Оборачивается к нему.)* Удивительно...

Марк смотрит перед собой, курит...

Неужели ты хранишь все мои подарки? Это просто удивительно. Я сейчас и не помню, в связи с чем, я подарила тебе этот пистолет. А ты помнишь? *(Целится в него.)* Ты, как всегда, ничего не помнишь. А я помню. Прошло семнадцать лет, а картинка перед глазами совсем не истерлась... *(Нажимает спусковой крючок и из ствола пистолета возникает язычок пламени.)* Я помню, как жалела, что пистолет ненастоящий. Я готова была пристрелить тебя. Выпустить в тебя все пули. Ты изменил мне прямо на премьере фильма. И с кем? С этой драной сучкой Скоти, которая снялась в крохотном эпизоде и была счастлива. Ты трахнул ее на какой-то пыльной тумбе прямо за экраном. Потом клялся и божился, что это она тебя соблазнила. И я поверила и сказала, что простила...

Марк тяжело вздыхает. Элен поворачивается к нему.

ЭЛЕН. Но женщины не прощают. Женщины запоминают. К счастью, я была уже не так наивна, как сорок лет назад, когда ты ловко напоил меня, совсем юную девушку, привез в эту обитель греха и буквально изнасиловал на этих теперь уже потертых шкурках.

Поперхнувшись, Марк начинает тяжело кашлять. Элен подходит к нему и, пытаясь помочь, бьет его по спине.

Кстати, она работает... Не понимаю, почему ты ею не пользуешься?

Марк делает глоток виски.

ЭЛЕН. Хотя бы дома... Я знаю, знаю, знаю... Знаю, что у тебя много зажигалок, знаю, что повсюду должны лежать сигареты и очки – чтобы их не искать. Но всё равно, милый. Это же мой подарок. *(Подходит к широкой тахте, покрытой телячьими шкурками, бросает на нее пистолет-зажигалку.)* Неужели я провела здесь часть своей молодости? Господи! Сколько

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

же побывало здесь до меня и сколько же перебивало после? Я всегда с ужасом думала об этом и пыталась сразу отогнать эту мысль...

Взорвать бы тишину твоего молчания,
И баловать слух каждым несказанным словом...

Пусть хлещут они по телу, оставив шрамы,
Пронзают сердце шипами сладкой неправды.
Скажи, что любишь – хоть ложь воскреснет отрадой,
И вспомнится, как окна от ливня дрожали...

МАРК. Ты о постели?

ЭЛЕН. Я о любви, Марк! Ты умный и талантливый человек, а говоришь иногда пошлости. Неужели ты именно такой?

МАРК. Какой?

ЭЛЕН. Развратный и одаренный, страстный и равнодушный...

МАРК. Может быть...

ЭЛЕН. А где все твои поклонницы, где любимые женщины, любовницы? Где эти актрисы, которым создал славу в кино, где все эти... Господи! Повсюду пыль и запущенность. Неужели некому у тебя прибраться? *(Подходит к журнальному столику, рассматривает пачку сигарет, бутылку алкоголя, берет его стакан, делает глоток.)* Да! В чем в чем, а в этом ты себе никогда не отказывал. В хороших напитках. В хорошей одежде и в хорошеньких женщинах. Правда?

Она тихо смеется, берет со стола зажигалку, рассматривает ее. Пьет еще.

ЭЛЕН. Хочу напиться и быть с тобой на одной волне.

МАРК. Это какой же?

ЭЛЕН. Хочу быть пьяной. Хочу быть непредсказуемой! Хочу чувствовать себя свободной и влюбленной! Хочу любить и быть любимой! Хочу летать! Хочу мечтать, как мечталось в юности! Хочу быть страстной и нежной...

МАРК. Страсти в тебе всегда было с избытком.

ЭЛЕН. И тебя это раздражало.

МАРК. Ты неточно формулируешь...

ЭЛЕН. Может быть, милый, а вот твоей страсти хватало ненадолго.

МАРК. Разве? Мне казалось, что наши отношения...

ЭЛЕН. Не надо трогать наши отношения. Пожалуйста, прошу тебя...

МАРК. Я ничего плохого не хотел сказать...

ЭЛЕН. После всего, что случилось, ты не можешь говорить о наших отношениях...

МАРК. Элен, не делай из этого трагедию...

ЭЛЕН. Помолчи. Для тебя отношения с женщиной то же самое, что пролистать либретто будущего спектакля. Твои чувства не горят, а едва вспыхнув, гаснут. Твоя страсть не обжигает. Она сразу остывает. Ты не умеешь любить. Женщина для тебя – это рассказ или короткая повесть, которую ты пробегаешь глазами. А ведь женщина – это роман с множеством лиц, глубоким подтекстом и непредсказуемым сюжетом... Женщина – это целый мир...

МАРК. Я в какой-то степени знаком с этим миром.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Она подходит к креслу.

ЭЛЕН. Признайся, Марк, скажи правду. Скажи, сколько их у тебя было? На съемках и репетициях, за кулисами и в примерных, в машине и здесь, на этой тахте. Скажи.

Марк молчит.

ЭЛЕН. Скажи. Но я не в счет...

МАРК. Отчего же? Без тебя этот список будет неполным. Ты, можно сказать, бриллиант в моей короне соблазнителя.

Элен молчит.

МАРК. Ты это хотела услышать?

ЭЛЕН. Да, Марк! Я хотела услышать, что я бриллиант в короне твоих достижений, твоих лучших фильмов со мной, твоих спектаклей, но только...

МАРК. Что «только», Элен? Говори. Ты ведь пришла именно для этого – сказать мне всё! Сказать, что думаешь обо мне. Бросить мне в лицо свои обвинения, назвать меня подонком и мерзавцем, грязным соблазнителем и равнодушным негодяем...

ЭЛЕН. Нет, это не так, дорогой. Я действительно хотела услышать о себе добрые слова, но не с такой иронией. Мне казалось, что я всё же оставила в твоей жизни какой-то след, какое-то приятное воспоминание...

МАРК. В этом ты можешь не сомневаться...

ЭЛЕН. Даже эти слова ты произносишь с сарказмом и усмешкой...

МАРК. Где ты увидела на моем лице усмешку?

Элен всматривается в его лицо.

ЭЛЕН. В глазах, в уголках губ...

МАРК. Скажи еще, что в мешках под глазами и морщинах.

ЭЛЕН. Не прикасайся ко мне...

МАРК. Я стараюсь. А что касается глаз, то в них только усталость и разочарование...

ЭЛЕН. Это не так, милый. У тебя такие же глаза...

МАРК. Они в окружении морщин...

ЭЛЕН. Они такие же красивые, но, как всегда, подслеповатые...

МАРК. Разве?

ЭЛЕН. Да, милый! Ты за сотни метров мог заметить легкомысленную глупышку, готовую броситься в твои объятия, но в упор не хотел видеть женщину, которая боготворила тебя и готова была пожертвовать всем ради тебя и твоего благополучия...

МАРК. Мне не нужна была жертва. Ты прекрасно знаешь, что мы трудились по двадцать часов в сутки, и наш общий успех и благополучие сделали тебя настоящей актрисой, примой театра и кино. Ты прекрасно знаешь, что я сделал всё для того, чтобы ты стала той, кем ты стала. Своим, как ты сказала успехом и благополучием, я доказывал всем, что ты по-настоящему талантлива и действительно заслуживаешь такого стремительного восхождения...

ЭЛЕН. Зачем? Чтобы, возвысив, потом уйти и забыть?

МАРК. Мне кажется, что ты пытаешься перевернуть наши отношения с ног на голову. Ты не о том говоришь. Или ты забыла?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Я ничего не забыла.

МАРК. И я не забыл. Я всегда хотел, чтобы ты поняла самое главное – мы вместе работали, делали одно общее дело, делали ради нас с тобой и ради нашего зрителя. И всё, что происходило с нами, было следствием наших отношений на площадке, на сцене.

Элен отходит, еще раз окидывает взглядом студию.

ЭЛЕН. Следствием наших отношений... Какие скучные и бледные слова...

МАРК. Может, ты всё же скажешь, что ты хочешь найти здесь?

ЭЛЕН. Я хочу, наконец, прочитать эту надпись.

Она читает дарственную надпись на зажигалке.

ЭЛЕН. «Тебе, единственному, от единственной...» Какая короткая и многозначительная надпись... Интересно, от кого?.. Молчи. Я постараюсь угадать... И угадывать не буду. Я просто знаю. Джулия! Конечно, Джулия! Господи, это не имя, а кличка для дворовой шавки. Кстати, она могла написать проще: «Единственному от верной шлюхи...» И всё...

Марк допивает виски, несколько секунд они смотрят друг другу в глаза.

ЭЛЕН. Неужели ты собираешься защищать честь этой бездарной сучки?

Марк молчит.

ЭЛЕН. Как ты мог целовать ее, Марк?

МАРК. Ты хорошо выглядишь!..

ЭЛЕН. Я знаю. Не сомневаюсь, что лучше, чем она. Ты не ответил на вопрос.

МАРК. Элен, я прошу тебя!..

ЭЛЕН. Ты упивался ее телом, да? Намывивал спинку, смывал душем пену с ее груди, вытирал, нес на руках в постель, целовал пальчики ног, задышался от восторга...

ЭЛЕН (*с грустью смотрит ему в глаза, читает стихи*).

В глазах твоих прошлого тени.

А в бликах вчерашних лучей,

Ни годы, ни дни, ни недели —

Наш миг превратился в ничей...

МАРК. Элен, пожалуйста!

ЭЛЕН. Что? Ты хочешь сказать, что ты был с ней постольку поскольку, и между вами был, как ты любишь выражаться, бытовой секс? Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь...

МАРК. Этот разговор ни к чему.

ЭЛЕН. Или ты, склонившись над ней, проникновенно спрашивал своим бархатным голосом: «Тебе было хорошо, любимая?»

МАРК. Я ее никогда так не называл...

ЭЛЕН. Так ты называл всех, Марк, всех... (*Пытается передразнивать.*) Что, милая, прорепетировем сцену любви?

МАРК. Элен, я давно забыл об этом...

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Неужели? Ты говорил это только по молодости? Что же произошло с тобой сейчас? Ты так постарел, что не в состоянии даже любить? И твои репетиции любви остались только в воспоминаниях? Бедненький!..

МАРК. Я прошу тебя помолчать. Я неважно себя чувствую...

ЭЛЕН. С Джулией ты чувствовал себя прекрасно, правда, милый? Она тебя никогда не раздражала и была послушна, как рабыня. Я даже не сомневаюсь. Безропотная и благодарная сучка. Бездарность, мечтавшая сыграть Офелию. Она же не давала проходу режиссерам. Доказывала всем, что именно она, только она способна воплотить в спектакле Алана чистоту и невинность гамлетовской любви. Слышать ее было невыносимо...

МАРК. А ты мечтала сыграть Жанну. Ее можно было понять...

ЭЛЕН. Что? Ты сравниваешь меня с этой пустышкой? С этой развратной, глупой, самоуверенной и лишенной какого-либо дарования девицей?

МАРК. Она снялась в семнадцати фильмах...

ЭЛЕН. А я в тридцати двух, и все мои роли были отмечены критикой. Моя Жанна д'Арк могла затмить роли великой Элизабет и Вивьен Ли, Бетт Дэвис и Авы Гарднер...

МАРК. Мы пытались, ты ведь знаешь. Мы так и не смогли достать денег...

ЭЛЕН. Молчи, Марк, пожалуйста. Не говори больше ни слова. Я не могу слышать это, не могу. Жанна могла стать вершиной моей карьеры, а стала недостижимой мечтой. Я так и уйду с неутоленной жадой несыгранной роли...

МАРК. Элен!

Она жестом останавливает его.

ЭЛЕН. *(В образе Жанны д'Арк.)* Время мне в тягость. Оно не имеет надо мной власти, оно не может остановить свое течение, оно не может повернуть вспять. Вам этого не понять. Вам не увидеть того, кого вижу я. Не услышать голоса, посланного мне, не понять слов, предназначенных для меня. ОН видит меня, слышит меня, понимает меня. Вы все только завистники, вероотступники и убийцы. Вы терзаете мое тело, сдираете с меня кожу, ломаете мои хрупкие кости, бросаете мое тело в пламя смерти, но вам не сломать и не сжечь моей Веры. Для меня Бог и Церковь едины! Они для меня в одном коротком дыхании, в одном слове – в моей Вере! Но сейчас я умираю! Умираю из-за вас! И моя Вера, мой Бог и моя Церковь никогда вам не простят этого. Я вызываю вас всех, слышите, вы? Я вызываю вас всех на Божий суд!..

Марк наливает себе виски, но Элен порывисто отбирает у него стакан и залпом выпивает содержимое.

МАРК. По-моему, ты пришла сегодня совсем не для того, чтобы говорить о Джулии, ее Офелии и прочих...

ЭЛЕН. Какая разница, Марк?

Когда-то говорили мы стихами,
И падали с тобой – с разбега ввысь!
Хотя любить до гроба не клялись,
Но над вселенским временем порхали.

Когда-то мы вливались в бесконечность,

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Синхронно ощущая тишину.
В мечтах держали тайну – лишь одну...
И ангел общий был, и даже – нечисть.

Когда-то в двух сердцах горел огонь,
И целый мир им посылал поклон...

Она наливает себе виски, пьет.

ЭЛЕН. Ты разочарован?

МАРК. Что ты хочешь найти? Сядь, ты сейчас упадешь. Сядь и скажи, что ты ищешь?

Он забирает у нее шейный платок и кладет в ящик.

ЭЛЕН. Я? В твоём опустевшем и пыльном гареме?

МАРК. Ты никогда не умела притворяться. Врать умела, а притворяться нет.

ЭЛЕН. Ну что может искать приличная женщина в доме постаревшего бабника? Дыхание погасших страстей или иллюзию бурной творческой жизни...

МАРК. Сядь, пожалуйста!

ЭЛЕН. Я лучше лягу. Вот на эту тахту. На эти телячьи шкурки. Или я в горизонтальном положении не кажусь тебе такой уж привлекательной? Такой, как Джулия?

МАРК. Ты хорошо выглядишь...

ЭЛЕН. Не вздумай прикасаться ко мне.

МАРК. Я хотел только присесть.

ЭЛЕН. Не надо. Ты начнешь соблазнять меня, и я не смогу устоять. А к сцене любви я сегодня не готова.

Он наливает виски в два стакана, один протягивает Элен. Возвращается к столику, садится. Элен шарит под подушками, пытается просунуть руку под матрац.

ЭЛЕН. Почему ты не хочешь говорить о ней? Тебя это задевает? Трогает? Она была лучшей женщиной твоей жизни?

МАРК. Она умерла!

Элен, невольно засмеявшись, затихает.

ЭЛЕН. Это такая шутка?

МАРК. Это правда.

ЭЛЕН. Но...

МАРК. Это произошло позавчера. Есть сообщение почти во всех газетах.

Элен поднимается, идет к столу, берет стакан.

ЭЛЕН. Каких газетах? О чем ты говоришь?

МАРК. Почти во всех. Но ты, насколько я знаю, газет не читаешь.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Элен смотрит по сторонам, видит кипу газет, хватается первую, листает. Читает.

ЭЛЕН. Известная актриса... Популярная... Скоропостижно... Похороны состоятся...

Элен растерянно смотрит на Марка. Глаза ее полны слез.

ЭЛЕН. Господи! Я даже не могла себе представить, что она может вот так неожиданно...
(Смахивает слезу.)

МАРК. Действительно неожиданно.

ЭЛЕН. Бедная Джулия. Где это случилось?

МАРК. В гостинице, в Брюсселе...

ЭЛЕН. Ей стало плохо?

МАРК. Нет. Она просто не проснулась.

ЭЛЕН. Кто тебе сообщил об этом?

МАРК. Человек, который был рядом с ней. Мы говорили по телефону.

ЭЛЕН. Ты полетишь на похороны?

МАРК. Нет.

ЭЛЕН. Почему?

МАРК. Потому что похороны Джулии завтра, а завтра у меня кастинг. Я занят.

ЭЛЕН. Занят? Что ты такое говоришь, Марк?

Марк берет сигарету, щелкает зажигалкой, прикуривает. Элен пьет.

МАРК. Во-первых, я, к сожалению, неважно себя чувствую, и лететь куда-либо у меня просто нет сил. А во-вторых, у меня завтра работа.

ЭЛЕН. Марк! Марк! О чем ты говоришь?! Умерла актриса, которая снялась в двух твоих фильмах, играла главную роль в твоём спектакле, была тебе верна и предана, боготворила тебя и любила... Написала тебе, что ты единственный!...

МАРК. Я не был единственным. И успокойся, пожалуйста!..

ЭЛЕН. Что?

МАРК. Она любила другого человека.

ЭЛЕН. Как интересно проходит жизнь. А главное, мимо. И как же ты узнал об этом?

МАРК. Она сама мне сказала.

ЭЛЕН. Ах, Джулия, Джулия! В таком возрасте и так стремительно менять мужчин...

МАРК. В каком таком возрасте?

ЭЛЕН. В ее возрасте, Марк, в ее!

МАРК. Она была младше тебя на семь лет.

ЭЛЕН. Что?

Она залпом допивает виски.

МАРК. Когда-то ты гордилась тем, что ты старше. Что же случилось сейчас?

ЭЛЕН. Она умерла.

МАРК. Она действительно умерла...

ЭЛЕН. И не намекай, пожалуйста, что я слишком долго живу.

МАРК. Ты говоришь глупости.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Ты всю жизнь старался меня подковырнуть и посмеяться надо мной. Всю жизнь!

МАРК. Иногда.

ЭЛЕН. Что?

МАРК. Давай о чем-нибудь другом.

ЭЛЕН. Давай. Скажи мне, скажи честно, чем она тебе нравилась? Чем?

МАРК. Элен, я прошу тебя, не надо. Ее нет, успокойся...

ЭЛЕН. Ее нет, но зажигалка есть...

МАРК. Есть и твой шейный платок тоже...

ЭЛЕН. Но я жива.

МАРК. Да, действительно.

ЭЛЕН. Не подходи ко мне.

МАРК. Я не подхожу.

ЭЛЕН. И не пытайся прикоснуться.

МАРК. Я не пытаюсь...

Элен отворачивается. Марк берет пистолет-зажигалку и прикуривает.

ЭЛЕН. Не подлизывайся.

МАРК. Эль, перестань.

ЭЛЕН. Она приходила сюда, прикасалась к этим вещам, лежала на моей тахте, на моих...

МАРК. Перестань, Элен, прошу, пожалуйста. Она умерла...

ЭЛЕН. А я жива! Слышишь, жива...

МАРК. Я вижу.

ЭЛЕН. И я помню всё.

МАРК. И я помню. Почему ты решила, что я...

ЭЛЕН. Я ничего не решила, я просто это знаю. Если бы ты помнил, если бы ты дорожил этой памятью, ты не позволил бы приходить сюда женщинам, которые недостойны даже воздуха, которым я дышу...

Ты знаешь, я пуста, как ваза
из-под цветов в окне холостяка.

А под ногами – талый снег, но с грязью.

Не рвется слово, не бежит строка.

Застыло всё. Так замирают в келье,
не отрывая взгляда от свечи.

И всё же хорошо, что мы успели
увидеть, как целуются грачи.

МАРК. Элен! Она умерла...

ЭЛЕН. Но мы живы. Мы живы, и мы не виноваты в этом.

МАРК. Никто никого ни в чем не обвиняет...

Она подходит к нему, пытается заглянуть в глаза.

ЭЛЕН. Ты любил ее?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Он пытается взять ее за руку, она отступает.

МАРК. Эль!

ЭЛЕН. Отвечай. Пожалуйста.

Марк молчит.

ЭЛЕН. Конечно, нет. Но говорил ей, что любишь. Говорил, да? И наверное, в этом ящике ты хранишь и ее шейный платок, верно? Или этих шейных платков у тебя там много? Что ты молчишь?

Она выдвигает ящик, начинает искать. Марк пытается помешать ей.

МАРК. Перестань, слышишь, Элен? Перестань...

ЭЛЕН. Я не перестану. Не перестану, потому что права...

МАРК. Ты же через минуту пожалеешь об этом, пожалеешь...

Элен отталкивает его, закрывает ящик.

ЭЛЕН. У тебя есть другие тайники?

МАРК. Нашла?

ЭЛЕН. Налей мне выпить.

Марк наливает ей виски, протягивает стакан.

МАРК. Я не хочу.

ЭЛЕН. Чего ты не хочешь?

МАРК. Я не хочу делать того, о чем ты меня просишь.

ЭЛЕН. Почему?

МАРК. Можно без объяснений?

ЭЛЕН. Нельзя. Я хочу, чтобы ты объяснил.

МАРК. Мы с тобой не чужие люди, Эль...

ЭЛЕН. Мы ими стали... И стали давно.

МАРК. Это неправда, Элен. Ты сейчас кокетничаешь.

Слегка покачиваясь, она подходит к нему, смотрит в глаза.

ЭЛЕН. Я не умею кокетничать. И ты это знаешь. Я не умею намекать, и ты это знаешь. Я не умею лгать, и ты это тоже знаешь. И я тебе всегда верила, всегда. А главное – доверяла.

МАРК. Знаю...

ЭЛЕН. Разумеется, знаешь. Знаешь настолько хорошо, что всегда этим пользовался. Пользовался моей наивностью и моей доверчивостью. Моим искренним к тебе отношением и моими чувствами. Ты обманывал меня и крутил, как это говорят, вокруг пальца...

МАРК. Ты, кажется, говоришь о себе, а не обо мне. Я прошу тебя больше не пить. И сядь уже куда-нибудь. Ты упадешь...

ЭЛЕН. Никогда. Я не хочу, чтобы мое тело прикасалось...

МАРК. Успокойся, Элен! Ты уже лежала на кровати...

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. О-о, кровать, это святое! На этой кровати, ты нашептывал мне слова любви, ты соблазнял меня и развратничал, а я, наивная и восторженная девочка, отдала тебе свое божественное тело, свою невинность...

Элен начинает падать. Марк успевает подхватить ее. Они вместе падают в кресло. Она в его объятьях.

МАРК. Я же предупреждал тебя...

Она смотрит ему в глаза.

ЭЛЕН (*читает стихи*).

Я устала любить молчаливо.
Просыпаться средь ночи влюбленной,
Засыпать с осознанием потери...
Улыбаться в момент, когда больно
И держать не закрытыми двери.
Я устала любить, восторгаясь
Пилигримом по странам скитаясь...

Марк! Я устала любить молчаливо...

МАРК. Эль!..

ЭЛЕН. Я просила не прикасаться ко мне. Не прикасаться, не трогать.

МАРК. Я не прикасаюсь, родная! Я только обнял тебя...

ЭЛЕН. Поцелуй меня, Марк, поцелуй, как раньше!..

Они страстно целуются.

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Что?

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Сейчас ты захочешь большего. Нет! Прошу тебя! Я не готова к этому. Слышишь, не готова!

МАРК. Элен! Я ведь хотел...

ЭЛЕН. Я уже чувствую, как ты хотел. Чувствую. Да! И не смотри на меня так.

МАРК. Элен! Пожалуйста...

ЭЛЕН. Только попробуй изнасиловать меня. Только попробуй!

МАРК. Не надо так...

ЭЛЕН. Поцелуй меня еще раз, поцелуй...

Они целуются. Свет медленно гаснет. За окнами гремит гром, сверкает молния, шум дождя усиливается.

Действие второе

Марк в халате, поверх которого надет фартук. Он занят приготовлением ужина – нарезает мясо, готовит салат. Старается не шуметь. Элен, укрытая одеялом, спит на телячьих шкурках.

На экране мелькают кадры всевозможных встреч, театральных и кинофестивалей, лица известных кинематографистов и деятелей театра. Среди них Элен и Марк.

За окном по-прежнему льет дождь, и то и дело сверкает молния.

Элен просыпается, резко садится.

ЭЛЕН (*громко, испуганно*). Марк!

МАРК (*вздрагнув, оборачивается*). Что случилось?

ЭЛЕН. Ты... Ты все-таки изнасиловал меня! О Господи! Как ты мог? Как ты посмел?

МАРК. Ты сама попросила меня...

ЭЛЕН. Я? Сама? Как ты... Ты воспользовался моей беззащитностью, моим опьянением...

МАРК. Ты сказала, что совершенно трезва и хочешь меня...

ЭЛЕН. О Господи! Я ненавижу тебя!..

МАРК. Несколько часов назад ты говорила, что любишь...

ЭЛЕН. И ты поверил?

МАРК. У меня не было другого выхода.

Она хватается за голову, хочет сбросить одеяло, но вовремя прикрывается.

ЭЛЕН. Дай мне одежду.

МАРК. Рядом лежит халат.

ЭЛЕН. Я не надену халат, который надевала Джулия.

МАРК. Он в упаковке. Этот халат я подарил тебе несколько лет назад.

ЭЛЕН. Мне?

МАРК. Да. Но ты бросила его мне в лицо и ушла к Питеру.

ЭЛЕН. К кому? К Питеру? К этому самоуверенному очкарику?

Он поворачивается к ней.

ЭЛЕН (*прикрывается халатом в упаковке*). Не смотри на меня. Отвернись.

МАРК. Это сейчас он самоуверенный очкарик, а тогда были сплошные восхищения и восторги. Ты готова была внимать каждому его слову, каждой его строке...

ЭЛЕН (*надевает халат, поднимается с кровати*). Он был талантливым поэтом. Ты ведь знаешь, что я умею восторгаться. Ты, например, тоже талантливый человек. Очень!..

МАРК. Но без восхищения, правда? И это твое любимое словечко «очень». Мол, вы чувствуете, сколько глубокого смысла я вкладываю в это короткое слово? Или твое отношение к Роберту...

ЭЛЕН. К Роберту я и сейчас отношусь с большим уважением. Не более.

МАРК. Можно с уважением, но не поклоняясь как идолу. Видела бы ты себя со стороны. Порой казалось, что...

ЭЛЕН (*перебивает*). Марк, милый, пожалуйста, прекрати. Я могу обидеться. Не надо. Я такая, какая есть. Разве ты не знал об этом?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Молчат.

ЭЛЕН. Ты всё помнишь, да?

МАРК. Что?

ЭЛЕН. Ты готовишь мое любимое мясо?

МАРК. Да...

ЭЛЕН. Греческий салат. Оливки. Фасоль с зеленью, пару креветок в соусе, белое вино...

МАРК. Ты сегодня достаточно выпила.

ЭЛЕН. Не будь таким букой. Я выпью еще виски...

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Я должна тебе сказать...

МАРК. Что?

ЭЛЕН. А ты был хорош!..

МАРК. Глупости.

ЭЛЕН. Почему же?! И страсть, и нежность. Талант – он во всем талант.

МАРК. Перестань...

ЭЛЕН. А главное – память. Ты, оказывается, всё помнишь. Как и что.

МАРК. Ты издеваешься?

ЭЛЕН. Ну что ты! Наверное, надо сказать спасибо Джулии – она не давала тебе терять форму, верно?

МАРК. При чем тут Джулия?

ЭЛЕН. Ну значит, Мэри...

МАРК. Мэри уже восемьдесят лет.

ЭЛЕН. Ей еще нет восьмидесяти. Так что она вполне...

МАРК. Элен, прекрати. Принеси мне узкий длинный нож из той комнаты.

ЭЛЕН. Я ничего плохого не сказала. Я только подумала.

МАРК. О чем?

ЭЛЕН. О нас. Господи, когда это было? Да, на мое тридцатилетие или... Ты прилетел в Лондон, буквально похитил меня со съемочной площадки, накричав на продюсера, что я на грани нервного срыва, и увез меня на целую неделю к морю. Какая это была сумасшедшая неделя! Прекрасная! Неповторимая! Ты смотрел на меня влюбленными глазами, ты держал мою руку в своей, ты говорил мне слова, которых я никогда не забуду. И ты был неутомим в своей страсти. Ты любил меня утром. Любил днем и вечером, любил ночью! Господи! Мы почти не спали и были счастливы. Ты помнишь?

Марк молчит. У Элен на глазах слезы.

ЭЛЕН. Конечно, помнишь. Я всё боялась оставить следы ногтей на твоём теле, боялась ревности твоих женщин... Марк! У тебя остались следы? Признайся...

МАРК. Никаких следов нет. Только шрамы...

Элен тихо смеется.

ЭЛЕН. А потом мы возвращались в город. Я была за рулем, а ты сидел рядом и, положив голову мне на грудь, дремал. Я слышала твоё учащенное дыхание...

МАРК. Принеси, пожалуйста, нож.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. А потом, спустя какое-то время, я случайно обнаружила на гримерном столике стихи Лилиан Баррет. Я читала и плакала. Мне казалось, что она была невольной свидетельницей моего счастья. Нашего счастья, Марк!

МАРК. Принеси, пожалуйста, нож...

ЭЛЕН. Я не могу вспомнить всё стихотворение. Только отдельные строки... Как же это звучало? (*Читает.*)

У Любви – аппетит пираньи...
Мы ли жертвы?..
Ты не верь словам – ведь не мальчик.
Я тебя отыщу – поверь мне, раздолблю все к черту двери!..
Босиком по колючкам терний – и войду незаметно, тенью.

Забыла, Марк, забыла... Сейчас, сейчас... (*Читает.*)

Я нырну за тобой в похмелье,
Мне не страшно с тобой – ты смелый.
У любви – аппетит пираньи...

Я хотела тогда послать тебе эти стихи, но потом закрутилась, съемки, репетиции...

МАРК. Я же попросил тебя принести нож...

ЭЛЕН. Я не знаю, где лежит этот, чертов, нож. Я буду искать, нервничать...

Марк уходит в другую комнату. Элен, глянув ему в след, начинает стремительно искать по всем ящикам и полкам. Наконец, находит в нижнем ящике столешницы небольшой сверток – это письма. Она прячет сверток под подушку. Возвращается Марк с ножом в руке. За окном вновь гремит гром и сверкает молния. Идет дождь.

ЭЛЕН. Твоя любимая погода.

МАРК. Да, но не твоя.

ЭЛЕН. Ненавижу дождь, грозу, эти молнии... А тебя такая погода только вдохновляет. Правда?

МАРК. Да, и ты это знаешь.

ЭЛЕН. А меня вдохновляет запах приготовленного мяса. Ты всегда очень вкусно готовил. Всегда! Я жутко хочу есть. Тебе еще долго?

МАРК. Нет. Ужин, хоть и поздний, но уже готов.

Они раскладывают еду на журнальном столике.

ЭЛЕН. Давай выпьем.

Марк наливает вина.

ЭЛЕН. Виски. Пожалуйста.

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Пожалуйста, милый! Может быть, это моя последняя просьба.

МАРК. Элен, успокойся.

Он наливает ей в стакан виски.

ЭЛЕН. Я не хочу быть похожей на эту Мэри, которая не может самостоятельно передвигаться. Которая не может налить себе стакан воды, которая....

МАРК. О чем ты говоришь?

ЭЛЕН. О старости. О глубокой, беспомощной старости, когда ты всем только в тягость. Не хочу.

МАРК. И поэтому ты решила...

ЭЛЕН. Да, я решила уйти. Я ухожу со сцены, ухожу из кино.

МАРК. Почему? У тебя прекрасный возраст, ты замечательно выглядишь...

ЭЛЕН. Ты мне льстишь только потому, что смог соблазнить пьяную женщину...

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Мне шестьдесят четыре года, и я не хочу, чтобы меня запомнили такой. Пусть помнят ту, молодую. Ты ведь помнишь, правда?

МАРК. Можешь не сомневаться.

ЭЛЕН. Ты иронизируешь...

МАРК. Давай выпьем!

ЭЛЕН. За прекрасную жизнь, которая была!

МАРК. За тебя!

Пьют.

ЭЛЕН. Можно тебе задать вопрос?

МАРК. Можно.

ЭЛЕН. Тебе было хорошо со мной? Отвечай, пожалуйста.

МАРК. Да.

ЭЛЕН. Тебе всегда было хорошо со мной?

МАРК. Да.

ЭЛЕН. Почему ты на мне не женился? Почему?..

МАРК. Потому что у тебя никогда не было времени. Ты после первой же роли в моем фильме сразу стала звездой и была нарасхват. Через три дня после премьеры ты улетела в Ирландию. Я десять дней не мог до тебя дозвониться. Твой телефон был просто отключен. А когда, наконец, мне удалось услышать тебя, то ты не умолкая рассказывала мне, с каким восхищением ты относишься к Стиву, как он удивительно тонко и точно понимает психологию актера, как глубоко проникает в образ, как умеет вовремя подсказать актеру нужный жест, взгляд... Ты даже не поинтересовалась моими делами. Потом я узнал, что у вас был...

ЭЛЕН (*перебивает*). Да, я много работала, много снималась и играла. Это было прекрасное время...

МАРК. Для тебя.

ЭЛЕН. Кстати, как честный человек, ты обязан был жениться на мне, когда привел сюда, напоил и изнасиловал...

МАРК. Я тебя не насиловал, Элен! Мы тогда третью неделю репетировали по двенадцать часов. Мы приехали сюда во втором часу ночи...

ЭЛЕН. Господи, мы, оказывается, были едва знакомы!

МАРК. Да.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. И ты смог убедить всех, что Лауру, бессмертную любовь Петрарки, должна играть никому неизвестная молодая актриса.

МАРК. Да.

ЭЛЕН. И после очередной репетиции ты привез меня сюда.

МАРК. Да.

ЭЛЕН. Мне едва исполнилось двадцать лет. Так отчего же ты не сделал мне предложение?

МАРК. Не успел. Как только ты проснулась, ты стала кричать и плакать, лезть на меня с кулаками, бросать в меня этими шкурками, разными предметами, а потом схватила свои вещи и уехала.

ЭЛЕН. И всё?

МАРК. Почему всё? Вечером ты вернулась, осталась и больше не уходила...

Элен наливает себе виски. Пьет.

ЭЛЕН. Да. Я репетировала Лауру. Даже не верится. Я помню ее слова. Ты пишешь мне, и я пишу в ответ. Я читаю твои строки и слышу твой голос, чувствую дыхание и вижу глаза твои. Твои стихи и мое имя будут звучать всегда вместе, во все века, а моих слов, обращенных к тебе, никто не узнает. Моя любовь к тебе останется в стихах, и эти стихи я надежно скрою от чужих глаз. Поверь, женщины умеют хранить тайну. Так было и так будет... Ты помнишь сонет Лауры?

МАРК. Нет.

ЭЛЕН. А я помню.

Ваш взор увидит и в моем надежду,
Ее я прячу от ревнивых глаз.
И каждый миг вдали сближает нас,
Хотя нелепо этим сердце тешить.

Уже и звезды светят в окна реже,
Ночного неба потускнел атлас.
Еще немного – Авиньон заснежит,
Не любит холод солнечный Прованс...

Но весен не задержится пора –
Лучами солнце разлинует небо,
И впишет в строчку наши имена.

Не зная перемен, душа верна
Седому времени, и ждет она,
Когда распустятся цветы на вербе.

Наливает себе виски, пьет.

МАРК. Элен, прошу тебя...

ЭЛЕН (*взмахнув рукой*). Не останавливай меня. Ты должен был меня заставить...

МАРК (*перебивает*). Заставить не играть в театре и не сниматься?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Нет. Заставить почувствовать свою силу. Марк! Женщину надо не только любить. Женщину надо уметь защищать. Надо так к ней относиться, чтобы у нее не возникало даже мысли уйти к другому. Чтобы не возникало желания остаться одной или же броситься в водоворот новых чувств и впечатлений. Женщина всегда нуждается в поддержке и защите. А что такое поддержка и защита? Это чаще всего семья. Это брак по любви. Разве ты сам этого не понимаешь? Ты, человек, который меня создал. Ты, который меня всему научил и дал мне силы понимать мир, понимать свое дело, которому отдана вся жизнь...

Она наливает себе виски. Марк пытается помешать ей, но она останавливает его руку.

МАРК. Не надо пить.

ЭЛЕН. Марк! Взгляни на меня! Взгляни, милый! Я ведь творение твоих рук! Я твоя актриса! Твоя! Любимая! Это твои слова. Я всегда гордилась тем, что ты сделал для меня и для нас, что ты смог из простой девчонки, какой я была, сделать актрису. Актрису, надеюсь, хорошую. Так почему же ты позволил каким-то людям, каким-то мелким завистникам и бездарностям разрушить наши отношения? Я всегда казалась себе защищенной, но я ошибалась. Я рассыпалась на мелкие кусочки. Я не выдержала! Мне не хватило терпения, потому что я слишком долго ждала. Я ждала самых главных слов, самого главного от тебя предложения. Я ждала восемнадцать лет, и я устала, Марк! Ты умный, ты талантливый, ты мудрый! Скажи мне, скажи, какая женщина не мечтает о браке, о семье, о детях? Я же всегда гордилась не только собой, своими фильмами и своими ролями. Я гордилась тобой! Гордилась тем, что ты у меня есть. Да! Да! Ты, Марк, ты подарил мне судьбу! У нас был союз, союз единомышленников, союз друзей, союз братьев по крови. Но не союз мужа и жены... И не надо обманывать себя. Не надо. Пожалуйста...

Она тихо плачет. Затем уходит и возвращается с треножником, с камерой, пытается установить.

МАРК. Элен!

ЭЛЕН. Я устала, Марк! Я устала ждать. А ты не торопился. Уже слишком поздно. Я не могу стать другой, ты – тем более...

МАРК. Я не буду снимать твое прощальное слово. Это бред, это ненормально. Хочешь уйти – уходи. Как ушли многие. Они не прощались, они закрылись в своих домах и посвятили остаток жизни чему-то другому.

ЭЛЕН. Помоги установить камеру. Помоги, Марк!

Он подходит, отбирает треножник и камеру.

МАРК. Сядь.

ЭЛЕН. Ты говорил мне, что любишь?

МАРК. Тебе нельзя так много пить.

ЭЛЕН. Отвечай!

МАРК. Да, говорил.

ЭЛЕН. Оказывается, одной любви мало! Надо уметь эту любовь удерживать. Любовь требует борьбы. Всегда. Ежедневно, ежечасно. Я дура! Конечно! Я бросалась в эти глупые отношения, переезжала от одного к другому, но всё время ждала тебя. Ждала, что позовешь,

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

накричишь, заберешь силой и увезешь к себе, на эти чертовы шкурки, но тебя все не было и не было...

Я ждала тебя... пробираясь сквозь мрак к ярким звездам...
Ты не знал, но я и в объятиях ласковых мерзла...
Я стремилась ввысь, все искала твой взгляд в чуждых лицах,
Но летела вниз, рассыпаясь как свет, на частицы...

МАРК. Я пытался за тебя бороться...

ЭЛЕН. Как? Вы, мужчины, всегда хотите найти логику, а мы с ней просто незнакомы. Никакой логики нет, потому что логики нет в самой жизни, в ее неожиданных поворотах и выкрутасах.

Элен смотрит на картину «Женщина в круге».

Я, как она, всегда пыталась вырваться из круга, пыталась быть самостоятельной и сильной, но ты меня не слышал, ты не помогал мне, ты не звал меня...

МАРК. Я звал.

ЭЛЕН. Когда? Как? Скажи.

МАРК. Я всегда звал тебя. Всегда! Но ты не слышала. Чаще не хотела слышать, а иногда тебе просто было не до меня. Твои съемки в фильмах, переезды из страны в страну, спектакли и гастроли – я всегда находил тебя, писал тебе, подавал тебе сигналы, напоминал о себе, но ты оставалась глухой к моим словам и посланиям. Ты отмахивались от подруг, которые пытались сказать тебе обо мне...

ЭЛЕН. О чем ты говоришь? О каких посланиях? О каких подругах?

МАРК. Разве ты не слышишь шепот между строк?

ЭЛЕН. Что?

Элен наливает себе виски, пьет. За окнами гремит гром и сверкает молния. Шум дождя усиливается.

Господи! Как я ненавижу такую погоду. Мне холодно. Меня знобит. Дай мне плед, пожалуйста...

Марк протягивает ей плед. Она берет плед и хватает его за руку.

Марк!

МАРК. Ты так и не услышала меня. А ведь когда-то говорили мы стихами и падали с тобой – с разбега ввысь!..

ЭЛЕН. Эти стихи я нашла в сумочке, на клочке бумаги, когда летела из Лондона в Мельбурн. И там еще стояла подпись...

МАРК. И ты знаешь. Я всегда держал двери незакрытыми. Я надеялся. Ждал...

ЭЛЕН. Двери? О чем ты говоришь? Сейчас, я вспомню. Я устала любить молчаливо и держать незакрытыми двери...

МАРК. Ты не услышала даже Сару...

ЭЛЕН. Сару? Она сказала мне, что почти три недели жила у тебя...

МАРК. Да, почти три недели она ждала Барни, который тогда так и не появился.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Она была не с тобой?

МАРК. Нет.

ЭЛЕН. Неправда!

МАРК. Правда. Что она передала тебе?

ЭЛЕН. Ничего. Хотя, она что-то говорила и добавила, что хочет подарить мне последние стихи этой Лилиан. Лилиан Баррет.

МАРК. Взорвать бы тишину твоего молчания...

ЭЛЕН. Откуда ты об этом знаешь?

МАРК. Она передавала тебе мою просьбу, но ты была занята. Тебе было некогда.

ЭЛЕН. Я ничего не понимаю...

Наливает себе виски, пьет.

МАРК. Перестань пить!

ЭЛЕН. Именно сейчас я не перестану. Я ничего не понимаю. Я помню, что мне постоянно попадались стихи этой Лилиан. Сначала я удивлялась, а потом просто перестала обращать внимание. Так это ты подбрасывал мне ее стихи? Ты с ней знаком? Что ты молчишь?

Марк пьет воду, затем пытается укрепить камеру на треножнике.

ЭЛЕН. Она тоже твоя любовница? Скажи уже правду!

Элен хватается треножник, отшвыривает в сторону.

Кто она такая, эта Лилиан Баррет? Говори!

МАРК. Я.

ЭЛЕН. Что?

МАРК (с улыбкой). В пленительной груди поэта тебя ждало мужское сердце...

ЭЛЕН. Господи, Марк! Какой груди? Какое сердце?

Марк уходит в другую комнату и возвращается с книгой. Элен выхватывает у него книгу, открывает.

ЭЛЕН (читает). Лилиан Баррет – литературный псевдоним известного режиссера и драматурга Марка Слонимски. Поэтический дар... Так это ты? Ты писал эти стихи и подбрасывал мне их?

МАРК. Да.

Она размахивает книгой перед его лицом, а затем швыряет ее в сторону.

ЭЛЕН. И ты хотел, чтобы я поняла твой этот закодированный шифр, услышала за этими строчками твой голос, бросила всё и побежала к тебе?

МАРК. Я надеялся.

ЭЛЕН. На что?

МАРК. На твою любовь, о которой ты говорила всем и всегда. Ты убеждала своих подруг в искренности своих чувств ко мне, а сама с улыбкой на губах сообщала, что зовут, что надо идти, и ложилась в объятия то одного, то другого, то третьего...

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

ЭЛЕН. Ты дурак!

МАРК. Я знаю.

ЭЛЕН. Как? Каким образом я могла услышать эту дебилку Лилиан и догадаться, что это твой голос? Как? И перестань держать эту никому не нужную камеру...

Она пытается выхватить у него камеру, но он не отдает.

МАРК. Ты сломаешь камеру.

ЭЛЕН. Плевать.

МАРК. Ты хотела сказать прощальное слово...

ЭЛЕН. Я ничего говорить не буду. Я стану писать стихи, буду второй Лилиан Баррет. Отдай мне камеру. Что ты в нее вцепился? Отдай...

Она пытается отобрать у него камеру. Завязывается борьба. Ей удается забрать камеру и бросить ее на кровать. Марк отворачивается, тяжело дышит, держится за грудь.

ЭЛЕН. Он мне посылал стихи! Он хотел, чтобы я его услышала! Придумал себе какую-то поэтессу, какой-то шифр и думал, что я догадаюсь. А как я должна была догадаться? Как?

МАРК. Элен, я прошу тебя!

ЭЛЕН. Не смей ни о чем просить, не смей! Ты посылал мне закодированные стихи, а сам в это время писал письма своим любовницам. Писал всем! И они тебе отвечали...

МАРК (*с трудом*). Каким любовницам? Какие письма? Кто мне отвечал?

Элен бросается к кровати, достает пачку писем и бросает ему в лицо.

ЭЛЕН. Вот эти! И все они побывали здесь, все отдавались тебе на этих проклятых шкурках...

Элен швыряет шкурки, подушки, одеда и простыни.

МАРК (*тяжело дыша*). Элен, пожалуйста, никто не отдавался мне...

ЭЛЕН. Не смей мне лгать, не смей обманывать меня. Не смей, не смей!..

Она бьет его по щекам. Марк хватает ее за руки, но силы оставляют его – он опускается в кресло, тяжело дышит.

ЭЛЕН. Никто, говоришь, никто... Я сейчас прочту тебе эти письма. Прочту, и ты убедишься в собственном ничтожестве...

МАРК. Элен! Это старые письма. Они написаны... Пожалуйста, дай мне таблетки.

ЭЛЕН (*не слышит его*). Сейчас, сейчас...

Она разрывает один конверт, достает листок бумаги.

ЭЛЕН (*читает*). Марк, родной, здравствуй! (*Возмущенно.*) Господи! Какой ты ей родной?! Она на двенадцать лет старше тебя. На двенадцать! Она старуха, а ты старый дурак! (*Продолжает читать.*) Да, я была на Бали и, признаюсь, я искренне пыталась найти Элен и сказать ей, что ты обеспокоен ее молчанием. Я очень хотела найти ее, но именно в это время

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

она уехала на два дня отдохнуть. С кем и куда, я не знаю. Но мне сказали, что у нее всё хорошо. Обнимаю тебя, твоя Мэри!..

МАРК. Элен, родная, этим письмам почти сорок лет... Пожалуйста!..

Элен хватает второе письмо, читает.

ЭЛЕН. Привет, Марк! Я не собиралась заезжать в Рим, но решила выполнить твою просьбу и поехала в отель *Villa Spalletti Trivelli*. Я встретила там Генри, продюсера, и спросила про Элен. Он сказал, что все в порядке и все здоровы, но группа уже по дороге во Флоренцию. Я попросила Генри передать ей, чтобы она тебе позвонила... Не беспокойся, Марк! Я уверена, она не пропадет...

МАРК. Элен, пожалуйста...

ЭЛЕН. Что? Что ты хочешь?

МАРК. Не кричи, родная...

ЭЛЕН. Так ты писал все эти письма, чтобы меня образумили, чтобы мне сказали о твоих переживаниях, чтобы сказали, как ты ждешь, и они тебе отвечали...

МАРК. Я только хотел, чтобы тебе напомнили обо мне...

Элен всё еще рвет письма, просматривает, швыряет на пол.

ЭЛЕН. Ты писал Саре, Мэри, Джулии, Анне и всем этим женщинам, только для того, чтобы мне сказали, что ты ждешь меня (*читает*), что ты скучаешь и что ты хочешь услышать мой голос? Да? Ты хотел услышать меня, мой голос, мой смех, да? Ты...

МАРК. Там...

ЭЛЕН. Что, Марк, что?

МАРК. Телефон. Набери единицу. Алекс.

ЭЛЕН. Кто такой Алекс?

МАРК. Мой врач. Единица...

Элен берет телефон, набирает единицу.

ЭЛЕН. Алекс? Марку плохо, слышите, плохо. Да, спасибо... Он сказал, что выезжает. Слышишь?

МАРК. Таблетки...

ЭЛЕН. Господи! Какие таблетки, где?

Марк что-то говорит, но Элен не понимает. Она наклоняется к нему, прижимается к лицу.

ЭЛЕН. Марк, прошу тебя, говори. Скажи что-нибудь...

Она бросается к столешнице, сгребает коробки с таблетками, роняет, поднимает, возвращается к нему. Марк полулежит в кресле без признаков жизни.

Марк! Марк! Вот таблетки, у меня... Сейчас, потерпи...

Элен хватает бутылку с водой, пытается вложить ему в рот таблетку, влить в него воду, но у нее ничего не получается. Таблетка падает, вода выливается ему на грудь. Элен хватается за плечи, трясет. Она пытается поднять его, дотащить до кровати, но у нее не хватает сил. Элен устало опускается рядом.

Зачем? Зачем ты это делаешь? Не уходи, Марк! Пожалуйста! Хочешь, я наведу порядок, приберу постель... *(Поднимается, начинает прибирать постель.)* Я знаю, ты не любишь, когда постель не прибрана. Я всё расстелю, поправлю. Смотри! Тебе нравится? И наши любимые шкурочки положу. Они такие мягкие, нежные. Только я не помню, откуда ты их привез. Ты рассказывал, а я не помню. Потом помою посуду. Как раньше! Тебе нравилось, как я хозяйничаю в доме, как я готовлю завтрак, подаю тебе кофе. Ты меня слышишь, Марк? *(Берет руку Марка, прижимает к груди.)* Пожалуйста, ответь мне, Марк!.. Господи, почему я такая несчастная, почему? Это проклятая работа, эти бесконечные переезды, роли. Зачем? Зачем мне было нужно всё это? Я же любила только тебя. Тебя одного. Мне никто и никогда не был нужен. Я же... Дура, дура, дура! Не надо было ничего. Ничего и никого. Надо было просто быть рядом с тобой, надо было любить тебя, любить и жить. Марк, пожалуйста, прошу тебя, не молчи... Марк! Не умирай, слышишь?! Я не смогу жить без тебя! Не смогу дышать! Я умру, если тебя не станет, слышишь? Прошу тебя, Марк, не оставляй меня! Не покидай, пожалуйста, родной мой, единственный, любимый! Марк! Я люблю тебя! Господи, я любила тебя всегда!.. Слышишь? Ты только не умирай, прошу тебя...

Рука Марка безвольно повисает.

ЭЛЕН. Нет! Нет! Господи, прошу тебя!.. Нет!..

Элен закрывает руками лицо, плачет. За окнами сверкает молния и слышны дальние раскаты грома. Марк неожиданно открывает глаза, с удивлением смотрит по сторонам.

МАРК *(громко)*. Элен!

Элен испуганно вскакивает, кричит, хватается за голову.

ЭЛЕН. Ты... Ты живой! Марк! Ты живой!

Она бросается к нему, обнимает, целует.

МАРК. Ты плачешь?

ЭЛЕН. Это от счастья, Марк! Это от радости...

МАРК. Правда? В таком случае сделай нам два кофе.

ЭЛЕН. С удовольствием! *(Идет в другую комнату, но останавливается.)* А кому это нам?

МАРК. Мне и Лилиан...

В это время раздается звонок в дверь. Элен и Марк смотрят в сторону двери.

Свет медленно гаснет.

КОНЕЦ

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

*Константин Прохоров
(Омск)*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОСЛЯТКИНЕ

*(сказка про удивительных осликов,
во многом похожих на ребят)*

Посвящается Сонечке

Глава 1

О том, как небезопасно принимать в подарок тыкву

Однажды тёплым летним вечером, после необыкновенно мокрого дождя, два упитанных ушастых ослика – братцы Ося и Родя – шли по дорожке, возвращаясь домой из гостей, шлёпая копытцами по лужам и мечтая поскорее попасть в объятия своей любимой мамочки. Ослики были похожим друг на друга как две капли воды, только у Оси кисточка на кончике хвоста была светлая, а у Роди – тёмная. Так их и различали. Каждый из осликов тянул за собой скрипучую тележку, наполненную разными полезными в хозяйстве и просто приятными вещичками, без которых ну никак не хотели отпускать их милейшие дядюшка Тиша и тётушка Иша. Что и говорить, волнующее это дело – ходить в гости! В тележках каким-то чудесным образом разместились: и нежная зелень с огорода, укрытая большими капустными листьями, и увесистые мешочки с овсом, и несколько корзин с румяными яблоками, но венцом всего была тыква, огромная пузатая золотистая тыква, которая с трудом втиснулась в узкую тележку Роди, заняв в ней добрую половину места.

– А что, Ося, далеко нам ещё идти? – кряхтел Родя, недовольно глядя себе под ноги. – Мне страсть как надоела эта слякоть!

– Взгляни лучше на небо, – восторженно отвечал Ося, – там такая радуга, какой я в жизни не видал!

Родя ненадолго поднял голову вверх, равнодушно провёл своими выпуклыми глазами по изумительной радуге, перекинувшейся изящным невесомым мостом между двумя пышными облаками, и хмуро заключил:

– Сегодня какая-то тучная погода! Нам лучше поторопиться, чтобы не блуждать потом в темноте!

Светлая кисточка на хвосте брата от неожиданности подпрыгнула и сделала полный оборот в воздухе, при этом Ося весело сказал:

– А Мама говорила, что Земля круглая, и если долго-долго идти в какую-нибудь сторону (всё равно в какую сторону!), то когда-нибудь придёшь домой.

– Гм, – недоверчиво хмыкнул Родя, при этом его тёмная кисточка на хвосте едва не волочилась по земле. – Прости меня, но Мама тоже может ошибаться...

– Как же она может ошибаться, – возмутился Ося, – она же Мама!

– Может, – упрямо повторил Родя, – я старший брат и знаю лучше!

– А Мама говорила, что её нужно слушаться! – не соглашался Ося.

Родя, который на самом деле был куда более послушным осликом, чем Ося, разозлился.

– Помнишь, Мама сначала решила, что мы с тобой пойдём к дядюшке Тише послезавтра, а когда я ей сегодня утром сказал, что послезавтра уже наступило, она вдруг заявила, что послезавтра не может наступить никогда. Вообрази себе: никогда!

– Ну и что? Мы с тобой всё равно сходили в гости, сегодня это было или послезавтра, – спокойно рассудил Ося, продолжая любоваться вечерним небом. – Главное, что у нас с тобой теперь две полных тележки с подарками. Ведь сколько осликов в целом мире не имеют сейчас подарков!

– Сколько? – спросил Родя.

– Что «сколько»? – не понял Ося.

– Сколько осликов не имеют подарков? – глаза Роди были широко и любознательно раскрыты.

– Ну я не знаю точно, – смущённо ответил Ося, – просто так говорят...

– Зачем же говорить о том, чего не знаешь? – укоризненно покачал головой Родя.

– Прости, я больше не буду.

Какое-то время ослики шли молча. Солнце медленно садилось за горизонт. В воздухе кружили быстрокрылые ласточки. Легко дышалось. Вечер был настолько восхитительным, что Осе вновь захотелось как-нибудь высказаться по этому поводу.

– Милое солнышко! – потихоньку начал он, косясь одним глазом на строгого братца. – Ты, конечно, отдохни и поспи немного, только завтра утром, пожалуйста, снова забирайся на небо, а то нам здесь будет холодно и грустно без тебя!..

– Что ты там бормочешь? – насмешливо спросил Родя.

– А тебе-то что? – недовольно отозвался Ося. – Это мой личный разговор с солнышком!

– Хи-хи-хи, – прыснул от смеха Родя, но вскоре вдруг тоже стал потихоньку бубнить себе под нос. – Интересно, – принялся размышлять он вслух, – почему это никого, кроме меня, во всей округе не волнует грязь на дороге? И сколько можно уже обходить эти отвратительные лужи, в которых к тому же ещё и попадают всякие гадкие лягушки!..

– Милые ласточки! – подняв голову вверх, взывал к обитателям неба Ося. – Ах, как бы мне хотелось иметь такие же крылышки, как у вас! Мы бы вместе радовались ветерку и парили над землёй...

– А ямы, а эти корни деревьев, торчащие прямо на пути! О них же можно запнуться и переломать себе все четыре ноги! – слышалось рядом ворчание Роди. – Конечно, я готов страдать молча, но чтобы все об этом знали...

Вскоре стемнело, на небе – одна за другой – зажглись яркие звёзды, а из-за тучи показался узкий серп молодого месяца.

– Как же мне нравится не спать ночью и разглядывать эти маленькие огоньки! – восторженно восклицал Ося.

– А это там что ещё за крючок наверху повесили? – наконец оторвал свой взгляд от земли Родя.

– Я слышал, Мама говорила, что это кусок большой тыквы, – загадочно прошептал Ося, при этом ночной полумрак с трудом скрывал его хитрую улыбку.

– Неужели правда? И кто его туда смог забросить? – всерьёз удивился Родя, невольно оглядываясь на свою тележку.

Смутные очертания его собственной тыквы таинственно проступали в лунном свете.

– Её забросил туда один сильный-пресильный ослик! – продолжал фантазировать Ося, мысленно представляя себя в роли великолепного тыквометателя.

– Вот это да, мне бы такую силу! – вздохнул Родя.

– Да тебе до этого далеко, – согласился Ося.

– Это почему же далеко? – возмутился Родя. – Хочешь, я сейчас же разобью свою тыкву на мелкие кусочки и все их заброшу в небо, прямо рядом с той висящей коркой?

– Конечно хочу! – с восторгом поддержал идею Ося, который был всегда не прочь немного побезобразничать.

Ослики остановились у опушки леса, до дома было уже недалеко. Они быстро отцепили тележки и с жаром принялись за дело. Труднее всего было опустить гигантскую дядюшкину тыкву на землю. Пришлось усиленно толкать её передними копытами. Зато потом удача улыбнулась им: упав с тележки, тыква сама разбилась на множество частей...

– Давай быстрее! – в восторге кричали ослики. – Кто первым докинёт до неба!

Они жадно хватили куски спелой тыквы зубами, отводили голову в сторону и, вращаясь, с силой запускали свои метательные снаряды в направлении серебристого месяца.

– Ух ты, вот это здорово! – восклицали Ося и Родя каждый раз, когда кусок тыквы высоко взлетал над лесом.

– Ой! Ой-ой-ой! Помогите, спасите! – вдруг запричитал кто-то в лесу.

– Кажется, до месяца мы не докинули, – испуганно прошептал Ося.

– Да, и ещё, похоже, кого-то там тыквой бабахнули, – загрустил Родя. – Может, сбежим, пока не поздно?

Однако из леса уже показался здоровенный рассерженный медвежонок Стёпа, голова которого словно каской была накрыта большой коркой от тыквы.

– Здравствуй, Стёпа! – робко и миролюбиво сказали ослики, стараясь не глядеть на головной убор медвежонка. – Ты ещё не спишь?

– А-а, ослята, – протирая глаза, хмуро сказал Стёпа, – вообще-то, я спал, как вдруг на меня сверху свалилось что-то тяжёлое и – хрясь! – сразу разлетелось в разные стороны. Что бы это могло быть?

– Прямо не знаю, что и предположить... – заплетающимся языком сказал Родя, заслоня собой остатки тыквы, валявшиеся на земле.

– Тебе было больно? – сочувственно поинтересовался Ося.

– Мне было обидно, всё-таки я медведь! – ответил Стёпа, осторожно снимая с головы жёлтую корку и стряхивая с носа тыквенные семечки. – А это, хотелось бы знать, что такое?

– Похоже на тыкву! – сказал Ося, преданно глядя в глаза медвежонку.

– Сам вижу, что не арбуз! – соображал Стёпа. – Откуда эта штука на меня свалилась? Быть может, тыквы на деревьях растут?

– Конечно, растут! – с горячностью поддержал безопасную для осликов версию Ося. – Где же им ещё расти, как не на тыквенном дереве...

– Что-то я не встречал в нашем лесу прежде тыквенных деревьев, – почесал ушибленный затылок Стёпа. – А вы откуда идёте так поздно?

– Немного задержались у дяди Тиши из-за дождя, – старательно улыбаясь, сообщил Родя. – Вот подарочков они нам с тётушкой надавали: яблочек там, капустки...

Глаза медвежонка вдруг сузились:

– А не было ли случайно среди этих подарочков какой-нибудь тыквы?

– О чём ты говоришь! – возбуждённо замотали головами ослики. – Наши родственники тыквами совершенно не интересуются! Что это за пища такая – тыква, кто её есть будет...

– А это что такое валяется? – строго спросил Стёпа, заглядывая за спину Роди, почти присевшего на землю от страха. – Уж не тыква ли?

– Прости, Стёпа, прости! – жалобно взмолился Родя. – Это Оська сказал, что на небе висит кусок тыквы, а я решил подвесить с ним рядышком ещё один ломтик!

– Так это ты придумал? – медвежонок угрожающе повернулся к Осе.

– Извини, Стёпа, я просто пошутил, а Родька и поверил, как будто месяц сделан из тыквы!..

– Так ты что, меня обманул? – забыв про медведя, грозно вскочил на ноги Родя.

– Да, присочинил немного, – сознался Ося, – пора бы тебе знать, что месяц сделан совсем не из тыквы, а из... очень большой-пребольшой дыни!

– Опять врёшь, наверное! – сказал Родя, но почему-то, облизнувшись, с грустью посмотрел на небо.

Стёпа ещё не ходил в школу и потому скромно промолчал, предпочитая не вмешиваться в учёный разговор осликов.

Затем Ося, желая поскорее загладить вину перед медвежонком, обратился к нему со следующими проникновенными словами: «Стёпа, можно тебя угостить яблочками?» и, не дожидаясь ответа, крепкими зубами достал из своей тележки самую большую корзину со спелыми фруктами и вежливо протянул её медвежонку.

– Ладно, чего уж там! – дружелюбно ответил Стёпа, принимая щедрый подарок. – Только в другой раз будьте поосторожнее. Ваше счастье, что вы не угодили тыквой в моего папу...

Ослики захихикали вместе с медвежонком, затем, попрощавшись, быстро подхватили свои наполовину опустевшие тележки и поспешили домой. В сгустившемся ночном мраке постепенно затихало ворчание Роди:

– Как ты мог обмануть меня, своего брата, самого старшего из детей?!

Глава 2

О том, как Ося и Родя загадывали желания

На следующее утро Ося и Родя проснулись довольно поздно. Родители уже ушли на работу к мельнику, оставив на столе строгую записку, которую Родя нехотя прочёл по слогам: «СИ-ДИ-ТЕ ДО-МА И НЕ ВЗДУ-МАЙ-ТЕ БОЛЬ-ШЕ НИ-КУ-ДА ХО-ДИТЬ! ПА-ПА И МА-МА».

– Начинается! – сказал Ося. – Вот уже и погулять нельзя.

– А пойдём во двор, – предложил Родя, – попробуем, вкусен ли дядюшкин овёс...

Осе идея понравилась, и ослики, потягиваясь спросонья, вышли во двор. Солнце стояло уже высоко, заливая ярким светом окрестности Ослятина, милой деревеньки, где проживали братья.

– Здравствуй, солнышко! – промурлыкал Ося. – Как тебе спалось ночью?

– Лучше и не напоминай про эту ночь, – попросил Родя, – я вчера так устал, что мгновенно захрапел и даже снов не смотрел...

– А мне как раз приснился один замечательный сон, – вспомнил вдруг Ося. – Как будто мы вчера случайно сбили месяц, потом долго его с тобой искали, а когда нашли, съели.

– Ну и какой он был на вкус? – любопытствовал Родя.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Я же тебе говорил, что месяц – это большая спелая дыня... – с улыбкой ответил Ося.

– Ты врёшь, ты сильно врёшь! – возмутился Родя. – И как тебе так ловко удаётся придумывать?

– Это потому, что у меня мозги умные, – важно ответил Ося и залез мордой в первый попавшийся мешочек с овсом. – У-у, какая вкуснятина!

– Подожди, мы ещё не чистили зубы! – укусил брата за хвост Родя.

– А смысл? – спросил Ося, недовольно вынимая голову из мешка.

– Ты забыл, что Мама рассказывала про микробов? – сделал страшные глаза Родя.

– А что Мама рассказывала про микробов? – Ося сделал вид, будто он ничего не помнит.

– Как? – изумился Родя. – Мама говорит, что зубы нужно обязательно чистить и утром, и вечером.

– Объясни зачем! – попросил Ося.

Родя немного сам подзабыл причину и потому, возможно, не совсем точно передал Мамины слова:

– Потому что... на чистые зубы микробы не садятся!

Такой ответ Осе понравился.

– Здорово! – сказал он. – Так иди и почисти зубы и за себя, и за меня, а я пока постерегу подарки.

Почуввав неладное, Родя подбежал к тележкам и закрыл их широкой грудью:

– Нет, уж лучше ты иди чистить зубы, а я, так и быть, побуду здесь!

– Ну дела! – воскликнул Ося. – А как же микробы? А ну, давай сюда мои продукты, я сам о них позабочусь!

Родя нехотя оттолкнул от себя тележку брата:

– На, ешь, грязнуля!

– Приятного аппетита, чистюля! – со смехом ответил Ося.

И ослики тут же принялись завтракать, с немыслимой скоростью уничтожая многострадальный дядюшкин провиант.

Спустя несколько минут тележки были абсолютно пусты. Даже трудно было представить, что когда-то в них находились немалые съестные припасы. Пара шустрых рыжих муравьёв пыталась ещё что-то отыскать на дне тележки Оси, но дело это было бесполезное. Свой плотный завтрак ослики запили прохладной чистой водой из колодца.

– Я, кажется, наелся, – с трудом проговорил Ося и грузно повалился в небольшой стог сена у забора.

– Я тоже, – икая, подтвердил Родя и свалился рядом с братом.

Немного полежали молча, поглядели в безоблачное небо.

– А чего бы ты хотел больше всего на свете? – неожиданно спросил Ося, вяло пожёвывая травинку.

– Много чего, – с трудом ответил Родя, – но только уже не есть...

– А давай сходим на старую мельницу и загадаем желания! – предложил Ося. – Я слышал, они часто исполняются, но только при трёх обязательных условиях...

– Каких таких условиях? – поинтересовался Родя.

– Если очень сильно захотеть, попросить от чистого сердца и... не для себя, – медленно перечислил Ося, стараясь ничего не пропустить.

– Что же тут хорошего, если просить не для себя? – удивился Родя.

– А разве ты не желаешь ничего доброго другим осликам? – укоризненно покачал головой Ося.

– Желаю, наверное, – устыдился Родя, – но всё равно просить для себя как-то интереснее.

– А давай вот что сделаем, – озарило Ося, – ты будешь просить у старой мельницы того, чего хочу я, то есть подарок для меня, а я – того, чего хочешь ты... Ну как, здорово?

– Просто класс! – восхитился Родя. – Только ты уж хорошенько запомни моё желание и ничего не перепутай.

– Это ты смотри не перепутай, я никогда ещё ничего не перепутывал! – с трудом выговорил последние слова Ося.

Ослики в необычайном возбуждении вскочили на ноги и, забыв про предупреждение родителей, тут же побежали к старой мельнице, которая, подобно рыцарской крепости, гордо возвышалась на крутом берегу реки.

– Подожди, Ося, а какое у тебя заветное желание? – спросил по дороге Родя. – Я же должен его знать.

– Слушай и запоминай, – важно ответил Ося, сбавляя шаг. – Я хочу, как бы это тебе сказать... самую-самую потрясающую форму генерала-спасателя... с орденами, конечно! Но только ещё с разноцветными блёстками на плаще...

– Ну ты даёшь! – вознегодовал Родя. – Это же всегда было моим желанием! Нельзя же нам двоим ходить по деревне в одинаковых костюмах, мы с тобой и так чересчур похожи.

– Может, тогда придумаем что-нибудь другое? – печалась по несостоявшейся военной форме, предложил Ося. – Чтобы никому не было обидно.

– Если это не одежда и не пища, – стал размышлять Родя, – то я согласен на собаку. Только на красивую, лохматую и ужасно породистую. В общем, проси у мельницы для меня такую собаку.

– А я хотел бы найти себе какого-нибудь нового друга, – мечтательно сказал Ося.

– Ослика? – уточнил, на всякий случай, Родя.

– Это неважно, – великодушно ответил Ося, – я одинаково отношусь ко всем животным: домашним, уличным и даже самым диким!

– Дикие могут укусить, – напомнил осторожный Родя.

– Кто бы говорил! – засмеялся Ося. – Ты только что, за завтраком, едва не отгрыз мне хвост! Из-за какого-то овса.

– Прости, я не специально...

– Нет, ты это специально сделал!

Так, мило беседуя, братцы довольно быстро подошли к старой мельнице. Вблизи она была огромна. Её могучие жернова бездействовали, зерно уже давно не мололось, однако место это по-прежнему удивительным образом притягивало к себе многих осликов. Хотя деревянные стены мельницы уже почернели от времени, изнутри через щели часто доносились какие-то странные, пугающие звуки, да и пахло здесь чем-то резким, не сказать чтобы приятным.

Ослики робко переглянулись.

– Давай поздороваемся вместе! – предложил Ося. – Три-четыре: здравствуй, мельница!..

Однако Родя промолчал.

– Ты что? – раздражённо повернулся к нему братец.

– Мне страшно, Ося! – прошептал Родя и вдруг быстро побежал от мельницы в сторону и спрятался неподалёку в кустах чёрной смородины.

– Чего ты испугался, ты ведь среди нас старший?

– Да, но это твоя была идея придти сюда!

– Хорошо, тогда я сам поздороваюсь, только не забывай, что загадывать желание придётся и тебе, – напомнил уговор Ося, набрал полные лёгкие воздуха и громко прокричал. – Здравствуй, многоуважаемая мельница! – и вежливо поклонился.

Ослики немного подождали, однако ответа не последовало.

– Почему она всё время молчит? – недовольно спросил Родя, выглядывая из кустов.

– А ты встречал когда-нибудь говорящую мельницу? – задал встречный вопрос Ося.

– Вообще-то нет, – признался Родя.

– А почему тогда решил, что эта должна разговаривать? – Ося, как всегда, был очень убедителен.

– Да, но зачем тогда ты с ней здороваешься? – изумился Родя.

– Как же мы можем о чём-то просить мельницу, если даже с ней не поздоровались? – ничуть не смутившись, ответил Ося.

– А-а, – сказал Родя, – с тайной грустью сознавая, что ему, наверное, никогда не постичь Осиных мыслей, всегда почему-то скорее глубоких, чем ясных.

– Ладно, раз она и в самом деле неговорящая, давай уже загадывать желания, – заторопился Ося. – В общем, повторяй за мной все слова, громко и с выражением, а в самом конце каждый пусть скажет своё, как договаривались...

– Хорошо! – согласился Родя.

– Почтеннейшая мельница! – оглянувшись по сторонам, торжественно начал Ося, которому, словно эхо, вторил из кустов заикавшийся от страха Родя. – Мне бы очень хотелось... от чистого-пречистого сердца... попросить у тебя (и совсем даже не для себя... а для своего дорогого, любимого братца!)... какую-нибудь красивую, умную... и необыкновенную собачку...

– И лохматую! – добавили из смородины.

– И лохматую, – автоматически повторил Ося. – Стоп! Ты должен был сказать совсем другое!

– Прости, забыл, – спохватился Родя и тут же протараторил: – А для моего брата – какого-нибудь нового друга, если можно, конечно!

– Вот, теперь всё правильно, – одобрил Ося.

– Ты думаешь, получится? – неуверенно спросил Родя.

– Так, – как бы невзначай косясь на мельницу, подвёл итог Ося, – с большой охотой мы пришли сюда загадывать желания? – И сам себе ответил: – Да, с большой, преогромной!.. От чистого сердца просили?..

В этот самый момент откуда-то из-за мельницы вдруг вылез обыкновенный рыжий, вислоухий, совсем не лохматый щенок и, виляя хвостом, уселся на солнышке.

– Получилось! – в восторге прокричал Ося и тут же, взметая клубы пыли, помчался к щенку, бережно подхватил его зубами за загривок и, пританцовывая на месте, стал энергично потряхивать им в воздухе.

Щенок как мог пытался вырваться из плена и недоумённо тявкал.

– Это и есть моя собака? – с сомнением в голосе спросил Родя, осторожно выбираясь из своего укрытия. – А какой он породы?

– Это неважно! – процедил сквозь зубы, чтобы не уронить щенка, Ося, затем осторожно положил его на землю, довольно ткнул влажной мордой ему в животик и расплылся в улыбке. – Главное, что у нас получилось, с первого же раза!

– Похож на дворнягу, – разглядывая щенка вблизи, скептически сказал Родя, – и шерсть у него какая-то коротенькая...

– Сейчас, сейчас! – трепетал от волнения Ося. – Сейчас появится и мой друг! Ты ведь от чистого сердца попросил?..

– Кажется, да! – думая о своём, рассеянно ответил Родя.

– Что значит «кажется»? Так и было, я собственными ушами слышал! – выговаривал брату Ося.

Однако больше от этой мельницы добиться им ничего и не удалось. Никакие ослиные заклинания на неё почему-то совершенно не действовали.

– Мой друг! Где же мой друг? – горько вздыхал Ося, когда они наконец вынужденно двинулись в обратный путь. – погоди же у меня, старая мукомольня!

Щенок радостно бежал по дороге впереди тихоходных осликов. Похоже, он легко смирился с тем, что им всем теперь предстоит жить вместе.

– Как тебя хоть зовут, малыш? – снисходительно спросил щенка Родя.

– Дружок! – весело ответил он, ловко встав на задние лапы и высунув длинный алый язычок.

– Слышишь, Ося, его зовут Дружок, – как будто на что-то намекая, сказал Родя.

– Ну и что, – не понял огорчённый Ося.

– Так ведь ты просил себе друга, – терпеливо напомнил Родя. – Вот прижимистая мельница, возможно, и выдала нам один подарок на двоих: для меня собаку, а для тебя Дружка.

– Какой ты умница, Родя! – восхитился Ося. – Несомненно, так всё и было, как же я сам не догадался! Милая, милая мельница! – тут же прошептал ослик, обернувшись к ней, теперь издали казавшейся размером чуть больше спичечного коробка. – Ты прости меня, пожалуйста, за то, что я сгоряча обозвал тебя старой мукомольней! Ты хорошая, добрая, я знаю... Помоги нам ещё только разочек: пусть Папа с Мамой нас не ругают за то, что мы сегодня ходили к тебе в гости и взяли домой Дружка... Пусть у нас теперь всё будет хорошо!

И мельница, казалось, тихонечко кивнула Осе.

Глава 3

О том, как Дружок спас осликов от страшного серого волка

Когда Ося и Родя привели Дружка домой, то даже не подозревали, как сильно он может вскоре всем пригодиться. Папа с Мамой, конечно, вначале были немного недовольны, но затем вспомнили своё детство, какую-то другую собаку и в конце концов, добродушно улыбаясь, выделили во дворе щенку самый уютный уголок. Папа откуда-то притащил большой деревянный ящик, который стал для Дружка просторной конурой, Мама кормила щенка разными кашами с овощами, а мясо он где-то находил сам. Ослики же с Дружком каждый день вместе играли и носились вокруг деревни до полного изнеможения. В общем, жизнь у обитателей Осляткина протекала мирно и беззаботно, пока однажды глубокой тёмной ночью их покой не потревожил волк.

Зверь этот из дремучего леса, как водится, был страшно злым и ужасно голодным. Он бесшумно прокрался по единственной улице, на которой тесно прилепились друг к другу домики соседей-осликов, и остановился возле забора, за которым беспечно похрапывал Дружок. Чёрной тенью переметнулся волк во двор, мельком взглянул на тщедушного щенка и направился сначала в сарай, где рассчитывал отыскать какую-нибудь живность. Однако там оказался обыкновенный амбар, в котором ослики держали запасы зерна, овощей и фруктов.

«Как они едят эту гадость? – мрачно подумал волк, подбежал к дому и, хищно оскалившись, стал заглядывать в открытые окна. – Не полакомиться ли мне сегодня каким-нибудь осликом?»

– Здорово, Серый! Чего не спится? – неожиданно услышал он откуда-то сверху пугающе гулкий и как будто знакомый голос.

Волк злобно оглянулся по сторонам, посмотрел наверх, но никого не увидел. Даже маленький щенок куда-то исчез.

– Кто ты? – недовольно спросил волк. – И откуда знаешь меня?

– Я тот, кто знает всё! – торжественно ответил голос.

– Сова, что ли? – недоумённо прохрипел волк.

– Сам ты сова! – в голосе послышалась досада. – Я знаю больше!

– Филин? – продолжал гадать волк, озираясь вокруг, ему уже стало неуютно на этом дворе, где было так мало добычи и так много разговаривали.

– Хорошо, пусть будет филин, – неожиданно согласился голос и для убедительности пугающе прокричал «уху-уху!» и громко захохотал.

– Слушай, филин, – попросил волк, – ты, конечно, птица в лесу авторитетная, но лучше замолчи... Я сейчас такой голодный, что могу и тебя съесть, вместе со всеми пёрышками!

– Я невкусный и вообще несъедобный! – сразу же закрыл эту тему голос. – Скажи лучше, как там поживает твой волчонок Зубастик?

– Ты знаешь этого бездельника? – смягчился волк.

– Я знаю всё, – напомнил голос.

– Как поживает – сидит дома, ждёт, не принесут ли ему с охоты чего-нибудь вкусненького, – раздражённо сказал волк.

– Зря, Серый, ты сюда пришёл, – продолжил голос, – в лесу ищи себе пропитание!

– Легко сказать, – пожаловался волк, – зайцы, знаешь, сейчас, как быстро стали бегать? Не угонишься! Тренируются целыми днями. К гусям не подберёшься – взлетают сразу, как самолёты. Суслики и те распоясались: дрыгают ножками, танцуют прямо перед глазами, а чуть ими заинтересуешься – раз, и уже нет никого...

– Так ты бы тоже, того, потренировался немного, – посочувствовал голос, – или переходил бы уже на кисломолочные продукты.

– Хищник я! – обиделся волк. – Ты сам-то чем питаешься?

– Мне Мама кашу варит... – простодушно сказал голос, но тут же запнулся, осознав, что сболтнул лишнее. – Вообще-то, в последнее время я мышей ловлю.

– Ах, как бы мне сейчас хотелось проглотить десяток-другой жирных мышек! – мечтательно сказал волк.

– А если я тебе открою, где самые лучшие мышинные места, и у тебя добычи будет видимо-невидимо, ты не станешь больше приходить в Осляткино?

– Конечно нет! – обрадовался волк. – Мыши мне даже больше по вкусу, и совесть потом не мучает, они ведь вредители в сельском хозяйстве...

– Хорошо, – важно сказал голос, – ступай к старой мельнице, зайди за неё со стороны реки – там мышинное царство!

– Неужели? – удивился волк. – Слушай, филин, а как ты их ловишь?

– Так и быть, открою тебе один секрет, – голос перешёл почти на шёпот и принялся увлечённо рассказывать о премудростях мышинной охоты, – этого зверя лучше всего выманивать из норы сыром...

– Да, но где я возьму сыр? – расстроился Серый, очень любивший слушать охотничьи истории.

– Ладно, из погреба возьми, – милостиво сказал голос, – только немножко, а то знаю я вас!

Благодарный волк потянул зубами крышку летнего погреба во дворе. Кое-как справившись с задачей (при этом крышка, падая, всё равно крепко треснула Серого по лбу), он, постанывая, нагнулся в открывшуюся кладовую и жадно ухватил там с верхней полки целую головку свежего ароматного сыра.

– Так я пошёл? – вопросительно промычал волк, роняя слюну.

Однако в этот самый момент по какой-то ночной надобности на пороге дома появился заспанный Родя. Он увидел перед собой здорового серого волка, с глупым видом почему-то державшего в зубах любимый Мамин сыр, от чего ослик как-то особенно рассвирепел, и завопил на всю округу, не разобравшись, в чём дело:

– Караул, нашу еду воруют!

Все ослики в доме мгновенно проснулись и с шумом высыпали во двор. Однако им удалось увидеть только спину волка, испуганно прыгающего через забор. Похитителя пытался ухватить за хвост залиvisto лающий и чем-то весь перепачканный Дружок. При этом он почему-то одновременно гостеприимно выкрикивал: «Привет Зубастик и ещё вашей маме!»

– Это что такое делается! – громко возмущался Родя. – Волки сыром уже стали питаться!

– Это всё от изменения климата, – предположил Ося.

– Уж лучше сыром, чем осликами, – мудро заметил Папа.

– Ничего, мы ещё сыра наварим! – успокоила всех Мама.

Затем ослики обратили внимание на Дружка, который скромно сидел в сторонке и всё время отряхивался.

– А ты, сторожевой пёс, почему не залаял сразу, когда к нам пробрался волк? – недовольно спросил его Родя.

– А тебе надо, чтобы всё было... блистательно! – заступился за Дружка Ося, который спросонья не мог сразу подобрать нужных слов.

– Не знаю, – ответил щенок, пряча глаза, – это было ужасно!

– Ты, наверное, испугался и где-то спрятался? – спросила щенка Мама.

– Да, я спрятался на крыше, в трубе, – стыдливо признался Дружок.

– Как ты туда забрался? – изумился Ося. – Ты весь в саже!

– Сначала я залез на стог сена, – объяснил щенок, – но потом подумал, что волк меня там может найти, и со страху перелез на забор, а оттуда уже прыгнул на крышу... Волк тогда был в амбаре. Когда он вышел, я попятился вглубь крыши и не заметил, как одной лапой попал в печную трубу и тут же провалился. Однако дымоход у нас такой узкий, что я в нём сразу же застрял...

– Бедный щенок, – воскликнула Мама, – я тебя сегодня помою!

– И всё-таки я не могу понять, – сказал Папа, любивший всегда и во всём доходить до сути вещей, – почему этот странный волк не напал на нас через открытое окно, а полез в закрытый погреб за сыром?

– Почему? – повторили ослики и все снова внимательно посмотрели на Дружка.

– И кому это ты, интересно, передавал приветы? – подозрительно спросил Родя.

Пришлось Дружку подробно рассказывать, как было дело. Узнав о том, что волк поначалу и не помышлял о сыре, ослики ужаснулись. Затем улыбнулись и рассмеялись, представив себе Дружка в роли мудрого филина, ухающего из трубы. И уже совсем расхохотались, услышав о том, как крышка погреба со всего маху огрела Серого по голове.

– А ведь Дружок у нас сегодня – герой! – наконец серьёзно сказал Папа.

– Да, да! – с жаром согласились все.

– Никакой я не герой, – смущённо ответил щенок, – просто, прежде чем вы взяли меня к себе жить, я немного дружил с волчонком Зубастиком и даже был у него однажды в лесу, поэтому и узнал Серого, а он меня, похоже, так и не узнал...

– Всё равно, ты проявил находчивость и спас кому-то из нас жизнь, – перебил Дружка Папа.

– А может быть, и всем нам спас жизнь! – добавила Мама.

– Одним словом, мы решили тебя наградить, – переглянувшись со всеми осликами, одобрительно кивавшими головами, сказал Папа.

– Наградить, наградить! – запрыгали от восторга Ося и Родя.

На улице светало, верхний краешек солнца уже осторожно показался над тихой рекой.

– Итак, – торжественно возвысил голос Папа, его большие длинные уши радостно светились в первых солнечных лучах, – мужественный щенок Дружок награждается медалью «За спасение семейства осликов» высшей степени (эту медаль я сегодня лично возьму у мэра Осляткина), и ещё ему вручается два... нет, три ведра отборной морковки и пять лучших початков кукурузы...

– Вот это да! – восхитились Ося и Родя. – Три ведра морковки, да ещё кукуруза!

– Дорогой, ты действительно самый щедрый и благородный из всех осликов! – умилилась Мама, ловко вытирая слёзы пушистой кисточкой хвоста. – Поздравляю, Дружок, ты этого достоин!

Щенок, опьяневший от счастья, принимал поздравления со всех сторон. Он терпеть не мог моркови и кукурузы – всем овощам он предпочёл бы добрую мозговую косточку, – однако об этом он благоразумно никому не сказал. Ведь Дружок был очень умным и деликатным щенком. Он понимал, что выше награды у осликов просто не существует, а также чувствовал, что с такими друзьями, как Ося и Родя, никакая морковка с кукурузой у него не залежится!

Глава 4

О том, как Ося и Родя вновь ходили в гости

Приблизительно через неделю – хотя трудно о том сказать наверняка, ведь ослики обычно считают только до пяти – Ося и Родя надумали вновь посетить своего дорогого дядюшку. Папа с Мамой разрешили им прогуляться при условии, что они возьмут с собой два больших полосатых арбуза в качестве ответного дара родственникам. Поэтому Ося и Родя вновь весело запряглись в тележки, – в которые прежде щедро навалили сена, а сверху закинули увесистые арбузы, – и двинулись в путь. Дружка, что важно прохаживался по двору с блестящей на солнце медалью, пристёгнутой к ошейнику, подхватили на ходу и без церемоний усадили в тележку к Роде.

Утро выдалось свежим и прекрасным, и весь день обещал быть тоже замечательным. Поклажа о себе немного давала знать, однако Ося и Родя были очень сильными осликами и при слаженной работе легко заменяли собой старенький деревенский трактор.

– Вот придём в гости, – мечтал вслух Родя, быстро шагая по знакомой дорожке, – тётушка Иша обрадуется, вымоет наши арбузы чистой водой, положит на стол, а дядюшка Тиша возьмёт в зубы острый нож и нарежет их!

– Не нарежет, а разрежет! – поправил братца Ося.

– Ну я и говорю – зарежет! – продолжил Родя. – А внутри они такие красные-красные, сладкие-сладкие, с большими чёрными семечками...

– Ах, пожалуйста, замолчи! – взмолился Ося. – А то я свой арбуз точно не довезу, сейчас же разгрызу его и съем...

Один лишь Дружок, зевая, равнодушно смотрел на большие круглые зелёные плоды, на ходу подпрыгивавшие в тележках. Потому что собаки арбузов не едят.

Проходя мимо леса, ослики вновь встретили медвежонка Стёпу. Он куда-то спешил по своим медвежьим делам, неся корзинку, полную спелой малины, и потому лишь издали помахал осликам лапой. Те ему в ответ вежливо кивнули.

– Хороший медвежонок, не злопамятный, – потихоньку сказал Ося.

– Да, мог бы нас с тобой тогда крепко поколотить! – с улыбкой вспомнил Родя.

– А что, что случилось? – заинтересовался Дружок. – Расскажите мне!

Ослики, перебивая друг друга, красочно описали, как они пытались забросить в ночное небо дядюшкину тыкву, а в итоге попали в медвежонка. Дружок сильно возмутился их поведением и сказал, что так себя вести ни в коем случае нельзя. И даже добавил:

– Жаль, что меня с вами не было!

– А что бы ты сделал, если бы тогда был с нами? – с любопытством спросил его Ося.

– Я... да я бы... дальше вас закинул эту тыкву! – азартно воскликнул Дружок. – Знаешь, как я хорошо кидаюсь?

После этих слов все дружно засмеялись.

– Волк, смотрите – волк! – закричал вдруг Родя, увидев вдалеке Серого.

– Кого-то он уже тащит в лес! – с опаской сказал Ося.

– Да это же мыши! – присмотревшись, удивлённо воскликнул Родя.

Волк, не обращая внимания на осликов, ленивой трусцой бежал от старой мельницы по направлению к лесу и действительно держал в зубах за хвостики сразу нескольких крупных мышей.

– А ты это хорошо придумал! – в один голос восхищённо сказали Ося и Родя, повернув головы к Дружку.

– Да чего там, ладно... – от удовольствия замахал хвостиком щенок. – Пусть себе мышей ловит, хищник!

Так, за приятными разговорами, друзья к полудню подошли к большому красивому дому дядюшки Тиши. На пороге их встретила гостеприимная хозяйка.

– Здравствуйте, мои драгоценные племянники! – обрадовано сказала тётушка Иша. – Дайте я вас всех обниму да расцелую!

Ослики с ней нежно обнялись и поцеловались.

– А это, тётушка, наш Дружок, познакомься! – представил щенка Ося.

– А-а, собачку себе завели, – сдержанно улыбнулась хозяйка.

– Это я себе осликов завёл... – недовольно пробурчал Дружок.

Прошли в дом, и там продолжили обниматься и целоваться, только уже с дядюшкой Тишей. Старый ослик с радостью отложил свои дела, чтобы немного поболтать с племянниками. Он обычно с утра сочинял стихи, но сегодня, похоже, особого вдохновения не испытывал.

– Ну что, понравилась вам моя тыква? – начал с самого главного хозяин дома, как только гости удобно расселись по креслам.

Ося и Родя стыдливо переглянулись. Дружок едва слышно хихикнул.

– Очень понравилась! – быстро нашёлся Ося. – Она нам весьма пригодилась...

– А я вам что говорил? – довольно сказал дядюшка. – Тыква – это вещь, с нею не пропадёшь!

– Да, особенно, если её поделить на множество частей, – с хитрой улыбкой вступил в разговор Родя, – чтобы она не была слишком тяжёлой...

– Это уже как вам будет угодно, это уж как захотите! – благодушествовал хозяин. – А знаете что: я вам сегодня, так и быть, ещё одну тыкву подарю, точь-в-точь такую же, большую и красивую, как в прошлый раз!

– Спасибо, дядюшка, ты очень добр к нам, – ответил Ося со смутным предчувствием новой беды. – А мы вам тут арбузиков привезли...

– А подавайте их сюда! – обрадовался дядюшка Тиша.

Через пять минут для обеда уже всё было готово. Правда, арбузы оказались нарезаны не слишком ровно. Со стороны это выглядело, как будто нежно-зелёные лодочки с высокими алыми парусами самых разных форм и размеров беспорядочно скользили по всей поверхности большого круглого озера (дядюшкина стола). Хозяин, воинственно сопя, возился с последним истекавшим сладким соком куском, который напоминал собою высокую рубиновую гору.

– Да ты, Тишенька, их как будто саблей порубил! – со смехом заметила тётушка Иша, войдя в комнату с большой корзиной, полной свежих фруктов.

– Да уж как смог, дорогая, – проворчал в ответ дядюшка, – у меня ведь всё-таки не руки, а копыта...

– Будем приступать! – радушно молвила хозяйка.

И все тут же весело устремились к накрытому столу. Однако прежде чем начать трапезу, хозяин, по обыкновению, водрузил себе на нос очки и выразил желание прочитать из пухлой зелёной тетрадки какое-нибудь подходящее к случаю поучительное стихотворение собственного сочинения.

– Я этого не выдержу! – прошептал Родя на ухо Осе. – Я сейчас бахнусь в обморок или упаду прямо на пол от голода... да я захлебнусь слюной!

– Держись, я сам ненавижу стихи! – тихонько отвечал братец.

– О чём вы там шепчетесь? – осуждающе спросил их Дружок.

– Ничего, может быть, сегодня стих будет не такой длинный, как в прошлый раз, – ободряюще сказал щенку Ося.

– А какой он был в прошлый раз? – испуганно осведомился Дружок, вдруг вспомнив, что ослики рассказывали ему о том, как они возвращались домой и кидались тыквой поздней ночью.

Однако ответить ему не успели, потому что дядюшка Тиша уже нашёл в оглавлении своей тетрадки заглавную букву «А», – на которую у него значились стихи: про Абрикосы, Айву, Алычу, Ананасы, Апельсины, почему-то про Али-Бабу и, наконец, про Арбузы, – и начал читать довольно громким и занудным голосом.

ОДА СПЕЛОМУ АРБУЗУ

Попробуй этот плод на вкус,
И ты узнаешь, что арбуз
Желанней всех плодов земли,
Что кушать ослики могли.

Внутри арбуза – красота:
И краснота, и чернота!
Внутри арбуза – целый мир:
Там море, острова и др.

В арбузе много чего есть,
Что с аппетитом можно съесть.
Попробуй этот плод на вкус,
И ты узнаешь, что арбуз!

Невооружённым глазом было видно, что, читая свои стихи, дядюшка испытывал величайшее блаженство. Что, впрочем, едва ли можно было сказать про остальных осликов.

– Ну как? – вдохновенно спросил хозяин, снимая очки и в волнении закусывая металлическую дужку.

– Хороший стих! – одобрил Ося. – Особенно про «др.»... Долго сочинял?

– Да нет, не так уж, – огорчённо ответил дядюшка, очевидно, ожидая услышать совсем другие слова.

И вдруг неловкую тишину в комнате нарушил взволнованный голос Дружка, на глазах у которого блестели крупные неподдельные слёзы:

– Это самые лучшие стихи... самые лучшие стихи, которые я когда-либо слышал в жизни!

– Что? – не поверил своим ушам дядюшка.

– Вы настоящий... вы великий поэт! – продолжил Дружок. – И не только для осликов, поверьте!

– О, какой милый щенок, – с плохо скрываемым удовольствием воскликнул хозяин дома, только теперь по-настоящему обратив на него внимание, – и такой умный!

Дядюшка Тиша тут же встал из-за стола и сел рядом с Дружком. Все приступили к обеду, оживлённо беседуя о чём-то своём. И только хозяин дома вместе со щенком рассуждали о высокой поэзии. При этом дядюшка Тиша то и дело подкладывал Дружку лучшие кусочки арбуза. А щенок увлечённо, ничего не замечая вокруг себя, их быстро съедал. За этой необычной сценой ревниво наблюдал Ося. Когда Дружку в очередной раз пододвинули изрядный кусок арбуза, ослёнок наконец не выдержал и хмуро сказал:

– Не нужно, дядюшка, ему больше давать!

– Это почему? – удивился хозяин.

– Потому что... – Ося не знал, как лучше объяснить причину. – Потому что... собаки не едят арбузов!

Все присутствующие в доме с удивлением посмотрели на гору изгрызенных арбузных корок, возвышавшихся перед Дружком.

– Ой, и правда, собаки не едят арбузов! – воскликнул щенок, чей животик напоминал уже переполненный бочонок с водой. – Мне, кажется, нужно ненадолго отлучиться!

Пока щенок временно отсутствовал, дядюшка Тиша не переставая восхищался им.

– Дружок – это брильянт мысли, единственный, кто по достоинству оценил мой старый шедевр:

*Среди ужасных бурь и волн
Плыл в лодке ослик, мыслей полн...*

– Нам, кажется, пора домой, – неожиданно сказал Ося, с трудом переносивший дядюшкины поэтические стихийные бедствия, – а то в прошлый раз мы у вас сильно задержались!

– Да, – подтвердил Родя, – мама нам строго-настрога наказала вернуться к ужину.

– Как жаль! – искренне огорчился дядюшка. – Быть может, Дружок тогда сможет остаться и погостить у нас ещё немного?

Как раз вернувшись в этот момент щенку ослики не дали даже высказаться, наперебой перечисляя великие трудности и опасности обратной дороги, особенно когда проходишь мимо тёмного леса.

– Ну что ж, пора так пора, – печально согласился дядюшка, – только вы без подарков уйти от нас и не надейтесь!

И вскоре ослики вновь потянули домой скрипучие тележки, доверху наполненные отборным овсом, зеленью с огорода и самыми сочными фруктами. А в тележке у Оси – да, на этот раз у него, прямо рядышком с развалившимся сверху щенком – ещё и золотилась на солнце большая новая тыква.

Дядюшка и тётушка долго смотрели гостям вслед, украдкой вытирая слёзы, пока ослики не скрылись за высоким пригорком.

– Хорошие у нас племянники! – сказала тётушка Иша, вздыхая. – Воспитанные, умные, не хулиганы какие-нибудь.

– Да и Дружок у них – просто прелесть! – любовно добавил дядюшка Тиша. – Если что, он всегда им подскажет, как нужно себя вести...

А ослики в это время почему-то стали постепенно замедлять шаг и всё чаще оглядываться на неудержимо манящий их, важно покачивающийся в тележке полезный плод.

– Как ты думаешь, Родя, – начал издали Ося, – мы ведь не виноваты в том, что дядюшка опять подарил нам такую большую тыкву?

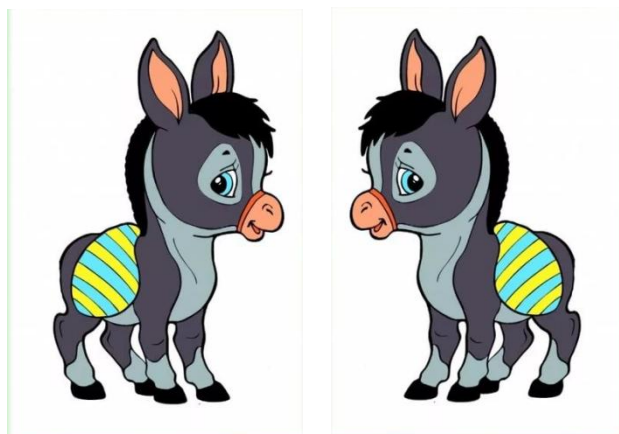
– Нет, мы его об этом совсем не просили! – согласился Родя.

– А кто-то ещё, помню, хвалился, что дальше нас сможет забросить кусок тыквы? – с задорной улыбкой оглянулся на свою тележку Ося.

Дружок тут же решительно вскочил на крепкие лапы:

– Я от своих обещаний никогда не отказываюсь!

Одним словом, друзьям предстояла ещё довольно долгая, но, несомненно, весёлая дорога домой, в Осляtkино.

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ГОРОД-ДЕТСТВО, или СПАСЕМ НЕЗАБУДКИ

Весна окончательно вступила в свои владения, окутав город салатовой дымкой новорожденной листвы и наполнив воздух волнующим запахом предчувствия чего-то нового и обязательно хорошего! Как же я люблю свой город, свою улицу, свой дом! Ведь я родилась в Москве, тут прошли мои детство и юность. В этом городе я любила и теряла, разочаровывалась и вновь наполнялась надеждой на лучшее. Белокаменная была свидетелем моих взлетов и поражений, ошибок и достижений, Москва учила и поучала. Но всегда, неизменно, из всех приключений и путешествий, коротких и длинных, опасных и волнующих, я возвращалась в свой город, в свой дом, в город-детство. Он спасал от горя, согревая теплом родных стен, и утихала боль. Дом лечил любую потерю, отвлекая мозаикой воспоминаний и вызывая невольную улыбку, помогающую вернуть надежду. Да, были времена...

Для меня понятие дома всегда было несколько шире общепринятого, это не просто строение из кирпича или какого-то другого материала. Нет! Рамки понятия «дом» раздвигались. При слове «дом» в моем воображении неизменно возникало видение родной улицы Усиевича, и улица эта воспринималась как часть квартиры, допустим, прихожая. А весь район, дома и переулки превращались в этажи большого дома под названием «район Аэропорт». Поэтому, шагая от метро и радостно, с любовью разглядывая тротуары, газоны и кирпичные девяти-этажки, я уже ощущала себя практически в собственной прихожей. А сам дом, то есть здание, в котором я живу, казался мне такой огромной многокомнатной квартирой. Практически коммуналкой, где вместе и дружно уживаются совершенно разные семьи.

Коллаж А. Народицкой

В этой надежной кирпичной «квартире» были свои порядки и традиции. Все знали друг друга, общались, неизменно здоровались в лифте и у подъезда. По праздникам, особенно в

Новый год, между квартирами-комнатами сновали хозяйки с салатами, пирогами, кусками утки с яблоками и прочей ароматной снедью. Люди делились радостью и гастрономическими изысками. В обычные дни жильцы следили за соседскими кошками: «У вас дверь открыта, не дай бог, потеряется!», бегали в аптеку и за молоком для тех, кто приболел, соглашались приютить школьников до прихода бабушки из магазина. В общем, жили мы одной семьей, в которой могли и поругаться, и помириться – всё как положено.

А улица наша каждое лето благоухала любовно высаженными на газонах цветами. Активные тетушки с грабелями и лейками заботились о питомцах: незабудки (мои любимые), ромашки, колокольчики и маргаритки, нежная космея – все эти цветы сопровождали прохожих вдоль тротуара. Дворы, уютные и тихие, шелестели густыми кронами тополей, лип и кленов, цвели яблони и вишни. А летом мы рвали плоды прямо с деревьев и лопали их ничтоже сумняшеся. Конечно, потом болели животы и нас ругали мамы. Но было так вкусно!

Наш большой, уютный дом-Аэропорт имел свой характер, свое особенное лицо. Как, впрочем, и другие районы-дома Москвы. И еще, друзья мои, эти районы-дома имели свои направления, даже профессии. Были дома-рабочие, дома-чиновники, дома-театралы, дома-музыканты. В те далекие времена, о которых я вспоминаю, люди группировались по принципу социальных прослоек. Не знаю, хорошо это или плохо, но это имело смысл. Наш район-дом даже имел название ХЛАМ! Аббревиатура от слов: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты, короче, творческая интеллигенция. Из-за этого наш район еще называли еврейским. Но нам в нем было хорошо! И должна сказать, это объединение по принципу образа жизни и профессий делало жильцов одного района более близкими. Общие интересы, интересные разговоры, разговорчивые соседи, соседская помощь. Свои своих всегда поймут и поддержат. Но это никак не влияло на общение между районами. Ведь могут же жильцы одного дома дружить с жильцами соседнего! Так и жили не тужили районы-дома и дома-квартиры.

Но в последнее время я чувствую тревогу и печаль, глядя на любимую улицу-прихожую. Я не узнаю район-дом. Мне страшно за мой город-детство. Вся Москва превратилась в один большой котлован. Просто стройка века какая-то! Районы и кварталы строятся и перестраиваются, улицы перекопаны, в ямах и траншеях видны сваленные в кучи трубы. На тротуарах сначала кладут плитку, потом ломают недавно положенную и снова копают. С завидным постоянством ковыряют дороги, а затем опять закатывают в асфальт всю проезжую часть, оставляя при этом грубые лоскуты, похожие на заплатки.

Движение автомобилей то и дело блокируется, машины, пихаясь, толкуются в бесконечных пробках не только из-за частых аварий, но и по вине неторопливых ремонтников, украсивших большую часть дороги красными треугольниками. Повсюду вырастают торговые комплексы, напоминающие могучие корабли. А в последнее время начали сносить старые дома и на их месте воздвигают новые высоченные многоэтажные махины. Эти похожие на скалы жилые дома окружают пугающей стеной, демонстрируя парад архитектурной безвкусицы.

Что же в этом плохого, спросите вы. Неужели ты не рада тому, что нуждающиеся люди въедут в благоустроенные квартиры? Что город станет современнее, будет отвечать продвинутому мировым стандартам?

Да нет! Конечно, я рада за тех, кто, наконец, сможет получить достойное жилье, кто будет работать в новом офисе, кто исполнит заветную мечту – добиться успеха в Москве! Мое огорчение другого формата. Если отталкиваться от моего понятия район-дом, то представьте себе такую картину: в большой и дружный дом неожиданно въехали пришельцы! Гуманоиды

вроде, но с другой планеты, где не ценят всего того, что дорого нам. И захватчики эти бесцеремонны, хотя и не грубы. Вроде всё портят вокруг себя, но как будто для общего блага, чтобы жилось лучше. И разумеется, всё это непременно по просьбам жителей района!

Итак, пришельцы эти расселились по домам-квартирам, не выселяя при этом прежних жильцов! Потеснили, так сказать. И всё совершенно перепуталось: на крыше поставили нелепые шатры, в коридорах развели костры и жгут книги, в ваннных комнатах купают диких зверей. На балконах открыли коммерческие бутики и торгуют прямо на улицу, спуская товар на веревках. Шум, грязь, галдеж в доме невероятный! И суета, какой прежде не было и в помине. Обалдевшим жильцам пришельцы объясняют: «Теперь вам будет лучше, у вас будет всё как на других планетах. Прогрессивно, по-современному!»

А прежние жильцы не хотели по-новому! Им и старого было вполне достаточно. Ну потерпели они немного, да и стали исчезать. Кто на тот свет от потрясения переехал, кто в другую страну в отчаянии, а кто-то забился в дальнюю комнату, да так и живет с пришельцами-оккупантами. Только в лифтах никто уже не здоровается, потому, что друг друга знать не знают. Да и воспитание у захватчиков не то, «со всякими» здороваться не приучены. По праздникам соседи угощениями уже не делятся, не с кем ведь.

В доме текучесть такая, жильцы меняются каждый год! Да и помогать тоже перестали, всем теперь на всё наплевать. А у оставшихся «прежних» задача одна – выжить! Вот такая грустная картина. Потому, несмотря на весну, иду я по любимой Усиевича и не узнаю свой ДОМ. Для новых возводящихся зданий безжалостно вырубают деревья, сносят газоны. На их месте подготавливают места для будущих парковок. Улица задыхается от пыли и выхлопных газов. Бесследно исчезли тетеньки с граблями и семенами, оставшиеся садики безлики и похожи друг на друга, как и новые дома. И ладно еще, если бы новые здания возводились добротно, надежно. Так нет же, строят, что куличики лепят. Одноразовые дома получаются. И смотреть противно, и жить в таких неохота.

Но что самое грустное, город теряет прежний облик. Невысокая и уютная, колоритная и гостеприимная Москва превращается в мешанину кирпича и стекла, металла и бетона. Драгоценные невысокие архитектурные постройки задавлены гигантскими машинами, поглощающими узнаваемый, характерный облик города... «Москва златоглавая», «Москва белокаменная», «Москва-матушка»... Теперь нашему городу больше соответствует страшное слово «мегаполис». Не старинные дома и особняки, не старые улочки и аккуратные храмы, а молы и супер-мега-гипермаркеты, бутики и гранд отели – вот лицо сегодняшней Москвы.

Что с этим делать? Не знаю. Как воспринимать? Непонятно. Лично я никуда уезжать не собираюсь. Во всяком случае, пока. Живу «с пришельцами», пытаюсь сохранить остатки былого вокруг себя. Разбрасываю оптимизм всюду, где бываю. Щедро делюсь дружеским пинком со всеми, кто опустил крылья. Пеку хлеб и пироги, кормлю синичек и воробьев, упрямо здороваюсь в лифте. Улыбаюсь – вопреки! Радуюсь – несмотря! Живу – потому что! И завтра пойду покупать семена. Должен же, в конце концов, кто-то сажать незабудки!

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

*Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)*

Фото автора

ХРОНИКИ ШКИПЕРА

Киклады³

Осеннее утро. Москва. Я спешу на работу в суетливой уличной толпе полупроснувшихся людей. Сам тоже пока еще бодрствую чисто номинально. Торопливо перехожу улицу, косясь на застывший в пятидесяти метрах от пешеходного перехода трамвай. В полусонном мозгу мелькает мысль: «Интересно! Он на ходу или стоит на якоре... Стоп! – соображаю вдруг, просыпаясь, – я же уже не в Эгейском море, а трамвай – не паром!». Да, кикладский поход и бродяжья жизнь яхтсмена уже где-то далеко за кормой. Теперь я снова заурядный московский обыватель, как будто и не был недавно шкипером яхты «Алкистис»...

Киклады... Название этих островов я впервые услышал от Александра Рогова из яхтенного агентства «Марин.ру», когда наметил маршрут и предварительно изучил карту, на которой были названы отдельные острова, но не было названия архипелага. После похода вдоль турецкого побережья в 2006 году захотелось прогуляться по греческим островам. Сначала думал о Додеканесе. Покая не давали восхитительные виды, открывшиеся перед нами с Родоса, где мы с женой отдыхали в 2004 году. Однако после предварительных консультаций в «Марин.ру» выяснилось, что на Додеканес довольно трудно попасть. Серьезная марина есть на острове Кос, но добираться до него надо либо на пароме из Афин, либо на «Метеоре» из Бодрума. И то, и другое и неудобно, и накладно. Чартерные прямые рейсы на Кос появились лишь несколько лет спустя. Взглянув на карту, я обнаружил Киклады (не зная еще, что они так называются), до которых было рукой подать от Афин. По крайней мере, до ближайшего из них – острова Кеа.

Киклады привлекли еще и тем, что среди них был знаменитый Санторини (он же Тира). Этот остров как раз оказывался самым дальним, и маршрут получался очень логичным – этаким эллипс через Кифнос и Милос на Санторини, а оттуда через Парос и Кеа назад.

Начав собирать информацию, я сразу же открыл для себя еще один замечательный остров, ради которого стоило предпринять это путешествие. Дело – священный остров древних греков – имел прямое отношение к названию архипелага. «Киклады» (от «кикλος» или «цикλος» – круг) – значит «расположенные вокруг». В данном случае имелось в виду «вокруг Делоса». Этот остров совсем небольшой по сравнению с другими, но посещение его дорогого стоит, если вас интересует древняя

³ Продолжение. Начало МВ № 1 (23) 2017.

история. В классические времена раз в четыре года афиняне снаряжали пышную ритуальную процессию на священный остров Делос. Понятно, что он был буквально напичкан разного рода храмами. Позже нашлась и другая версия происхождения названия архипелага, которая кажется мне сейчас более правдоподобной. Сначала острова назывались «Кикнады». «Кикнос» значит «лебедь», т. е. «лебяжь» острова. Символ лебедя присутствует на многих древних памятниках Киклад.

Добыв яхтенную лоцию этого региона, я начал изучать условия плавания. Основная особенность заключалась в том, что там летом дует сезонный ветер под названием «мелтеми». Дует он часто, сильно и всегда с севера с незначительными вариациями направления. Поэтому из Афин уйти на юг под парусом легко, а вот вернуться значительно сложнее, и тут без мотора обойтись трудно. Можно было рассчитывать на плавание в лавировку, но, как выяснилось позже на месте, эти надежды не оправдались. Лавировка на двухметровой волне оказалась практически невозможной.

Следующим этапом подготовки стало комплектование экипажа. Костяк был определен довольно быстро: мы с женой и два Ивановича: Александр Сковородкин и Дмитрий Дериволков – мои старые и постоянные товарищи по яхтингу. Дима, правда, некоторое время помучился сомнениями, но в конечном итоге принял решение. Предстояло найти еще двоих, поскольку мы рассчитывали на шестиместную лодку. Сделав предложение ряду своих знакомых, я наконец нашел желающих в лице моего коллеги – еще одного Димы, Федотова, и его жены Лены.

Между тем из Греции поступили предложения по лодкам. В довольно внушительном списке я обратил внимание на неожиданно дешевый сорокафутовый семилетний «Sun Odissey». Он был даже дешевле лодок меньшего размера, но, правда, более молодых по возрасту. На него и пал выбор. Этакий компромиссный вариант – достаточно дешевый и достаточно большой. Для некоторых моих спутников цена была решающим критерием, вместе с тем, чем больше лодка, тем комфортнее на ней жить, а жить предстояло две недели.

И вот в назначенный день летим утренним рейсом в Афины. Нас четверо. Дима с Леной полетят позже. Мы уже знаем по опыту, что в субботнем самолете в популярное яхтенное место обычно обнаруживаются еще несколько экипажей. Вот и теперь быстро замечаем в салоне большую шумную и довольно нетрезвую компанию, которая явно, подобно нам, направляется на арендованную лодку. Основной шум создают две непрерывно хихикающие девицы. Их почему-то до икоты смешат любые детали будущего путешествия. Никогда бы не подумал, что яхта это так смешно! Общее впечатление, которое они оставляют – весьма убедительный аргумент в пользу теории Дарвина о происхождении человека.

За семнадцать лет, прошедшие с моего предыдущего визита, в Афинах появился новый аэропорт. Старый находился в городской черте к югу от центра, практически на берегу моря. Новый оказался сильно за городом, километрах этак в пятнадцати.

Такси везет нас в Каламаки. Именно так называется район, где расположена марина. Современное шоссе, окруженное горами со скудной растительностью, быстро сменяется шумными и тесными улицами города. Мы пробираемся через скучный жилой район, застроенный трех-пятиэтажными незатейливо благообразными и столь же примитивно однообразными домами. Иногда попадаетесь и что-то повыше.

Водитель спрашивает у меня, как называется лодка и где именно она стоит. Недоумевая, зачем ему это, отвечаю, что единственное, что у меня есть, это бумага с именем и телефоном менеджера чартерной компании и план марины с указанием местонахождения нашей лодки на причале номер 9. Набираю номер, представляюсь и передаю телефон водителю. Он что-то выясняет у менеджера, после чего мы съезжаем с набережной по довольно крутому спуску и оказываемся в марине. Дорога идет вдоль берега бухты направо и налево. Сначала поворачиваем направо. Разобраться с номерами

причалов довольно трудно. Вскоре убеждаемся, что попали не туда, опять звоним менеджеру, возвращаемся и едем налево. Попутно я понимаю, почему водитель интересовался подробностями расположения лодки – марина огромная. Высади он нас у въезда, и пришлось бы долго таскаться с вещами в поисках лодки.

Забегая вперед, скажу, что второй Дима (Федотов) с Леной, которые прилетели несколько позже, оказались именно в такой ситуации. Мы едем мимо самых разнообразных парусных и моторных яхт, стоящих на воде у пирсов и на берегу на киль-блоках. Вокруг поднимается (простите за штамп) лес мачт, опутанный паутинами вант и штагов. А на бортах и транцах красуются затейливые имена лодок и экзотические дразнящие названия портов приписки.

Наконец мы на лодке. Зовут ее «Алкистис». Мне понадобилось несколько дней, чтобы выучить это название. Нас встречает менеджер по имени Георгий – молодой парень лет тридцати с мягкими манерами и вкрадчивым голосом. Вместе с ним сотрудник по техническому обслуживанию лодок – Василий. Этот постарше и попроще на вид. С удовольствием заносим на борт и распределяем по каютам вещи. Теперь на очереди еще два важных мероприятия: закупка продовольствия и приемка лодки. Выясняю ситуацию у Георгия.

– Есть два варианта, – говорит он. – Можете пойти сами в супермаркет или вызвать человека, который отвезет вас на машине. Второй вариант чуть дороже.

«Дороже», как выясняется, несущественно, зато существенно удобнее. Георгий вызывает нам службу доставки и с нашего согласия назначает брифинг и приемку лодки на пять часов.

Через несколько минут мы уже в небольшом магазине, похожем скорее на мелкооптовый склад, закупаем упаковки соков и вина.

– Это хорошее вино! Не комси-комса! – говорит хозяин, показывая бутылки по два с половиной евро. Тут есть и по полтора, а мы уже взяли половину нужного нам объема по два евро. Ну, раз «не комси-комса» (это выражение чуть позже войдет у нас в поговорку), то давай еще двадцать бутылок! Далее нас везут (недалеко) в какой-то супермаркет и запускают внутрь. Минут через сорок с тремя полными тележками продуктов мы выползаем на свет божий. Машины нет. Ждем. Между тем из супермаркета выбираются еще две тяжелогруженные команды, явно яхтенные. Суббота – день начала чартера. Через некоторое время подъезжают машины, которые по очереди забирают всех нас.

На въезде в марину мы наблюдаем замечательную сцену. Две наши знакомые «мартышки» из самолета со страдальческими выражениями на лицах, постанывая и вздыхая, толкают переполненную огромную тележку с продуктами. Они, очевидно, решили не пользоваться услугами службы доставки. А может, это шкипер решил устроить им «школу молодого бойца», чтобы не слишком веселились.

Через пять минут мы на лодке разгружаемся, а затем распахиваем припасы по всяческим рундукам и прочим укромным местам. Вскоре появился Георгий. Он принес документы и начал брифинг. Самой неприятной неожиданностью оказалось отсутствие у лодки фекальных цистерн. «А что вы хотели за такую цену!» – поясняет менеджер. Так что на стоянке – одно из двух: хочешь – купайся, а хочешь – пользуйся туалетом. Запас пресной воды на борту, по словам Георгия, хранился в двух соединенных параллельно баках – носовом и кормовом. Всего 400 литров. Однако из двух указателей уровня воды работал только один. В GPS чарт-плоттер не была загружена карта, поэтому годился он только для определения текущих координат, которые надо было вручную наносить на бумажную карту.

Лодка имела закручивающийся на форштаге стаксель и поднимаемый грот, который упаковывался в спущенном состоянии в специальный чехол, закрепленный на гике (*lazy jack*). Современные лодки в большинстве своем имеют грот, закручиваемый внутрь мачты. Такая конструкция удобнее, хотя и у нее есть свои недостатки. «Алкистис» был оборудован двумя

штурвалами (по левому и по правому борту) и тузиком типа «Зодиак» с небольшим подвесным мотором.

– Куда вы пойдете? – спросил Георгий.

– До Санторини.

– Когда собираетесь выходить?

– Сейчас! – мне не терпится скорее в море.

– Не стоит этого делать. Тут очень интенсивная навигация, ходят большие суда. Идти в темноте опасно. Подождите до завтра.

– Завтра я хотел быть к середине дня на острове Кифнос.

– Пустяки. Тут всего пять часов хода.

По моим расчетам, существенно больше. До Кифноса сорок пять морских миль. При средней скорости, на которую можно рассчитывать – пять узлов – девять часов хода.

Однако Георгий настаивает.

– Хорошо, – говорю я, – мы выйдем утром в четыре часа. Кроме всего прочего мне хочется сделать ночной переход, ориентируясь по маякам. Что с погодой?

– Об этом не волнуйтесь ветер 4–5 баллов.

В четыре часа мы, сонные, выползаем на палубу. Темно, но марина освещена многочисленными фонарями. Тихо, на соседних лодках все спят. Запущен дизель. Дима Дериволков встает к штурвалу, мы отдаем швартовы, и лодка, неслышно скользя, выходит на узкий фарватер между бонами, уставленными яхтами. Справа и слева в полумраке проплывают носы пришвартованных лодок с протянутыми от них в воду канатами мурингов. Вот конец бона, перед нами внешняя стена марины – каменная и довольно высокая, ограждающая тихую акваторию от непредсказуемого моря. Теперь направо вдоль стены и между красным и зеленым маячками вон из марины в море. Вокруг сразу стало темно. Светится в ночи удаляющийся берег, мерцает шкала компаса. Над нами мутное от морской дымки звездное небо, вдоль горизонта в черноте ночи мигают маяки. Каждый из них надо опознать по пеленгу и характеру мигания и соотнести с картой, тогда будет понятно, где мы и куда идти. Ложимся на генеральный курс – почти вдоль берега постепенно удаляясь от него под острым углом. Впереди в десяти милях хорошо виден маяк на острове Флевес. Его надо обойти левым бортом. Мы в большом заливе Сароник. Слева в полутора милях – ближний берег, сзади сияют огнями Пирей и центр Афин. Справа в паре миль от нас видно несколько огней больших судов. Там основной судовой ход. Туда нам не надо.

Начав разбираться с маяками, обнаруживаем, что их несколько больше, чем следовало ожидать, судя по карте. Некоторые затрудняемся идентифицировать. Слава богу, GPS показывает координаты, которые можно легко нанести на карту и определить свое местоположение без помощи маяков. Если бы не он, жизнь была бы существенно сложнее. Мы не рискуем во мраке ставить паруса. С двигателем как-то проще и надежнее.

Время тянется медленно. Хочется рассвета, чтобы увидеть мир вокруг себя, оценить расстояния и потенциальные опасности не косвенно по приборам, картам и далеким огням, а непосредственно, визуально. Однако проходят минуты и часы, а мрак над горизонтом остается непроницаемым. Наконец около шести утра восточный край неба начинает светлеть. Скоро ночь сменяется сумерками, в которых уже нет ощущения потерянности в пространстве. Темнота и неопределенность сменяются конкретным и понятным окружением. Вокруг лодки плещется море, над головой уже не топовый огонь, висящий в непроницаемой пустоте, а мачта со всеми ее причиндалами – вантами, краспицами и т. д.

Берег уже не обозначен россыпями огней, а виден со всеми доступными глазу подробностями. Вид у него суровый. Сероватые дикие, покрытые редкой мелкой выжженной на солнце растительностью стоят горы слева по борту. Вдали проявились темные контуры островов. Справа в нескольких милях ползут большие грузовые суда. Теперь они тоже уже не просто группа огней во тьме. Пришла пора ставить паруса. Благо ветер попутный. Он гонит нас на юг к островам Кикладского архипелага. Раскручен большой генуэзский стаксель.

Он наполнился ветром и замер, упруго дрожа, как купол парашюта. Грот ползет вверх по мачте под треск храповика лебедки. Вот и он принял в себя силу ветра и туго натянул гика-шкот. В тишине, которую не нарушает больше гул мотора, хорошо слышно, как бурлит вода в кильватерной струе. GPS показывает скорость между семью и восемью узлами. Отличный ход! Солнце ударило в глаза, прорвавшись через легкие облака, нависшие над самой вершиной небольшой горы впереди по левому борту. День первый начался!

Около восьми часов мы выходим из залива Сароник, дальше предстоит пересечь основной судовой ход. Большие корабли, направляющиеся в Босфор и вообще на север Эгейского моря, в этом месте уходят на северо-восток в грозный своими ветрами и течениями пролив Доре Стратос. Яхтенная логия категорически не советует соваться в это бурное горло в беспокойную погоду. Нам, правда, туда и не надо. Наш путь на юг. Мы начинаем медленно сближаться с большим сухогрузом, курс которого должны пересечь. И тут я понимаю, почему Георгий не рекомендовал идти ночью. Слава богу, уже совершенно светло. Мы подошли к этому месту во время. В темноте без радара нам было бы чрезвычайно трудно оценивать дистанцию до сухогруза, да и о курсе его можно было бы судить только очень приблизительно.

Расстояние между нами и большим судном продолжает сокращаться. Стальная громадина со скоростью 14 узлов приближается к нам с правого борта. Ощущение довольно неприятное. Некоторое время мы напряженно следим за сухогрузом, пока наконец не становится очевидным, что он успеет пройти немного раньше, чем мы пересечем его курс. А слева впереди уже поднимается темный силуэт острова Кеа – первого на нашем пути из архипелага Киклад... Море покрыто легкими белыми барашками – ветер больше 3-х баллов по шкале Бофорта. За комой на веревке в бурлящей струе соленой воды полощется футболка Димы Федотова, только что облитая утренним кофе...

В середине дня мы подошли к запланированному месту первой стоянки на острове Кифнос в четырех милях к югу от его северной оконечности. Этот относительно большой остров вытянулся с севера на юг на двадцать километров. Место стоянки довольно интересное. Бухта образована выступом самого Кифноса и небольшим безымянным островком, соединенным с главным островом низкой и узкой песчаной косой. За косой еще одна бухта, но на яхте через косу, даже самую незначительную, не перепрыгнешь. Чтобы пройти туда, надо обогнуть островок.

Между тем и тут (перед косой), и там (за косой) довольно много яхт на якорях. Начинаем и мы процедуру постановки на якорь. Сначала пытаемся пристроиться возле большой двухмачтовой шхуны под английским флагом, но быстро обнаруживаем, что якорь не держит и нас сильно тащит по ветру. Выбираем цепь, поднимаем якорь и подбираемся поближе к берегу в надежде найти хорошее

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

укрытие от ветра и песчаное дно, на котором якорь будет хорошо держать. Еще в прошлом году в Турции было замечено, что даже в совершенно закрытых с виду бухтах очень ветрено, когда дует мелтеми. Вот и сейчас: стоим прямо под горой с ее подветренной стороны, а толку – чуть. Ветра нет только под самым берегом, куда на килевой яхте не подойдешь. В конце концов, с третьей попытки, удалось зацепиться якорем за дно, после чего с некоторым трудом еще привязались с кормы к береговой скале.

По завершении этой процедуры настало время расслабления и праздности. Кое-кто отправился на берег на тузике искать обещанные лоцией горячие источники, в то время как другие просто плюхнулись за борт понежиться в теплых водах Эгейского моря. Праздность и безуспешные поиски горячих источников, впрочем, довольно скоро наскучили, и после обеда мы решили попробовать найти стоянку вблизи цивилизации. Более всего нас интересовала таверна, которая могла бы скрасить вечер морским бродягам. Увы! Потуги наши были напрасны. Небольшой причал в ближайшем местном порту Меричас оказался полностью занятым. На рейде тоже не было возможности надежно стать на якорь, и после долгих и бесплодных попыток где-то пристроиться мы оказались в глубоко вдающейся в гористый берег бухте у деревни Апокриси, недалеко от места нашей дневной стоянки по другую сторону упомянутой песчаной косы. Здесь на рейде и заночевали.

Следующее утро встретило нас штилевой погодой. В благостном расслаблении мы двинулись в путь по спокойному морю. Ровно гудел мотор, и форштевень резал зеркальную гладь воды, оставляя за кормой длинную борозду. Светило низкое ласковое солнце, и жизнь казалась волшебной сказкой...

П е р в о н а ч а л ь н о предполагалось, что на второй день мы двинемся на родину Венеры Милосской – остров Милос. Однако, как выяснилось, на другом острове – Паросе – тем временем отдыхал старший сын Дмитрия Ивановича Андрей с женой, причем это был последний день, когда их там можно было застать. Данное обстоятельство заставило нас изменить планы и направиться на Парос, дабы способствовать встрече и воссоединению близких родственников вдали от родины. Пройдя некоторое время вдоль берега Кифноса и дождавшись, когда стало жарко, мы легли в дрейф, бросили за корму веревку и стали с удовольствием купаться в спокойном открытом море.

Насладившись водными процедурами, пошли дальше, и тут я обратил внимание на один странный момент в поведении лодки. Автопилот не включался. Точнее, при нажатии кнопки включения он вроде бы сначала включался, но тут же и отключался через секунду-другую. Я не сразу прореагировал на эту странность. Поначалу просто не обратил внимания – ну выключился и выключился, бог с ним! Однако повторные неудачные попытки включить автопилот пробудили нарастающую тревогу. Ощущение волшебной сказки стало быстро испаряться.

Недолго думая я нырнул внутрь лодки и, глянув на приборы, с неприятным удивлением обнаружил, что вольтметр показывает всего 10 вольт напряжения на сервисном аккумуляторе. Проще говоря, аккумулятор полностью разряжен и, что самое плохое, не заряжается от работающего дизеля... Теперь стало очевидно, что, как говорят в американских фильмах, «у нас проблемы».

Стал мучительно вспоминать: сколько же было на вольтметре, когда принимали лодку, и не вспомнил. В любом случае, понятно, что аккумулятор (даже если он был поначалу заряжен) доконала «ночная езда» с ходовыми огнями и ночевка на рейде со стояночным огнем. Пришло время близко познакомиться с устройством двигателя, генератора и электрооборудования лодки. Двигатель, кстати, как заметил Василий, сдавая мне лодку в марине, был отличный, не какой-нибудь *Volvo Penta*. Марку его я уже не помню. Впрочем, знакомство это ничего нового не дало. Было ясно, что генератор не работает и требуется серьезный ремонт...

Я начал звонить Георгию (благо мобильная связь работала). Сначала он пообещал найти техника, который мне перезвонит, но через некоторое время позвонил сам и сообщил, что на Паросе у них есть служащий, способный выполнить ремонт. Необходимые запчасти привезут паромом. Сейчас я бы, пожалуй, не стал особенно переживать. На чартерных лодках довольно часто возникают технические проблемы, поскольку их эксплуатируют гораздо более интенсивно, чем обслуживают. Однако тогда настроение неопытного капитана было серьезно испорчено. Не помогли даже появившиеся дельфины, которые несколько минут радостно резвились возле носа лодки.

А погода и виды были совершенно райскими! Гладкое как стекло море, ясное небо и гористые острова в дымке со всех сторон, над каждым из которых в воздухе замерло белое кучевое облачко. Через несколько часов на фоне приближающегося Пароса в море стали заметны два каких-то небольших объекта. Спустя еще некоторое время мы уже надежно идентифицировали их как Портас – скалу на входе в залив населенного пункта Парикия.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

В лоции она фигурировала в качестве характерного ориентира. Несколько лет назад на Портас из-за разгильдяйства вахтенного штурмана налетел большой паром, что закончилось гибелью семи десятков человек в бурном море... Правее стала видна цепочка скал – Агиос Спиридонис (Святой Спиридон). Солнце уже заметно клонилось к закату, когда мы, оставив Портас справа, как предписывала лоция, с некоторым трудом нашли вход в бухту, бросили якорь и пришвартовались кормой к внешней стенке пирса. Двое местных принимали

наши швартовы и попутно руководили процессом причаливания, давая команды и ценные советы Диме, стоявшему у руля. Мне приходилось обеспечивать синхронный перевод.

Рядом стояло довольно много яхт. Внутренняя акватория за пирсом была полностью занята. С некоторым трудом заглушили дизель, который не хотел выключаться при нажатии соответствующей кнопки. По-видимому, эта кнопка работала от того же сервисного аккумулятора. Пришлось сначала подключить береговое электропитание. Это тоже оказалось проблемой – все розетки на пирсе были заняты. Однако благодаря взаимовыручке, характерной для яхтсменов (как, впрочем, и для любой путешествующей публики), и эту трудность преодолели. Один из соседей достал из загашника разветвитель, к которому мы благополучно подключились. Вскоре появились Андрей с женой, и мы направились осматривать город (если Парикию можно так назвать). Для начала посетили монастырь с древней церковью святой Екатерины, а затем отправились бродить по узеньким игрушечным улицам городка.

Дима Дериволков, измученный одиночеством, быстро нашел себе женщину. Она неподвижно стояла у входа в сувенирный магазинчик и молча глядела в пространство нарисованными глазами. Дима обнял ее, а я их сфотографировал. Женщина не возражала, и это вполне естественно, поскольку была она всего-навсего большой куклой...

Далее мы вышли к довольно забавной мраморной башне, которую в средние века соорудили (не то византийцы, не то крестоносцы) из элементов античных строений. Кладка выглядела довольно причудливо: там и тут среди неплотно уложенных разнокалиберных прямоугольных мраморных блоков были вставлены круглые фрагменты колонн. Рядом на каменном заборе сидела симпатичная черная кошка. На Димину попытку с ней пообщаться она ответила неожиданным и недвусмысленным шипением с демонстрацией острых зубов. Покоробленные столь недоброжелательным приемом, мы пошли дальше. Выбрались к небольшой греческой церкви, расположенной выше других зданий над заливом. Отсюда было приятно смотреть на сиреневое в сумерках заката море и уходящий по нему паром, освещенный сотнями огней. Между тем уже совсем стемнело, и, выбравшись на набережную, мы приземлились в одной из таверн под навесом на самом берегу. Ели мелкую рыбу во фритюре, запивали местным вином. Так закончился второй день путешествия.

Утро следующего дня началось для меня с напряженного ожидания обещанного техника. Экипаж побрел купаться на недалекий пляж, а я ждал на лодке. Ближе к полудню появился техник – красивый крепкий коренастый парень с копной длинных светлых кудрявых волос. Вчера я видел его на пирсе среди других служащих. Он только что получил запчасти, приехавшие на пароме – генератор и электронный блок реле-регулятора. Завели мотор. Измерив напряжение в нескольких точках, он быстро определил, что отказало реле-регулятор. Ремонт занял минут пятнадцать. Было жарко, и оба мы взмокли. Однако от предложенного мной пива из нашего холодильника техник отказался, сообщив, что вчера они провожали одного из сослуживцев на родину в Австралию, в связи с чем, было большое *party*.

Итак, мы были готовы к дальнейшему плаванью. Теперь нас ждал остров Фолегандрос. Ходу туда чуть больше тридцати миль. Немного более короткий путь пролегал через узкий и опасный пролив между Паросом и соседним островом Антипаросом. Более длинный, но безопасный – в обход Антипароса. Мы колебались недолго и выбрали путь нормальных героев, которые, как известно, «всегда идут в обход». Времени до заката было в обрез. Лодка шла вдоль внутренней стороны гряды камней Агиос Спиридонис, заканчивавшейся небольшим островком с высокими отвесными берегами. При ближайшем рассмотрении на макушке этой скалы обнаружилась белая каменная часовня типичной греческой архитектуры. Мы оставили островок с правого борта. Слева торчала еще одна скала с туалетным названием Каки Скала. Солнце светило таким образом, что она виделась мрачным черным треугольником. Дальше пошли вдоль затейливых скал гористого берега Антипароса. Они зачаровывали своими фантастическими формами, будили воображение, и очень скоро кто-то

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

придумал игру, которой самозабвенно предался весь экипаж. Один говорил, показывая на скалы: «А вон птица летит, разинув клюв!» Остальные рассматривали затейливый рисунок природы и давали свои комментарии и дополнения. Потом кто-то другой видел голову льва или рыбу в нагромождении камней. И обсуждался уже новый образ.

По мере нашего движения менялись ракурсы и виды одних и тех же скал, впереди открывались новые видения, а старые таяли вдали за кормой. Так за приятным занятием мы миновали не только Антипарос, но и следующий плотно прижатый к нему остров Диспотико. Пролив между Антипаросом и Диспотико с точки зрения навигации ничуть не лучше, чем между Паросом и Антипаросом. Наконец, через два часа, открылся более широкий и уютный проход между Диспотико и еще одним островком – Стронгило. В него мы и свернули, увидев вдали очертания Фолегандроса, до которого оставалось еще 18 миль. Тут наконец поставили паруса и через некоторое время даже заглушили дизель.

Несколько усилившийся северо-западный ветер давал надежду на хороший ход. Вскоре, правда, я, сопоставив скорость и оставшееся расстояние, все же решил идти «двойным ходом» (под парусом и мотором одновременно), только таким образом мы успевали до темноты на стоянку. Переход был приятным и спокойным. Лодка весело бежала под наполненными ветром парусами, слегка кренясь на правый борт и урча мотором. Качки не было, народ, наговорившись всласть, мирно дремал кто на банках в кокпите, кто внизу в каютах. Я сидел возле штурвала, наслаждался туманными видами далеких гористых островов, поднимавшихся из моря со всех сторон горизонта, и изредка подправлял курс кнопками автопилота. Море было пустынно.

Силуэт Фолегандроса постепенно рос, проявляя все больше и больше деталей. Вот уже видна на горе россыпь белых точек. Это «хора», что означает «верхняя». Так называются на Кикладах населенные пункты, находящиеся на макушках островов. У каждого острова своя «хора». По-видимому, от этого слова происходят русские слова: «хоры» – внутренний балкон в церкви, и «хор» – то, что располагалось на этом балконе.

На закате мы подошли к острову. На фоне сиреневого неба из бухты показался пассажирский паром. Он двигался на встречу. Некоторое время, сближаясь, мы напряженно соображали, как безопасно пройти между ним и берегом, к которому, казалось, он нас прижимал. Не следует ли нам изменить курс? Потом паром дал короткий гудок, что означало: «Изменяю курс вправо». Теперь можно было расслабиться и идти по-прежнему.

В бухте начался форменный кошмар. Лодок на якорях было полно, у небольшого причала все места заняты. Мы кладем якорь, а он не держит под свирепым напором мелтеми, который хозяйничает в бухте как у себя дома, несмотря на возвышающуюся на берегу гору. Тихо только под самым берегом, но туда не подобраться. Мы повторяли попытки раз восемь, пока наконец не зацепились. Вместе с нами этот же маневр повторяла подошедшая лодка с немцами. Им тоже долго не удавалось встать. Наконец уже в полной темноте после очередного захода мы поняли, что якорь держит. Женщины тем временем давно орудовали на камбузе, поэтому ждать ужина было не надо. На ночь пришлось выставить вахту по полтора бессонных часа на брата. Без нее сон вряд ли бы был спокойным. Уверенности в надежности якоря не было.

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2017